

С. Т. Аксаков. Портрет И. Крамского.

Э. Л. ВОЙТОНОВСКАЯ

С. Т. АКСАКОВ
В КРУГУ
ПИСАТЕЛЕЙ • КЛАССИКОВ

*Документальные
очерки*

Ленинград
«Детская литература»
1982

8 P1
B-61

Раздел «Аксаков и Тургенев» написан Э. М. РУМЯНЦЕВОЙ,
«Знакомство с Державиным» — Н. Б. РОГОВОЙ.

Научный редактор А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ,
кандидат филологических наук

Рецензент Г. А. БЯЛЫЙ,
доктор филологических наук

Оформление И. М. СЕНСКОГО

Фотоработы А. Л. КОРОЛЯ

©Издательство «Детская литература», 1982 г.

4802000000—172
В—————456—82
M101(03)—82

ВСТУПЛЕНИЕ

Знают ли те, кому Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859) знаком по «Аленькому цветочку» и «Детским годам Багрова-внука», что автор этих произведений оказал благотворное влияние на творчество писателей XIX века, имена которых являются гордостью русской литературы, — Гоголя, Шевченко, Тургенева, Толстого и других. «Все мы должны у него учиться», — писал Тургенев, восхищаясь языком аксаковской прозы.

Дружба и близость Аксакова с писателями-современниками была одушевлена гуманистическими идеалами, заботами о судьбах Родины, народа, литературы.

Дом Аксаковых являлся своеобразным культурным гнездом, средоточием духовного общения писателей и деятелей искусства нескольких поколений.

В XIX веке существовали разные формы литературного общения: кружки, салоны, литературные вечера.

Литературное окружение было не только живым родником искусства, но и аудиторией, в которой происходила первая встреча писателя с читателем, обнаруживалось, насколько верна созданная автором картина жизни, близки и дороги современникам идеалы писателя.

Литературная среда приобретает для писателя особенно большое значение, когда печать по условиям цензуры не может быть в полной мере выразительницей общественного мнения, как это было в России в первой половине XIX века.

Хорошо известно, какую большую роль для развития художественного сознания и общественной мысли России первой половины XIX века сыграли кружки Герцена, Огарева, Станкевича. Широкий круг литераторов собирался в известных салонах Э. А. Волконской, А. П. Елагиной, Е. А. Карамзиной, В. Ф. Одоевского, А. О. Смирновой, дочери Кутузова Е. М. Хитрово и его внуки Д. Ф. Фикельмон и других.

На фоне известных петербургских и московских кружков, салонов дом С. Т. Аксакова выделялся постоянством, глубиной и разносторонностью культурных интересов.

К середине 1840-х годов С. Т. Аксаков был хорошо известен как литературный и театральный критик. Его ценили и любили за тонкий эстетический вкус, широту взглядов и «умное сердце». Заканчивая работу над одним из своих произведений, великий украинский поэт Т. Г. Шевченко записал в своем дневнике: «Как примет его С. Т. Аксаков? Мне ужасно хочется ему нравиться, и только ему. Странное чувство!». В. Г. Белинский писал сыну С. Т. Аксакова о его отце: «Наши лета и понятия разнят и рознят нас, но я тем не менее уважаю его за верное чувство поэзии и за добрый и благородный характер».

Общительный, доброжелательный, отзывчивый, увлеченный литературой и театром С. Т. Аксаков привлекал к себе писателей, ученых, актеров, музыкантов.

На субботах в доме Аксаковых можно было встретить известного историка, издателя журнала «Московский вестник» М. П. Погодина, профессора рус-

ской словесности С. П. Шевырева, автора популярного в те годы романа «Юрий Милославский» писателя М. Н. Загоскина, драматурга А. А. Шаховского, собирателя народных песен П. В. Киреевского. В доме С. Т. Аксакова бывали Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, поэты Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, Н. М. Языков, А. С. Хомяков, актер М. С. Щепкин, композитор А. Н. Верстовский, автор известной оперы «Аскольдова могила», и многие другие.

Гостеприимный дом посещали люди разных политических взглядов и ориентаций. Несмотря на идейные расхождения, здесь охотно собирались и западники, и славянофилы. Их объединяли дружеские отношения. По словам одного из современников, они обсуждали «сообща возникавшие вопросы, делили друг с другом и общественные радости (которых было очень мало) и общественное горе (которого было в избытке)».

Влияние на литературу «дома Аксаковых», как и незаурядной его личности, было очень велико. Это был особый дом и особая семья, в которой весь уклад, быт как бы пронизывались культурными интересами.

День семьи был наполнен определенными занятиями. В одном из писем С. Т. Аксаков сообщал: «От утреннего чая до завтрака и потом до позднего обеда все мы заняты своими делами: играют, рисуют, читают; Константин что-нибудь пишет, а я диктую... После обеда мы уже не расходимся по своим углам, а сидим вместе: весь вечер продолжается уже общее чтение. Каждый вечер мы читаем что-нибудь... по порядку выхода».

О. С. Аксакова. Акварель неизвестного художника.

Дом С. Т. Аксакова был совершенно особенным и по тем отношениям общей любви, сердечности, теплого радушия, а также тихого (хотя и не безмятежного) счастья, которые царили в нем. Все было основано на полной свободе и взаимном доброжелательстве, все держали себя с полной непринужденностью, в том числе и дети. Все любили «отесеньку» (как называли дети С. Т. Аксакова), доброго гения своей семьи и знакомых.

Созданию сердечной атмосферы в семье много способствовала жена Сергея Тимофеевича Аксакова — Ольга Семеновна.

Один из биографов С. Аксакова пишет: «...семья эта, имеющая полное право на название образцовой, была создана больше всего любящим и замечательно выдержанным характером Ольги Семеновны, ее редким тактом, ее умом и сердцем, а между тем она достигала этого незаметно, не только не выдвигая себя на первый план, но даже не имея притязания ни на какое нравственное преобладание, но совершенно естественно, скромно и незаметно исполняя свой долг. Ее назначение было сохранять в семье внешний порядок и внутреннюю гармонию. Она вносила в нее теплый, ровный свет...».

Сыновья С. Т. Аксакова Константин Сергеевич и Иван Сергеевич были высокообразованными людьми, видными публицистами и критиками, они унаследовали от отца горячую любовь к русской культуре, изучали отечественную историю; перу Константина Сергеевича принадлежит ряд серьезных работ по лингвистике, а Иван Сергеевич был известен и как поэт.

Аксаковская семья хранила традиции героического русского прошлого. Был, например, у Аксаковых совершенно особенный праздник Вячки — в честь одного малоизвестного древнерусского витязя, выбросившегося из башни осажденного немцами города. Праздник этот отмечали ежегодно 30 ноября. В этот день сыновья Сергея Тимофеевича наряжались в железные латы и шлемы, маленькие дочери — в сарафаны, все вместе водили хороводы и пели песню, сочиненную Константином Сергеевичем.

Зиму Аксаковы проводили в Москве, летом ездили в Оренбургский край, где прошло детство Сергея Тимофеевича. Когда поездки стали затруднительными, Аксаковы начали подыскивать усадьбу поблизости от Москвы. После долгих поисков остановились на имении Абрамцево, о чем С. Т. Аксаков писал в одном из стихотворений:

Мы, наконец, нашли именье
По вкусу нашему, как раз.
Прекрасно местоположенье,
Гора над быстрою рекой,
Заслонено от глаз седенье
Зеленой рощей густой.
Там есть и парк, и пропасть тени,
И всякой множество воды...

Живописное имение Абрамцево полюбилось Аксаковым и их многочисленным друзьям. В радушном доме подолгу гостил Гоголь. В кругу семьи Аксаковых он мастерски читал свои произведения, рассказывал о замысле второго тома «Мертвых душ».

По вечерам в Абрамцево обсуждали литературные и театральные новости, спорили о народе, истории, много говорили о русских народных песнях, которые в то время собирали и записывали П. В. Киреевский и Н. М. Языков.

Поэтическая природа Подмосковья благотворно действовала на С. Т. Аксакова. Внешне всегда спокойный и добрый, неторопливый и простой, он был наделен, по словам Гоголя, «нервически-пылкой» натурой, чуткой, страстной и увлекающейся. В его литературном таланте реализовалась преимущественно одна сторона природной одаренности — мудрость и покой. Другая же — пылкость и страстность —

Дом в Абрамцево. Вид со стороны двора.

«с избытком» проявлялась в его отношении к людям. С. Т. Аксаков обладал уникальной способностью сочувствовать и сопереживать. Особенно это проявлялось в отношении к талантливым людям. С. Т. Аксаков умел «заметить», распознать талант и помочь ему раскрыться. В этом он видел свою миссию. Редко кто мог так безошибочно оценить масштаб и историческую значимость талантливой личности, способность ее содействовать развитию родной культуры.

Непринужденно и естественно отдавался он душой своим избранникам, помогал им находить себя и свое место в культурной деятельности. Судьба таланта, сложность его вхождения в литературу всегда волновали С. Т. Аксакова.

Он умел помочь другу и в беде, и в усталости, и в болезни, отдавая в его распоряжение тепло и уют своего дома.

Характерные черты ярко одаренной натуры С. Т. Аксакова обусловили склонность его к документальному жанру. В форме воспоминаний написаны почти все произведения писателя. С. Т. Аксаков значительно видоизменил и развил этот жанр. Внешне простая, непритязательная форма его повествования, единый поток событий, выписанных неторопливо, с дневниковой точностью и детальностью, оставляют впечатление ненадуманности, естественности и простоты, как будто сама жизнь являет себя в своем каждодневном течении. Но за всей этой кажущейся простотой стоит большое мастерство, искусство психологического анализа, обдуманый выбор фактов. История, время, люди, бытовая реальность, запечатленные в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова, делают это произведение достоверным, убедительным и красноречивым документом эпохи. То же можно сказать и о его литературных воспоминаниях, которые представляют собой своеобразный рассказ — портрет — биографию и посвящены писателям, творчество которых обнимает самый яркий, значительный период истории русской литературы от Державина и Пушкина до Л. Толстого.

Аксаковские воспоминания выросли из живого общения с писателями, для которых С. Т. Аксаков не был «поверенным случайным» их мыслей и чувств, а жил их тревогами и заботами, поэтому так человечны и искренни его мемуары.

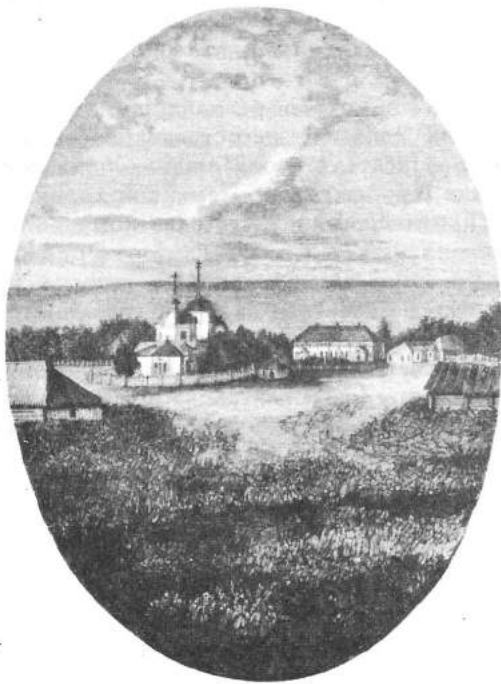
Славянофильская критика 1850-х годов сделала попытку противопоставить творчество С. Т. Акса-

кова «отрицательному» гоголевскому направлению в русской литературе. Автора «Семейной хроники», «Детских годов Багрова-внука», «Воспоминаний» называли в числе сторонников положительного направления, создающих «положительно-прекрасные образы».

Однако очень скоро революционно-демократическая критика доказала несостоятельность таких утверждений. Писателя, создавшего образ жестокого крепостника Куролесова в «Семейной хронике», нельзя было противопоставить гоголевскому обличительному направлению в русской литературе. Исключительная правдивость, гуманность, широта взглядов С. Т. Аксакова-писателя способствовали его стремлению объективно оценить сложное и противоречивое время, напряженную предреформенную эпоху.

Произведения С. Т. Аксакова и сейчас живут среди лучших созданий известных писателей, наследовавших пушкинско-гоголевскую реалистическую традицию.

Старое Аксаково. Гравюра на дереве, помещенная в первом томе «Полного собрания сочинений С. Т. Аксакова». 1886.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

«Деревья, мир, тишина, спокойствие...»

Если бы тетерев мог рассказать о себе, он бы, я в этом уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал нам Аксаков.

И. С. Тургенев

«Два года тому назад провел я зиму в деревне, — писал С. Т. Аксаков Гоголю, — и, между прочим, написал книжку под названием: «Записки об ужении», которую к вам и посылаю. Она невелика, вы прочтите ее на досуге. Я писал ее с большим наслаждением. Воспоминание прошедшего освежало и оживляло меня».

Первая книга С. Т. Аксакова «Записки об ужении рыбы» (1847) — это вдохновенный рассказ о рыбной ловле, в котором можно найти множество наблюдений, полезных для «страстного рыбака».

Аксаков соединял в себе опытного рыбака-любителя и ученого-натуралиста. Не случайно специалисты-естественники очень высоко ценили его книгу. В ней было много редких сведений о жизни той или иной рыбы, ее свойствах, поведении, долголетию, местообитании: «...рыбы живут в прозрачных чертогах, — пишет он. — Нравы их должно отгадывать; данных очень немного, и потому надобно иметь и проницательность, и соображение, а сколько труда, беспокойства!..».

Проницательность, соображение, труд, беспокойство — все это рождалось из страстной и преданной любви писателя к родной природе. Не пейзажи, не

«красоты ландшафта», а многоликий, разнообразный и целостный мир живой природы стремился запечатлеть в слове С. Т. Аксаков. Читатели «Записок об ужении рыбы» не могли не почувствовать, что автор их не только рыболов и натуралист, но прежде всего поэт.

«Описания природы у Аксакова пробуждают чувства, подобные тем, которые может возбудить сама природа... А выше этой похвалы я никакой не знаю», — замечал Тургенев.

Восприятие природы у Аксакова необыкновенно поэтично: «Пышет знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнет зеленый, как весенний луг, широкий пруд, затканый травами, точно спит в отлогих берегах своих: камыши стоят неподвижно. Материк и частые от трав протоки блестят как зеркала, все остальное пространство воды сквозь проросло разнovidными водяными растениями. То ярко-зеленые, то темноцветные листья стелятся по воде, но глубоко ушли корни их в тинистое дно; белые и желтые водяные лилии, цвет лопухов, попросту называемые кувшинчиками, и красные цветочки темной травы, торчащие над длинными вырезными листьями, — разнообразят зеленый ковер, покрывающий поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нега и льгота телу! Как приятна близость воды и возможность осветить ею лицо и голову! Рыбе также жарко...».

Автор передает целую гамму красок и оттенков зелени. Он говорит о радости и счастье человека, ощущающего все это богатство земли в солнечный день. Аксаков стремится передать каждую деталь из жизни природы, ему дорог каждый новый штрих, вносящий в картину свою особую краску.

Окрестности Абрамцева.

Ощущение слитности с природой так органично для мировосприятия Аксакова, что, кажется, он способен понять ее состояние, почувствовать, например, что и рыбе «также жарко». Ту же естественную связь с природой писатель наблюдает и в народе: «Почти все молодые рыбки, особенно некоторые из пород не очень крупных, так красивы, или лучше сказать так миловидны, резвы и чисты, что всегда поэтичны... народ на юге России употребляет слово рыбка как слово ласки, нежности — в похвалу красоте и прелести девической». Говоря об этом, Аксаков ссылается на Гоголя: «В повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» молодой казак Левко, вызывая из хаты свою милую Галю разными нежными словами, между прочим, говорит: «Сердце мое, рыбка моя, ожерелье!».

О какой бы рыбе, птице или зверьке ни писал Аксаков, он всегда приводит речения крестьян о них: поговорки, пословицы, меткие народные замечания. И всегда им сопутствуют тонкие наблюдения самого писателя. Ему интересно проследить, как народ относится к богатому и разнообразному миру природы, как связан с ним. Вот Аксаков рассказывает о ерше: «Имя ерша, очевидно, происходит от его наружности: вся его спина, почти от головы до хвоста, вооружена острыми, крепкими иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающие его жабры, имеют также по одной острой игле, и когда вытащишь его из воды, то он имеет способность так растопырить жабры, так взвершить свой спинной гребень и загнуть хвост, что название ерша, вероятно, было ему дано в ту же минуту, как только в первый раз его увидел человек... Русский народ любит ерша; его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного задорного человека, который сердится, топорщится, ершится».

Аксаков воссоздает в своих книгах поэтический мир охотника, его страстное увлечение охотой и любовь к природе: «Их я помню... знойные полдни, берег, заросший высокими, душистыми травами и цветами, тень ольхи, дрожащую на воде, глубокий омут реки, молодого рыбака, прильнувшего к наклоненному над водой древесному пню, с повисшими вниз волосами, неподвижно устремившего очарованные глаза в темно-синюю, но ясную глубину... И сколько рыбы кипело в ней! Какие язи, голавли, окуни... И как замирало сердце юноши, как стеснялось дыхание... Давно уже это было, очень давно! Молодые охотники и теперь испытывают то же, и дай бог им

надолго сохранить это живое, невинное чувство страстного рыбака».

В 1852 году Аксаков выпустил в свет свое новое произведение о природе и охоте — «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», а в 1855 — «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах».

И в этих книгах талант художника слова органически сочетается с точнейшей осведомленностью ученого-натуралиста. «Ученые-натуралисты могут смело полагаться на мои слова: никогда вероятных предположений не выдаю я за факты и чего не видел своими глазами, того не утверждаю», — писал С. Т. Аксаков.

Не случайно Чернышевский советовал писателям «поучиться искусству и вместе простоте рассказа у г. Аксакова», «потому что каждая строка показывает, что г. Аксаков знает свое и не прибавляет ни одного слова больше того, что знает».

«Что за мастерство описаний, что за любовь к описываемому и какое знание жизни птиц! — писал Чернышевский. — Господин Аксаков обессмертил их своими рассказами».

Спокойно и просто рисует писатель разнообразные явления природы, шаг за шагом прослеживает происходящие в ней изменения. Он даже иронизирует над людьми, не равнодушными «к красоте природы», то есть к прекрасному местоположению, «живописному далекому виду», великолепному восходу или закату солнца, «к светлой лунной ночи». По его мнению, это еще не любовь к природе, «это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света». Такие «любят картинку и то ненадолго». Он противопоставляет им другое отношение к природе.

Для писателя дорога вся разнообразная живая красота земли. Он не умиляется ее красотой, а рассказывает о том, как общение с природой очищает и обогащает душу человека.

Гоголь тонко почувствовал своеобразие и силу аксаковских описаний природы. Его высокую оценку передал нам один из знакомых писателя, Л. И. Арнольди: «Однажды он (Гоголь. — Э. В.) пришел к нам от С. Т. Аксакова, где автор «Семейной хроники» читал ему свои записки «Ружейного охотника». Это было года за два до их появления в свет. Гоголь говорил тогда, что никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными свежими красками, как Аксаков».

В одной из статей, посвященной творчеству Пушкина, Гоголь высказал мысли, которые с полным основанием можно отнести и к Аксакову: «Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понять тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина». Эти традиции Пушкина унаследовали Гоголь, С. Т. Аксаков и другие русские писатели, в творчестве которых они получили дальнейшее продолжение и развитие.

Тема природы, по мнению С. Т. Аксакова, возлагает на художника особую ответственность, требует сдержанности и простоты слова.

Такой же точки зрения придерживался и Иван Сергеевич Аксаков. Он писал отцу: «По моему мнению, лебедь должен быть написан как можно проще, проще утки: он сам по себе так хорош и величав, так окружен ореолом поэтических преданий и эпитетов... что для самой свежести и оригинальности картины необходимы — совершеннейшая простота описания, простое, спокойное и отчетливое изображение всех подробных прелестей картины, без всяких восторгов... Вот какую-нибудь серую утку можно подобрать лиризмом».

Как уже говорилось, книги Аксакова о природе, несмотря на множество естественнонаучных сведений, полезных и охотникам, и ученым-натуралистам, вовсе не носят характера чисто деловых описаний, потому что их писал художник. В процессе работы над ними Аксаков предъявлял к себе требования точности, простоты, ясности слова. Переписка Аксакова с сыном, в особенности письма 1850-х годов говорят о том, что он смотрел на «Записки ружейного охотника» как на художественное произведение, в котором важно было каждое слово. Аксаковские описания удивляют тончайшим знанием природы, которое накапливалось у писателя в течение многих лет охотничьих странствий и углублялось постоянным желанием объяснить и разгадать каждое явление жизни. Они знакомят читателей с широкими просторами родной земли, которую писатель знает досконально, — с ее лесами, степями, реками и болотами. Так, например, говоря о них, Аксаков пишет и о чистых луговых болотах, поросших чемерицей и редкими небольшими кустами, и о сухих, покрытых кочками родниковых ям. Он рассказывает о том, как мокрые и топкие болота

превращаются в сухие оттого, что «поникают ключи или высыхают головы родников». А в «мочливые годы», как говорят крестьяне, наоборот, «вновь открываются давно иссякшие жилы родников». Обстоятельные и любовно запечатленные наблюдения над жизнью природы одухотворены и согреты личным, глубоко эмоциональным восприятием красоты земли: «Самое лучшее из них — болото чистое, луговое, заливаемое весенними потоками, поросшее кустиками и редкими деревьями. Как хорошо оно в теплое весеннее утро! Вода сбыла, оставя кое-где мокрые следы и небольшие гряды наносной земли с черноземных полей. Нигде растительность не является с такой силой. Солнце палит влажную тучную почву и тянет из нее травы и цветы: чуть не видишь, как растут они! Кусты и деревья только что распустились или распускаются, блестящим ароматным лаком покрыты их листья. Каждый куст и дерево окружено собственной благоуханною атмосферой...».

Или, описывая весну, писатель наблюдает ее приближение по множеству существенных признаков. Аксаков отмечает ненадежность мартовских утренников, неверность пути по насту, «особенно в красный день», когда все более обогревает землю солнце, и вот уже «снежная кора распустится, раскровет, как говорит народ, начнет садиться с глухим гулом, похожим на отдаленный пушечный выстрел...». Он видит, что «прибавили значительно дни», «почернели дороги», «вода показалась на улице», «начинает понемногу показываться... прилетная птица». Для охотника «наступило время тревоги и ожидания».

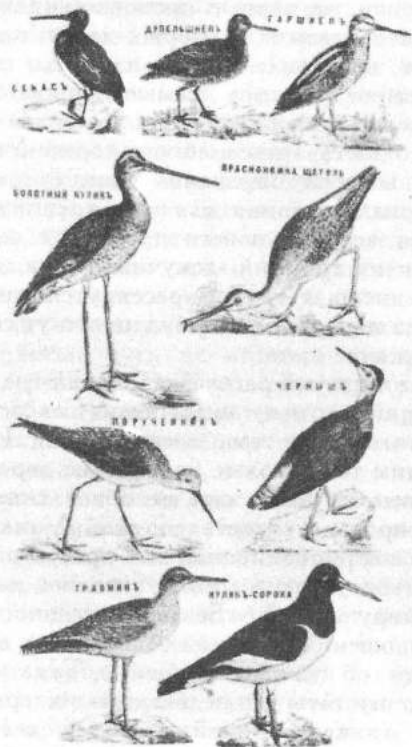
Множество явлений и фактов, как будто и обыкновенных, не очень значительных, но все они вместе

явственно говорят о наступлении весны, о рождении новой жизни...

А вот и они, ее первые провозвестники — грачи! «Грачи, губители высоких старых деревьев, красоты садов и парков, прилетели первые и заняли свои обыкновенные летние квартиры, самые лучшие березовые и осиновые рощи, поблизости к селению лежащие, для удобного доставания хлебного корма. Уже начали заботливые хозяева опрашивать свои старые гнезда новым материалом, ломая для того крепкими беловатыми носами верхние побегов древесных ветвей. Далеко слышен их громкий, докучный крик, когда ввечеру, после дневных трудов, рассядутся они всем собором, всегда попарно, и как будто начнут совещаться о будущем житье-бытье».

Да ведь это целый рассказ из жизни грачей, очень напоминающий картину художника Саврасова «Грачи прилетели». Та же тема: весна и грачи. И у Саврасова мы видим те же голые мартовские деревья, те же взлохмаченные за зиму, еще не обновленные гнезда.

Мир природы увлекателен для Аксакова своей цельностью, естественностью и простотой. В нем ощущал он «разумность, покой и волю», которых недоставало миру людей. «Безыскусственность жизни, простота отношений! — писал Аксаков во вступлении к «Запискам об ужении рыбы». — Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо

«Болотная дичь». Из иллюстраций к «Полному собранию сочинений С. Т. Аксакова». 1909—1910 годы.

трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды!» Для С. Т. Аксакова природа обладает волшебной силой исцеления больной, израненной жестокостью и несправедливостью человеческой души. «Неприметно, мало-помалу рассеется это недовольство собою, — пишет он, — эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека...»

Русские писатели-классики чрезвычайно высоко оценили и «Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника». Особенно дорожил Аксаков мнением Гоголя. В письме к А. О. Смирновой он писал: «Ему... нравились следующие места в птицах: кулички, зук и воробей; в описании гуся — страницы 168, 169 и 170; описание зоркости и проворства утки (гоголя), причем он сказал: «Вот какой проворный мой соименник». В журавле замечены им 250 и 251 страницы, всего более хвалил он голубей витютина и горлинку и смеялся, слушая описание тетеревиного тока (стр. 355). Из последней половины моих «Записок» он более ничего не слышал и не читал; но первую, после моего чтения, брал к себе на дом. Вторую главу «Мертвых душ» прочел он мне, выслушав наперед гаршнепа, а третью — после куличка-поплавка...».

Тургенев в письме к Аксакову говорил: «Ваша книга останется в литературе русской... Такой книги еще у нас не бывало».

Н. А. Некрасов, отправившись на охоту в имение Оснено около Ямбурга, писал оттуда Тургеневу: «Мы с Марковым перечитываем здесь книгу Аксакова, и я в новом от нее восхищении». Некрасов торопил Тургенева с написанием рецензии на книгу Аксакова и напечатал ее в первом номере «Современника» за 1853 год.

«Я говорю правду про свое время...»

Эта ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя. Вот он настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот зачатки будущего русского романа.

И. С. Тургенев

С. Т. Аксаков, одаренный от природы впечатлительностью и наблюдательностью, соединенными с правдивостью и искренностью, был чуток к литературным достоинствам произведений своих современников. Непредвзятость взгляда, доброта и понимание не только радостных и светлых, но грустных и тяжелых минут жизни многих известных писателей и театральных деятелей, поверявших ему свои мысли и чувства, привели к тому, что его воспоминаний — «записок» знакомые стали ждать как откровения, как объективного свидетельства, необходимого для уяснения самих себя, а также самого важного в жизни. Так, например, Гоголь в последний «эгоцентрический»

период своего знакомства с С. Т. Аксаковым писал: «Почему знать? Может быть, я и вас полюбил бы несравненно больше, если бы сделали что-нибудь собственно для головы моей, положим хоть написанием записок жизни вашей, которые бы мне напоминали, каких людей следует не пропустить в моем творении и каким чертам русского характера не дать умереть в народной памяти». Гоголь видел в воспоминаниях С. Т. Аксакова не только поддержку для своего творчества, но и понимал значение их для будущих поколений: «Мне кажется, что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека».

С. Т. Аксаков требовательно относился к тому, что писал, помногу перерабатывал свои воспоминания. Гоголю он сообщал: «Семейная хроника» пишется как-то вяло. Кажется, надобно переменить план: сократить подробности и не соблюдать строгой последовательности». Так и публиковались «отрывки», посвященные разным периодам жизни писателя, которые впоследствии составили «Семейную хронику».

Как уже говорилось, Аксаков был по преимуществу писателем-мемуаристом. Самые крупные и значительные произведения, такие как «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания» он написал, когда ему было уже за шестьдесят. Мучительно переживая наступающую слепоту, писатель нашел путь возвращения к жизни. Он диктовал

свои воспоминания старшей дочери Вере Сергеевне и другим членам своей большой семьи. Обладая редкостной памятью и большим художественным даром, Аксаков воскресил впечатления своей жизни с поразительной живостью и силой.

Каждая книга рисует пережитое и пережитое в тот или иной период времени. Так, его книги об ужении рыбы и охоте воссоздают время молодости писателя, картины любимого родного края, который назывался тогда Оренбургской губернией. В «Семейной хронике» повествуется о значительно более раннем периоде, когда эти места назывались еще Уфимским наместничеством. Аксаков рассказывает историю жизни деда, выведенного под именем Степана Михайловича Багрова, приехавшего обживать новые земли. В Уфимском наместничестве было тогда огромное пространство свободных земель, угодьев, изобилие дичи, рыбы и всех плодов земных. Судебным порядком заключили договор, в котором не было, да и быть не могло, указаний на количество земель: «...ибо кто же ее мерил?». Границы обозначались оригинальным способом: «От устья речки Конлыелга до сухой березы на волчьей тропе, а от сухой березы прямо на общий сырт, от общего сырта до лисьих нор, от лисьих нор до Солтамраткиной борти» и прочее. И в таких точных и неизменных межах и урочищах заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысяч десятин земли!». Так приобретались целые области земли. Не желая обманывать добродушных башкирцев, дедушка задумал приобрести там земли за сходную плату, перевезти половину своих родовых крестьян и переехать самому с семейством.

Рассказ Аксакова о жизни деда был высоко оценен Чернышевским. «Правда, — писал он, — чувствуется на каждой странице; ни одной краски не переложит автор при описании природы и лучше умолчит о чем-нибудь, нежели присочинит: правда эта видна и при изображении характеров, в которых добро и зло так переплелись, что в нем видишь живого, а не сочиненного человека».

Земли Уфимского наместничества поражали красотой и изобилием. В старости Степан Михайлович с восторгом вспоминал о первом впечатлении, произведенном на него окрестностями рек Ика, Демы, Бугуруслана. «Что за угодье, что за приволье было тогда на этих берегах! Вода такая чистая, что даже в омутах, сажени в две глубиною, можно было видеть на дне брошенную медную денежку!» Вдоль долины, по которой течет река, тянулись, сменяясь, роскошные леса, луга, заросли, отлогие и крутые горы, лежала непочатая степь...

В этом цикле произведений Аксакова мы найдем характерные особенности художественного дарования писателя: конкретное знание природы и прошлого Оренбургского края, его историко-географических, этнографических и экономических особенностей, яркое высокохудожественное изображение жизни и людей.

«Недавно один старый москвич, г. Аксаков, — писал в 1857 году Герцен, — напечатал хронику своей семьи. В этой интереснейшей книге он рассказывает, как в середине прошлого века его дед оставил свои поместья возле Симбирска и отправился искать счастья на берегу Урала; это напоминает историю богатого поселенца (Сеттлера), отправившегося

обрабатывать девственные земли Висконсина и Иллинойса, это настоящий роман Купера».

Дедушка Степан Михайлович Багров недаром бросил свои Симбирские владения, чтобы искать счастья на берегах Урала. На этих землях русские помещики с помощью крепостного труда вели хозяйство с выгодами и доходами большими, чем в центральной России. Все это отражалось в какой-то степени не только на жизни помещиков, но и крестьян. Когда Аксаков писал о том, что приехавшие на новые места со Степаном Михайловичем «крестьяне ободрились», он не погрешил против истины.

Земли «с черноземом в аршин глубиною» рожали рожь «в человека вышиною», которая стояла как стена «на помещичьих и крестьянских полях», а гумна «Нового Багрова» занимали «второе больше места, чем самая деревня». На этих местах не хватало только рабочих рук. По всей вероятности, этим-то и объяснялось то «участие к крестьянину помещика», о котором неоднократно говорит Аксаков в «Семейной хронике». Недаром же разумный хозяин Степан Михайлович Багров старался проявить к своим крестьянам внимание и заботу.

Естественно, что рассказ о переселении на новые места и о молодости своего дедушки Багров-внук не мог воссоздать по собственным впечатлениям. Он рассказывает об этом по воспоминаниям своих близких: самого дедушки, Степана Михайловича Багрова, бабушки Арины Васильевны Неклюдовой, отца Алексея Степановича Багрова, матери Софьи Николаевны Зубиной, тетюшек и других современников дедушки, которые сохранили о нем самые лучшие и нередко преувеличенно добрые впечатления.

При описании мест, куда переселился дедушка, с большой силой проявляется еще одна особенность писателя Аксакова. Он — замечательный краевед. «Мирны и тихи, — пишет Аксаков, — патриархальные первобытные обитатели и хозяева края, кочевые башкирские племена». После холодной зимы местное население выгоняет свой скот на луга, истощенные лошади становятся бодрыми и неутомимыми конями, «тучнеют весной стада коров». Это время, когда «все, что может пить, пьет живительный кумыс», и «дивно исчезают все недуги голодной зимы и даже старости». Великолепный знаток края, Аксаков рисует разнообразные картины больших просторов этой земли от границ Вятской и Пермской губернии до Гурьева городка и границ Астраханской губернии. Он отлично знает характер труда крестьян и практиковавшиеся «помочи» — сооружаемые коллективно плотины из хвороста и земли, запруды, мельницы.

Аксаков, однако, не только этнограф и знаток этого края. Он прежде всего любящий эту землю художник. Он восхищается светлыми и прозрачными озерами, а любясь лугами и полями, не забывает упомянуть и о том, как покрываются они весной цветами вишенника, клубничника и дикого персика, а летом — красным сукном ягод.

И люди в этих краях крепки и хороши, как природа.

Степан Михайлович Багров — силач, с каменным жилистым телом, высокой грудью, крепкий как дуб. «В разгульной юности, в молодецких потехах, кучу военных товарищей, на него нацеплявшихся, стряхивал он, как брызги воды стряхивает с себя коренастый дуб после дождя, когда его покачает ветер».

Привлекательная внешность этого человека сочеталась с безупречной честностью его природы. «Не было человека, кто бы ему не верил; его слово, его обещание было крепче и святее всяких духовных и гражданских актов». Природный ум его гармонировал с изумительной храбростью. Однако в портрете, созданном Аксаковым, заметны и черты «идеализации», которые отметил в «Семейной хронике» Салтыков-Щедрин.

«Покойный Аксаков в «Семейной хронике», несомненно, обогатил русскую литературу драгоценным вкладом, — писал автор «Пошехонской старины». — Но, несмотря на слегка идиллический оттенок, который разлит в этом произведении, только близорукие могут увидеть в нем апологию прошлого. Одного Куролесова вполне достаточно, чтобы снять пелену с самых предубежденных глаз. Но поскоблите немного и самого старика Багрова, и вы убедитесь, что это совсем не такой самостоятельный человек, каким он кажется с первого взгляда. Напротив, на всех его намерениях и поступках лежит покров фаталистической зависимости, и весь он с головы до пяток не более, как игральщик, беспрекословно подчиняющийся указаниям крепостных порядков».

От Салтыкова-Щедрина не укрылось то, что в образе старика Багрова, как и во всей «Семейной хронике», была заключена большая жизненная правда. Внук Степана Михайловича Багрова вспоминает о том, «что древность дворянского происхождения была коньком его дедушки». «Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин».

В главе «Добрый день Степана Михайловича» то и дело встречаются критические замечания Аксакова, высказанные им по поводу самого дедушки и по поводу царящих в его окружении нравов и порядков. Как бы совсем мимоходом он говорит, что джюжего конюха Нового Багрова Спиридона «до глубокой старости звали Спирькой». Настроение полновластного хозяина этого уголка становилось известным всем его обитателям уже через 15 минут после того, как он проснулся. Стоило только дедушке ласково поздороваться со своей супругой и назвать ее Аришей и дать ей в знак милости поцеловать свою руку, как тотчас молодела Арина Васильевна и, вся засияв, приносила скамеечку, усаживалась возле него на крыльцо, чего никогда не смела делать, если бы он был в дурном расположении духа. Напившись чаю, дедушка выезжал в поле, чтобы определять качество пахоты. В дурном настроении он немедленно вызывал старосту и учинял расправу над ним. В хороший день все шло с рук, и дедушка не замечал огрехов в поле. Возвращаясь в 12 часов с пашни, дедушка требовал, чтобы все строго выполнялось по заведенному порядку: семья должна была встречать его на крыльце, обед должен был уже дымиться на столе. Когда дедушка садился на свое место, здоровенный парень Николка Рузан становился за его стулом и обмахивал его от мух целым пучком березы. В добрый день Степана Михайловича обед бывал громким; все свободно шутили и смеялись. В мрачное настроение Степана Михайловича обед проходил молча, хмуро, каждый боялся произнести слово. В этой главе Аксаков выступает замечательным знатоком быта и нравов крепостного поместья. Он знает его во всех

деталей и с подлинно художественной ясностью описывает их.

Чуткость к правде привела Аксакова к созданию в противовес Степану Багрову образа Михайлы Максимовича Куролесова — одного из самых страшных крепостников, деспотов-самодуров, известных русской литературе.

При выходе своем в отставку Куролесов появился в тех местах, где жили Багровы, и сразу всем внушил неприязнь к себе. Стали говорить, что он, «несмотря на свою красоту, был как-то неприятен».

Умный и внимательный Степан Михайлович Багров сразу почувствовал это. «Дрянь человек и плут», — говорил он о Куролесове. Заметив настойчивое желание Куролесова покорить сердце его любимой двоюродной сестры Прасковьи Ивановны, которая была еще молоденькой девушкой, Степан Михайлович всячески стремился оберечь ее.

Куролесов, однако, во время отлучки Степана Михайловича тайно обвенчался с богатой многопоместной наследницей и красавицей Прасковьей Ивановной.

Сначала молодые жили хорошо. Куролесов, казалось, души не чаял в Прасковье Ивановне. Это смягчило Степана Михайловича, он был доволен, но тем не менее говорил: «Хорош парень, ловок и смышлен, а сердце не лежит».

Куролесов скоро почувствовал в себе силу, и стало заметно, что «с мелким и бедным дворянством поступал он крутенько», «зато высшее дворянство его похвалявало».

Поползли слухи, что во время поездок в отдаленные места он вел беспутную жизнь, что с крестьяна-

ми и дворовыми был жесток и беспощаден. Несколько своих крестьян он побоями замучил до смерти, избивая «кошками» (расчлененными плетками, оканчивающимися семью хвостами с узлами на концах). «Не люблю палок и кнутов, — говорил Куролесов, — как раз убьешь человека! То ли дело «кошечки»: и больно и не опасно!»

Прасковья Ивановна, узнав о деяниях мужа, решила лишить его власти. В ответ на это Михайла Максимович заточил ее в сырой подвал и решил умерить. Спас Прасковью Ивановну Степан Михайлович.

С ужасом и трепетом рассказывали о зверствах Куролесова его крепостные. Доведенные до отчаяния дворовые Куролесова отравили его, насыпав мышьяк в графин с квасом. «Мера терпения человеческого переполнилась», — заканчивает свою страшную повесть о крепостнике-злодее Сергей Тимофеевич Аксаков.

В следующих отрывках «Семейной хроники» — «Женитьба молодого Багрова», «Молодые в Багрове», «Жизнь в Уфе» — в центре повествования жизнь детей Степана Михайловича. Степан Михайлович отодвигается на второй план. «...Не тот уже был мой дедушка. Куда девалась его богатырская сила и проворство и неутомимость?.. Тускнели понемногу его яркие и зоркие взгляды, слабел громовой голос».

С тонким проникновением и глубоким психологизмом передает Аксаков душевную жизнь отца и матери.

Застенчивый и ласковый Алексей Степанович Багров, служивший в Уфимском Верхнем Земском суде чиновником, без памяти влюбился в Софью Николаевну Зубину, которая была ему совсем неровня.

Красавица и умница, она была едва ли не самой просвещенной и образованной девушкой среди уфимской знати. «Весь город смеялся над смиренным, застенчивым и стыдливым, как деревенская девушка, Алексеем Степановичем».

Софья Николаевна была поражена силой страсти этого человека, нашла у него ум, доброе сердце, строгие правила честности и служебное бескорыстие, но и некоторую ограниченность, что, однако, не помешало ей дать согласие на брак.

Софья Николаевна, горожанка, выросшая в кругу уфимской знати, впервые познакомилась с далеким и чуждым ей бытом старинных малокультурных помещиков. Единственно близким ей человеком оказался старик-свекор Степан Михайлович, всей душой полюбивший невестку, сразу почувствовавший в ней незаурядность и одаренность.

«ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА»

...Рассказы эти представляют довольно полную историю дитяти, жизнь человека в детстве, детский мир, созидающийся постепенно под влиянием ежедневных новых впечатлений...

С. Т. Аксаков

26 августа 1854 года Сергей Тимофеевич сообщал своей любимице — маленькой внучке Оле о том, что пришлет ей через год книжку, в которой расскажет

...про весну младую,
Про цветы полей,
Про малюток-птичек,
Про гнездо яичек,
Бабочек красивых,
Мотыльков игривых,
Про лесного Мишку,
Про грибочек белый —
И читать день целый
Станет Оля книжку.

Дедушка

Сергей Аксаков

Через два года, снова поздравляя Олю с днем рождения, Аксаков писал: «Милая моя Оля! Два года тому назад я стихами обещал тебе прислать через год книжку; но дай бог, чтобы к будущему дню твоего рождения она была готова. Да и книжка выходит совсем не такая, какую я обещал тебе». Действительно, замысел Аксакова значительно расширился и получилась книга о годах далекого детства, о людях и судьбах прошлого. Эти раздумья над прошлым были обращены к будущему и необходимы для понимания новой жизни, в которой деятельно участвовал Аксаков и его дети. Именно поэтому Аксаков посвятил «Детские годы Багрова-внука», вышедшие в свет в 1858 году, своей любимой внучке. «Внучке моей, Ольге Григорьевне Аксаковой», — написал он на книге. Так замыкалась связь времен — пережитое, передуманное, пережитое отдавалось на суд будущих поколений.

С полной правдивостью Аксаков рассказал обо всем, что им было пережито в детстве, начиная от первых еле уловимых ощущений и кончая тончайшей гаммой ранних человеческих чувств.

26 Декабря, 1854 == года

Шестилетней Олье.

Рано дядь проснулся,
Крякнул, потянулся,
Бавши мыслить волю,
Вспомнил внучку Олю.
Сам часов пробил,
Затопил печку,
Тепло очень было
И зажег он свечку,
И дядушка живей
Къ внучкѣ своей нигой
Пишетъ поздравленье
Съ днемъ ея рожденья.

Страничка из семейного альбома с автографом С. Т. Аксакова;
О. Г. Аксакова (с миниатюры на фарфоре).

Аксаков обладал, как немногие художники слова, даром, который нужен для создания детской книги. Белинский в одном из писем К. С. Аксакову писал: «Как много нужно условий для детской книжки! Целью ее должно быть — возбудить в детях истину не в поучении, не сознательную, но истину в представлении, в ощущении, и для этого нужно то спокойствие, та гармония духа, которая дается человеку только любовью».

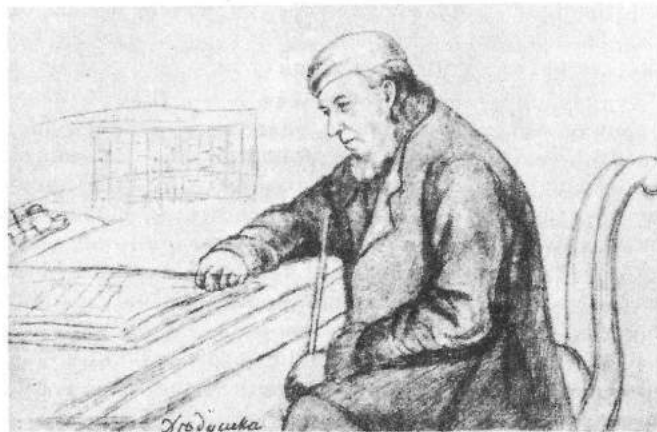
Самым большим достоинством «Детства» Аксакова Л. Н. Толстой считал разлитую в книге любовь к природе, поэзию природы.

Чувство природы пришло к мальчику, герою книги, во время первой весны в деревне и сложилось под влиянием отца его Алексея Степановича Багрова и дядьки Евсевича. Конкретные, достоверные и точные знания природы обоих этих людей, деревенских жителей и охотников, побуждали ребенка пристально вглядываться и изучать жизнь природы во всем многообразии ее проявлений. «В каждой комнате, чуть ли не в каждом окне, были у меня замечены особенные предметы или места, по которым я производил мои наблюдения». «Все замечалось мною точно и внимательно, и каждый миг весны торжествовался, как победа».

Оживающие под весенним солнцем берега реки, со всякого рода дичью, плавающие утки и пронесившиеся стаи птиц, которых отец и Евсевич знали по голосам, наполняли сердце мальчика восторгом. «Я казался, я должен был казаться каким-то полумным, помешанным. Глаза у меня были дикие, я ничего не видел, ничего не слышал, что со мной говорили».

Именно в этот период мальчик почувствовал то слияние с природой, которое так характерно для писателя Аксакова: «В конце фоминой недели началась та чудная пора, не всегда являющаяся дружно, когда природа, пробудясь ото сна, начинает жить полною, молодою, торопливою жизнью: когда все переходит в волнение, движение, в звук, в цвет, в запах. Ничего тогда не понимая, не разбирая, не оценивая, никакими именами не называя, я сам почуял в себе новую жизнь, сделался частью природы, и только в зрелом возрасте сознательных воспоминаний об этом времени сознательно оценил всю его очаровательную прелесть, всю поэтическую красоту». Человек, которому дано пережить такое состояние, ощутить себя «частью природы», обретает особое видение. Описание природы у Аксакова — это не картины, не пейзажи в общепринятом смысле, а как бы сама дышащая, многообразно проявляющая себя жизнь.

Природа бывает порой безжалостна к человеку, но в исконной сути своей она бесконечно щедра и добра. Беспредельны весенние поля и цветущие на всем их пространстве деревца дикого персика, горы, покрытые вишней и диким челизником. Природа не нема, она как бы «озвучена» курлыканьем журавлей, звонкими криками кроншнепов, хрипом кречетов и треском крыльев летящих стрепетов. Она восхитительна чистым сочетанием запахов нагорного воздуха и воздуха низины, в которой расположено село Багрово. Все это благотворно влияет на ребенка. Мальчик нежно-участливо привязывается к матери. Растет их глубокая взаимная любовь и понимание друг друга. Мать становится для сына самым большим авторитетом, самым любимым и дорогим чело-

С. Т. Аксаков. Рисунок О. Г. Аксаковой.

веком в мире. Сережа делился с матерью всем увиденным, услышанным и пережитым в своей детской жизни. И главное, что она требовала от сына, была абсолютная правдивость. Будучи горожанкой, Софья Николаевна мало интересовалась багровскими крестьянами, однако добросердечие и искренность, которые она воспитывала в сыне, побуждали мальчика сочувствовать подневольному положению крепостных. В богатом поместье бабушки Прасковьи Ивановны, Парашине, старостой был Миرونъч, которого Сережа называл про себя «мужиком со страшными глазами». Осматривая вместе с отцом мельницу, мальчик наблюдал грубое отношение Миرونъча к старику-засыпке и другим крестьянам и чувствовал

«внутреннюю дрожь». Множество вопросов шевелилось в сознании Сережи: «За что страдает больной старичок, что такое злой Мироныч, какая это сила Михайлушка и бабушка». Писатель отмечает большую наблюдательность мальчика, который часто задает родителям трудные вопросы. Он спрашивает, например: «Отчего сначала говорили об Мироныче, как о человеке злом, а простились с ним, как с человеком добрым?». Писатель подчеркивает несовместимость житейских понятий с чистотой ощущений ребенка. Тяжелое впечатление произвела на мальчика поездка с отцом в поле, где работали крестьяне. «Невыразимое чувство сострадания к работающим с таким напряжением сил, на солнечном зное, обхватило мою душу».

В процессе созидания души можно отметить моменты особо важные, как, например, искренне пережитое сострадание. Есть и на первый взгляд совсем незначительные, но можно с уверенностью сказать, что ни одно впечатление бытия не проходит для человека бесследно. В этом смысле представляется глубоко оправданной полнота и подробность воспоминаний Аксакова о своем детстве.

Множество глав его книги связано с путешествиями в сельском возке: «Дорога до Парашина», «Дорога из Парашина в Багрово», «Зимняя дорога в Багрово», «Приезд на постоянное житье в Багрово» и так далее. Новизна впечатлений захватывала Сережу: ночевка у костра в степи, собирание камушков на берегу реки Белой, ужение на Дёме... «Ужение просто свело меня с ума, — пишет Аксаков. — Удочка, дрожащий и ныряющий поплавок, согнутое от тяжести удилище, рыба, трепещущая в лесе, —

М. Н. Аксакова, мать писателя. Портрет работы неизвестного художника.

приводили меня при одном воспоминании в восторг, в самозабвение».

В детстве будущему писателю открылся мир поэзии, сказки; любознательный мальчик рано научился читать, первая самостоятельно прочитанная книга «Зеркало добродетели» запомнилась на всю жизнь.

Сереза знакомился с произведениями писателей XVIII века — Сумароковым, Херасковым. С другом своих родителей Чичаговым мальчик не раз беседовал о писателях, которых он в то время очень любил.

«Ну, Сереза, — так начинал Чичагов свой разговор с ребенком, — как поживают старикашки — Сумароков, Херасков и особенно Ломоносов? Что поделяет Карамзин с братьей новых стихотворцев?» Это значило, чтоб я начинал читать наизусть заученные мною стихи этих писателей. Петр Иванович над всеми подсмеивался, даже над Ломоносовым, которого, впрочем, очень уважал. Горячо хвалил Державина и в то же время подшучивал над ним, одного только Дмитриева хвалил, хотя и не горячо, но безусловно; к сожалению, я почти не знал ни того, ни другого. Мое восторженное чтение, или декламация, очень его забавляла».

Таким образом, уже в восьмилетнем возрасте возникла у Аксакова страстная любовь к литературе и к декламации. Чтение стихов вслух он полюбил на всю жизнь.

Но ничто так не увлекало ребенка в детстве, как сказки «Тысяча и одна ночь». Воображение ребенка, разбуженное «Аленьким цветочком» и другими русскими сказками, которые он слышал от крепостной Палагеи, обогатилось новыми фантастическими сюжетами. «Тысячу и одну ночь» Сереза читал

Рисунок Д. Шаринова к «Детским годам Багрова-внука». 1950.

с полным самозабвением, не замечая и не слыша ничего вокруг.

Не случайно поэтический мир детства Аксаков в своих «Воспоминаниях» назвал «Шехерезадой человеческой жизни». Писатель так говорит об этом: «О где ты, волшебный мир, Шехерезада человеческой жизни, с которой часто так неблагоприятно, грубо обходятся взрослые люди, разрушая его очарование насмешками и преждевременными речами! Ты, золотое время детского счастья, память которого так сладко и грустно волнует душу старика! Счастлив тот, кто имел его, кому есть что вспомнить!».

«Память детства ожила во мне...»

*Много было жизни в поре нашей юности,
и отраднo вспоминать о ней.*

С. Т. Аксаков

Воспоминания «Гимназия и университет» написаны почти одновременно с последними главами «Семейной хроники» (1853—1855), задолго до «Детских годов Багрова-внука», и опубликованы в первых изданиях в одном томе с «Семейной хроникой». В них писатель взволнованно и искренне рассказал о своем отрочестве и юности. «Меня уговорили окончить «Казанскую гимназию», которая, надо признаться, не только меня занимает, но и волнует: память детства ожила во мне...» — писал Аксаков сыну Ивану.

Восьмилетним мальчиком Сережа Аксаков в 1799 году впервые попал в Казань, где впоследствии учился в гимназии и университете.

Тепло и сердечно вспоминает Аксаков об учителях и воспитателях гимназии.

Под пером писателя как живые возникают внимательный воспитатель Упадышевский, старший надзиратель Камашев и преданный добрейший дядька Ефрем Евсеич. Но особенно ярко воссоздан художником психологический портрет самого мальчика. Ребенок, попавший в новую среду, остро чувствует и боль, и страдание, и радость, и нежность.

Потребовалось немало времени, заботливого участия матери и наставников, чтобы оторванный от родного дома мальчик привык к новой обстановке, режиму жизни и учебы. Сережа стал отлично учиться и даже полюбил гимназию.

В среднем классе, самом ответственном по мнению писателя, он испытал большое влияние словесника Николая Мисаиловича Ибрагимова. Ибрагимов заботился о воспитании литературного вкуса своих учеников, выбирал лучшие места из Карамзина, Дмитриева, Ломоносова, Хераскова и давал им толкование. Сам Николай Мисаилович писал стихи, увлекался устным народным творчеством и был автором популярнейшей песни «Во поле березонька стояла» и «Вечерком красна девица». Именно он первый открыл для Аксакова красоты современной ему художественной литературы. Его ученик увлекся заучиванием разнообразных стихотворных отрывков наизусть и искусством декламации. О декламаторском таланте мальчика с этого времени стало известно всем знакомым и друзьям его родителей.

В 1804 году Сережа поселился у воспитателя Г. И. Карташевского, что на всю жизнь сохранилось как самое отрадное воспоминание отрочества. Математик Карташевский, обладая широким университетским образованием, занимался с ним главным образом изучением французского языка и произведений русских писателей Ломоносова, Державина, Дмитриева, Капниста и Хемницера. Совместно с учителем они читали «Дон-Кихота» Сервантеса, «Шехерезаду» и ряд других книг на французском языке.

Зимой того же года произошло одно из важнейших событий в жизни Сережи: вместе с дядей, А. Н. Зубовым, он впервые попал в театр, который произвел на юношу сильное впечатление и стал источником радости и наслаждений навсегда.

Г. И. Карташевский обратил внимание на увлечение мальчика, повел его на оперу «Колбасники»¹ и рассказал о московских актерах Шушерине, Плавильщикове и других, которые впоследствии стали любимыми актерами Аксакова.

Вскоре Сережа увлекся рукописным журналом «Аркадские пастушки», который издавали гимназист Александр Панаев и его брат. Оба они были горячими поклонниками Карамзина.

В 1805 году был торжественно открыт Казанский университет, куда вместе с другими гимназистами старшего класса был зачислен и Сергей Аксаков. Про университетские годы Аксаков писал: «Прекрасное, золотое время! Время чистой любви к знанию, время благородного увлечения». Особенно горячо волновал

¹ Имеется в виду опера «Маркиз крестьянин, или Колбасник». (Пер. с ит. В. А. Левшина. СПб., 1795.)

Аксакова созданный силами студентов театр. Вдохновлял молодежь неожиданно появившийся на казанской сцене московский актер и драматург П. А. Плавильщиков. Студенты посещали все спектакли с его участием. Огромное значение имела для всей творческой жизни Аксакова игра этого актера, она открыла ему неведомый новый мир в театральном искусстве — мир сценической истины, простоты и правды. Плавильщиков превосходно играл пастора в «Сыне любви» (драма Коцебу), Эдипа в драме Озерова «Эдип в Афинах». Иные из иггранных Плавильщико-вым ролей в чтении Аксакова вызывали восторг его товарищей. «Ты Плавильщиков... ты лучше Плавильщикова!» — восклицал Александр Панаев.

Вскоре пришло разрешение создать в университете театр, в организации которого многое было сделано студентами, в том числе и Аксаковым, проявившим большую увлеченность и энтузиазм. Побывавший на репетиции студенческого спектакля актер Грузинов расхвалил студентов содержателю казанского театра Есипову.

Триумфом Аксакова явился последний университетский спектакль «Бедность и благородство души» по пьесе Коцебу. Торжество актера-любителя завершилось подарком Есипова — постоянным креслом в театре. Аксаков впоследствии вспоминал, что благодаря Есипову Казань имела превосходный губернский театр, каких в то время в России было очень мало.

Наряду с театральными появились и литературные интересы. Аксаков написал несколько стихотворений и статью «Дружба». Вместе со студентом А. Панаевым Аксаков переводил повести Мармонтеля,

сочинял стихи и прозу. В 1806 году они принялись за издание «Журнала наших занятий».

В том же году студенты при содействии Н. М. Ибрагимова создали литературное общество, в котором читали и обсуждали свои литературные произведения. В дальнейшем оно превратилось в «Общество любителей российской словесности при Казанском университете», почетным членом которого Аксаков был до конца жизни.

В течение всего пребывания Аксакова в университете (с 1804 по 1807 гг.) шла первая война с Наполеоном. Все студенты были охвачены патриотическим подъемом, а многие из них ушли на войну. Пребывание в университете спаяло студентов крепкой дружбой, и память об этих годах служила источником радости и, как писал Аксаков, «неприметно для него освещала и направляла его».

После завершения учебы в университете в 1807 году Аксаков вначале несколько лет жил в Петербурге, где состоял на службе в Комиссии по составлению законов, а затем навсегда пересел в Москву. Теперь о его жизни, интересах, работе приходится судить уже не столько по его воспоминаниям, сколько по переписке, отдельным выступлениям в журналах, расказах современников и другим источникам.

В начале этого периода он прошел большую школу театрального искусства у замечательного актера-художника Якова Емельяновича Шушерины. Они занимались ежедневно по несколько часов. Совместно было разыграно более 20 ролей, при этом Аксаков вел свою роль, а Шушерин читал реплики остальных действующих лиц. Для Шушерины важно было не только техническое совершенство и мастерство, но

М. С. Щепкин. Литография с рисунка А. Скино.

прежде всего внутреннее вживание актера в роль. Он был враг утрировки, напыщенности и излишней горячности. Сам Шушерин, по словам Аксакова, «позволял себе сбросить все условные сценические кандалы», играть просто, по-человечески. Посещение спектаклей с участием Шушерина было для Аксакова счастьем. Он высоко ценил артиста и доверял вкусу своего учителя.

На правдивые и искренние воспоминания С. Т. Аксакова о театре современники ссылались, когда хотели рассказать о жизни и людях прошедшей эпохи. Так, один из литературных критиков писал: «Русские оказались чрезвычайно способными к актерству. Кто хочет иметь понятие о том, что из этого выходило, пусть прочтет Воспоминания С. Т. Аксакова. Изящнейшие рыцари, величественнейшие герои, несравненные полубоги являлись пред зрителями, как живые лица, и поражали их восторгом и умилением. Идеализация воплощалась в слове, в дикции, в жесте и выражении лица».

Великолепный знаток русской комедии, трагедии и русского театра Аксаков выступал как литературный и театральный критик и рецензент, тонко анализируя спектакль и игру актеров. В десятые и особенно в двадцатые годы он печатался в «Московском вестнике», где фактически был руководителем театрального отдела.

Если писатель-реалист Аксаков формируется несколько позднее, под влиянием творчества Пушкина и особенно Гоголя, то горячим поборником правды в театре он становится уже в университетские годы под воздействием актера Плавильщикова, занятий с Шушериним.

Позднее вместе с Михаилом Семеновичем Щепкиным он горячо выступит в защиту реалистического театра.

Замечательный мастер слова, сам великолепный актер-любитель, прославленный чтец и декламатор, Аксаков с первых же появлений на сцене Щепкина высоко оценил талант артиста, поставив его выше известнейших актеров своего времени.

Уже в 1828 году в статье «Нечто об игре г-на Щепкина по поводу замечаний «Северной пчелы» Аксаков выступил в защиту его против нападок реакционной болгаринской газеты. Он противопоставляет Щепкина в роли баснописца Эзопа актеру Брянскому. Аксаков восхищается тем, что Щепкин сумел воссоздать личность и характер Эзопа. Также защищал Аксаков исполнение Щепкиным других ролей, более всего ценя в них художественную правду созданных образов. Широко развернул Аксаков вопрос о значении Щепкина в статье по случаю пятидесятилетия театральной деятельности актера — «Несколько слов о значении М. С. Щепкина» (1857). По мнению Аксакова, в натуре Щепкина имелось редкое соединение таланта с ясным умом и горячей любовью к искусству.

Особенно сблизило Аксакова и Щепкина глубокое понимание творчества Гоголя и преклонение перед ним. Оба они сознавали обновляющее значение гоголевской драматургии.

Щепкин высоко ценил Аксакова как своего соратника, как знатока сцены и театра.

Г. Р. Державин. Портрет работы А. Васильевского. 1816.

„ЗНАКОМСТВО
с
ДЕРЖАВИНЫМ“

«Приблизиться к великому поэту...
получить право любить его...»

...Скромный путь моей жизни озарился последними лучами заходящего светила, последними днями великого поэта!.. воспоминанье об этих светлых минутах моей молодости постоянно... разливает какое-то отрадное, успокоительное, необъяснимое словами чувство на все духовное существо мое...

С. Т. Аксаков

Очерк С. Т. Аксакова о знакомстве с Державиным, этим «угасающим вулканом», как назвал его в восторженном письме к автору известный украинский историк и фольклорист М. А. Максимович, вся читающая публика встретила с огромным интересом.

Знакомство Державина и Аксакова относится к 1815 году, а воспоминания были написаны в 1852-м, то есть спустя почти сорок лет после событий, описанных в них. Очерк «Знакомство с Державиным» писал уже зрелый человек, проникновенный художник, чуткий стилист. Он создает образ поэта по личным впечатлениям, которые относятся к годам его ранней молодости, когда Аксаков блистал в обществе искусством декламации. Чтение страстно увлекало его с детства и доставляло «много сердечных наслаждений в семье, в кругу друзей». Оно принесло декламатору много «лестных самолюбиву успехов в обществе и на сцене «домашних театров». Этот дар во многом определил творческую судьбу Аксакова, круг его

интересов и знакомств. Вспоминая «с растроганным сердцем» свое кратковременное знакомство с Державиным, Аксаков признается, что единственно своему чтению обязан он тем «светлым минутам молодости», когда он «три месяца... был совершенно поглощен неожиданным знакомством с Державиным, знакомством, в несколько дней сделавшимся близким и задушевным, навсегда сохранившим великое значение» для него. На долю Аксакова, как он сам писал, «выпало неожиданное счастье — приблизиться к великому поэту, узнать его... коротко, и получить право любить его, как знакомого человека».

В своих воспоминаниях писатель стремился передать живую теплоту этого «очень кратковременного, но полного, искреннего, свободного кабинетного знакомства».

Портрет Державина, который создает Аксаков, дополняет уже известную нам зарисовку Пушкина в его воспоминаниях об экзамене в Лицее в том же, 1815 году. У Пушкина-лицейста, когда он читал свои стихи перед Державиным, отрочески звенел голос, а молодой Аксаков, прославившийся в обществе мастерской декламацией, не мог начать читать для Державина, потому что боялся, «чтобы счастье читать Державину его стихи» не захватило бы у него «дыханья».

И Пушкин, и Аксаков передают в своих описаниях атмосферу восторженного поклонения Державину. «Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались, — рассказывает Пушкин, — Дельвиг вышел на лестницу, чтобы дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую „Водопад“...»

Те же чувства испытывает Аксаков. Он вспоминает: «На двадцать четвертом году жизни, при моей

пылкой природе, слова «Державин тебя нетерпеливо ожидает», — имели для меня... волшебное значение... не успел я очнуться от изумления и радости, как прибежал мой брат, и первые слова его были: «Гаврила Романович просит тебя прийти к нему сейчас...» Я совершенно обезумел...».

Такое восторженное отношение к Державину было характерно тогда для молодежи, поэтому-то экзамен по русской словесности в Лицее и превратился в подлинный праздник державинской поэзии. Много позднее Пушкин вспомнил об этом в своем дневнике: «Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи».

Изложение фактов в дневнике Пушкина стремительно. Лаконичность фраз, скупая точность в подборе слов — все в его описании передает напряженно-приподнятое состояние юного поэта: «Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей...». В записи нет никаких подробностей, деталей, только чувство Пушкина сохранилось — живое, праздничное: «Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...».

Пушкин говорит о Державине не только в дневнике. Своё отношение к старому поэту он выразил и в стихах, и в письмах, и в отдельных высказываниях о нем. Так, в 1816 году, в год смерти Державина, Пушкин излил свои чувства в послании «К Жуковскому»:

...И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым гением и грацией венчанный,

В слезах обнял меня дрожащею рукой,
И счастье мне предрек, незнаемое мной.

В последующие годы образ Державина под пером Пушкина приобретает новые черты. Поэт осмысляет роль и значение Державина в общем процессе развития русской поэзии. Эти размышления тесно связаны с думами о самом себе. В восьмой главе «Евгения Онегина» появятся строки:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

В первоначальном варианте этих строк, кроме Державина, упоминались еще и другие: Дмитриев, Карамзин, Жуковский. Однако в ходе своей работы Пушкин убрал их имена. Смысл стиха сохранился, но его содержательность выросла. Имя Державина зазвучало как обобщение всего предшествующего периода развития литературы, которому наследовал Пушкин.

В отличие от стремительной манеры Пушкина Аксаков обстоятельно, не торопясь, дает возможность читателю вместе с ним пережить, прочувствовать в деталях свое знакомство с великим поэтом. Бережно прикасается писатель к пережитому, и как живой встает со страниц книги неповторимый образ «угасающего вулкана», «старика Державина», восторженного в увлечениях, страстного в привязанности к поэзии.

И Пушкин, и Аксаков, создавая словесный портрет Державина, ссылаются на портреты живописные. Аксаков вспоминает работу художника Тончи. На этой картине Державин изображен посреди снегов, сидящий у водопада в медвежьей шубе и бобровой

Г. Р. Державин. Гравюра Ф. Иордана (1861) с портрета работы художника Тончи.

шапке. Этот парадный портрет поэта находился в доме Державина на лестнице перед гостиной и, по всей вероятности, нравился самому поэту. Каждому вошедшему он как бы представлял хозяина дома, рассказывая о его величии языком художественных символов. Так, снег, водопад, горы, медвежья шуба, бобровая шапка — это не случайные детали в картине, а глубоко продуманные атрибуты торжественного прославления поэта.

Упомянув этот парадный портрет Державина, Аксаков создает свой неповторимый образ поэта. «Державин, — пишет он, — был довольно высокого роста, довольно широкого, но сухощавого сложения, на нем был коляк, остатки седых волос небрежно из-под него висели; он был без галстука, в шелковом зеленом шлафроке, подпоясан такого же цвета шнурком с большими кистями, на ногах у него были туфли...»

Это описание приводит на память известный портрет художника А. Василевского, выполненный в реалистической манере.

Именно этот портрет Державина имел в виду Пушкин, когда писал: «...портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож...».

Портретная характеристика С. Т. Аксакова неразрывно связана с раскрытием характера, психологического склада поэта. Он так говорил о Державине: «Благородный и прямой характер Державина был так открыт, так определен, так известен, что в нем никто не ошибался... Можно себе представить, что в молодости его горячность и вспыльчивость были еще сильнее, и что живость увлекала его часто в опрометчивые речи и неосторожные поступки». Сказанное

Аксаковым вызывало у современников еще свежие воспоминания. Ведь именно эти особенности характера Державина не раз печально сказывались на его служебном положении.

Не эту ли черту характера поэта отмечал и Пушкин, когда писал: «...так мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем перед ними отличается, что не носит (она) на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы...». И Пушкин приводит обращение Державина к царице с напутствием не упиваться торжеством своего величия, а вспомнить о добрых деяниях, которые она должна творить:

О вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил.
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет.

В своих воспоминаниях Аксаков передает тончайшие оттенки душевных движений поэта. Он создает не парадный портрет, ему дорог реальный человек, которому свойственны все порывы человеческой души, человек, который может быть добрым и великодушным, нетерпеливым и вспыльчивым. Аксаков любит его таким, каков он есть, и заставляет других понять и принять его.

Аксаков не боится показать поэта в невыгодном для него свете. Так, он рассказывает характерный эпизод, когда Державин впадает в крайнюю степень раздражительности из-за несостоявшегося у него в доме чтения Н. М. Карамзиным отрывка из «Истории государства Российского»: «...бьет семь часов — Карамзина нет, в Державине сейчас обнаружилось

нетерпение, которое возрастало... с каждой минутой. Проходит полчаса, и нетерпение его перешло в беспокойство и волнение: он не мог сидеть на одном месте и беспрестанно ходил взад и вперед по своему длинному кабинету между сидящими по обеим сторонам гостями... Наконец, бьет восемь часов, и Державин в досаде садится писать записку, я стоял недалеко от него и видел, как он перемарывал слова, вычеркивал целые строки, рвал бумагу и начинал писать снова. К счастью, в самое это время принесли письмо от Карамзина... Казалось, не было возможности, прочтя эти строки, сохранить какое-нибудь неудовольствие в сердце; но не то было с Державиным: он никак не мог так скоро совладать со своей досадой, ни с кем не говорил, беспрестанно ходил, и все гости в несколько минут нашлись принужденными разехаться...».

И в то же время старый поэт всегда окружен людьми. Открытый, восторженный, одержимый поэзией Державин притягивал к себе молодежь. И сам тянулся к общению с ней. Об этом красноречиво говорит история знакомства самого Аксакова, совсем молодого тогда человека, с прославленным поэтом. Простота, доступность, безыскусственность в обращении с молодыми людьми свидетельствует о бескорыстии, о «простоте», как говорит Аксаков, характера Державина, о жизненной силе его и мудрости, о щедрости таланта поэта.

«Мое время прошло, теперь ваше время» — так говорил Державин Аксакову при первой встрече с ним.

В свои преклонные годы поэт сохраняет удивительную способность увлекаться, до самозабвения

отдаваться своим впечатлениям. Достаточно вспомнить восторженное увлечение Державина декламацией Аксакова, когда с первых же произнесенных стихов Державин «превратился в слух, лицо его сделалось лучезарным, руки пришли в движение». Он слышит в голосе чтеца каждый оттенок, каждый переход одной интонации в другую. Он содрогается от восторга, а едва Аксаков произносит последние стихи, Державин бросается к нему и обнимает со слезами на глазах.

В своем увлечении Державин неутомим, ненасытен: он готов слушать молодого человека целыми днями. В результате нервного напряжения поэт даже заболел, и Аксакову пришлось пережить тяжелые минуты смущения и досады на себя.

Черты характера Державина, подмеченные Аксаковым, объясняют и сцену лицейского экзамена, когда Державин «вскочил и выбежал из-за стола», а «в глазах его были слезы», и он искал Пушкина. В восторге перед юным талантом еще раз проявилась державинская непосредственность в выражении чувств.

«Мое время прошло, теперь ваше время» — не горькая печаль о прошедшем звучит в этих словах поэта, а мудрое, радостное признание новой жизни. Не случайно поэтому находим в очерке Аксакова такие знаменательные слова Державина о Пушкине: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лице перещеголял всех писателей». Спокойно-уверенно звучат слова поэта. В силу могучего своего дара — одухотворенно, темпераментно любить жизнь — он предугадывает в Пушкине великого поэта и своего достойного преемника.

«Проблески гениальности с непостижимыми странностями»

...Часто он говорил мне с неуважением о своих одах и жалел, что в самом начале литературного своего поприща не посвятил себя исключительно трагедии и вообще драме.

С. Т. Аксаков

С большим мастерством Аксаков описывает обстановку державинского дома. «Из залы налево была дверь в кабинет Державина; я благоговейно, но смело вошел в это святилище русской поэзии. Гаврила Романович сидел на огромном диване, в котором находилось множество ящиков; перед ним на столе лежали бумаги, в руках у него была аспидная доска и грифель, привязанный ниткой к рамке доски; он быстро отбросил ее на диван, встал, с живостью протянул мне руку и сказал: «Добро пожаловать...».

Каждый предмет, которого касался Державин, дорог Аксакову, и он бережно воспроизводит его в своих описаниях.

«Державин встал и начал выдвигать ящики, которых находилось множество по бокам его большого дивана. На ящиках бронзовыми буквами были написаны названия месяцев, а на некоторых — года. Гаврила Романович долго чего-то искал в них и наконец вытащил две огромные тетради, или книги, переплетенные в зеленый сафьяновый корешок».

Мастер детали, Аксаков останавливается на таких предметах, окружающих Державина, которые дороги

и нам. Как ценная реликвия хранится теперь в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде грифельная доска, о которой упоминает Аксаков. Она находится на постоянной выставке в этом отделе. На ней чуть видны последние «строки Г. Р. Державина, собственной его рукою писанные... За два дня до кончины его, последовавшей с 8 на 9 июля 1816 года», — это известные державинские стихи:

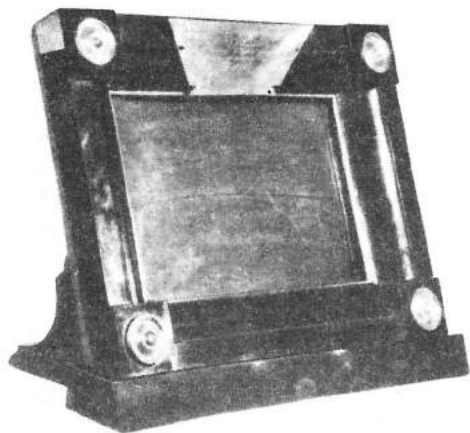
Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Так же бережно хранит наше государство и рукописи Державина, в которых живет беспокойный дух поэта.

Аксаков изображает Державина и в момент творчества. Он рассказывает, как потрясенный его декламацией поэт, тут же в его присутствии пишет грифелем на «аспидной доске» стихи, посвященные ему. Аксаков признается, что, к сожалению, забыл их, — память сохранила только, как торопливо «писала его дрожащая рука и беспрестанно стирала написанное...». «Мне показалось, что писанье продолжалось с полчаса. Помню, что стихи, весьма не гладкие, оканчивались словами: «Себя услышал в первый раз...»

Державин, как упоминает Аксаков, нередко писал «стихотворения на случай». Стихи, посвященные чтению Аксакова, были именно такими.

Грифельная доска, на которой Державин записывал стихи.

В рассказе о Державине в полной мере проявилось умение С. Т. Аксакова нарисовать портрет поэта и верно проанализировать его творчество.

Передавая непосредственные чувства восторженного молодого человека, каким он был при встрече с Державиным, писатель довольно точно характеризует особенности его поэзии. Интуиция, непосредственное чувство поэтической правды помогают Аксакову видеть сильные и слабые стороны в поэзии Державина. Не случайно он декламирует перед Державиным его оды «На смерть князя Мещерского» и «Водопад» как лучшие произведения поэта. Стихотворение «Водопад» Аксаков характеризует так: «Это чудное стихотворение, дико составленное, но богатое первоклассными красотами...». Выступая перед ста-

рым поэтом, он стремился выделить в выбранных одах сильные их стороны, ему хотелось прочесть так, чтобы все это «было прочувствованно вполне его слушателем».

Аксаковская характеристика «Водопада» совпадает с тем, что говорил о «яркой и неровной живописи Державина» Пушкин, который так же, как и Аксаков, считал «Водопад» лучшим произведением поэта. Совпадает она и с оценкой Белинского, посвятившего «Водопаду» несколько страниц подробнейшего анализа в статье «Сочинения Державина». Тщательный разбор этой оды дает возможность Белинскому говорить о характерных особенностях всего творчества поэта. Белинский высоко ценит в стихотворении Державина отражение живой, вечно меняющейся жизни, но отмечает сухость и сдержанность в выражении чувств, характерные для классицизма. Так, он пишет: «...невыдержанность в целом и частностях, преобладание дидактики, сбивающееся на резонерство, отсутствие художественности в отделке, смесь риторики с поэзией, проблески гениальности с непостижимыми странностями — вот характер всех произведений Державина». Однако, по его мысли, «Державин был человек, одаренный великими творческими силами, — и он сделал все, что можно было ему сделать в то время».

Характеризуя поэзию Державина в общих ее чертах, Пушкин писал: «Кумир Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый...». Это замечание переключается с высказываниями Белинского. Ту же оценку встречаем мы и у Аксакова. Он считал, что Державину «нетерпеливость... мешала выработать гладкость и правильность языка в стихах» и что зачастую поэт

«управлялся... с языком без всякого уважения: гнул на колене синтаксис, слоудоударение и самое слоудоупотребление».

Критическая оценка творчества писателя влещается в общую структуру образа и обогащает его.

Энергичное замечание Белинского о том, что драматические опыты Державина «не стоят и упоминания», перекликается с мнением Аксакова, который писал: «Дарования драматического Державина решительно не имел; у него не было разговора — все была песнь; но увы, он думал, что его имеет».

С большим тактом говорит Аксаков об этом заблуждении поэта, которое вносило в их дружбу взаимную досаду. С сожалением он замечает, что поэт в это время был увлечен не своей лирикой, не своими великолепными одами, считая их «пустяками», а слабыми трагедиями, предполагая, что они еще «будут оценены и будут жить». «...Часто, — вспоминает писатель, — он говорил мне с неуважением о своих одах и жалел, что в самом начале литературного своего поприща не посвятил себя исключительно трагедии и вообще драме».

Мягким лиризмом и юмором проникнуты сцены, в которых писатель рассказывает о своей декламации державинских пьес, сравнивая ее с исполнением артистами стихов на «неизвестном языке».

Особенно ему запомнилось чтение трагедии «Ирод и Мариамна»: «Это чтение было единственным явлением в продолжение тридцатипятилетнего моего поприща в качестве чтеца, — замечает Аксаков, — явлением психологическим и весьма замечательным». С восторгом и страстью прочел он пьесу перед автором, которую потом не мог не только «заставить дру-

гих послушать с участием хоть две страницы», но «не находил возможности» и самому «воспламениться» хоть чем-нибудь в ней и «сносно прочесть» ее. Он объясняет свое тогдашнее состояние тем восторгом, тем лирическим настроением, которое захватило его при первой встрече с Державиным, когда он «рад был читать Державину, что угодно, хоть по-арабски». А поэт был в истинном восхищении: «Он решительно был похож на человека, одержимого корчами... Он не мог сидеть, часто вскакивал, руки его делали беспрестанные жесты, голова, все тело было в движении...». Аксаков удивительно тонко подмечает комизм ситуации, который не разрушает глубокой цельности творческой природы Державина, а, наоборот, делает его личность близкой и понятной.

И. С. Тургенев, ознакомившись с рукописью, писал Аксакову: «Посылаю вам статью вашу о Державине. Она чрезвычайно интересна и любопытна — и хотя великий поэт является в ней в чуть-чуть комическом свете, тем не менее общее впечатление трогательно — словно из другого мира звучит этот голос. Непременно надобно напечатать эту статью».

В своих воспоминаниях Аксаков создает цельный незабываемый образ Державина, которого он считает «великим поэтом», «светилом» русской поэзии, «великим лирическим талантом», и в этой оценке он также не расходится ни с Пушкиным, ни с Белинским. В 1834 году в «Литературных мечтаниях» критик писал: «Державин — это полное выражение, живая летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб века Екатерины».

«Великий Державин», «имя его нам уже дорого» — таков итог размышлений Пушкина.

А. С. Пушкин. Гравюра В. В. Матэ. 1899.

„О ЗНАЧЕНИИ
ПОЭЗИИ
ПУШКИНА“

*«Разве Пушкина можно ставить
в ряд с его последователями?..»*

«Никто еще никогда не говаривал обо мне, то есть о моем даровании, так верно, как говорит в последнем номере «Московского вестника» какой-то неизвестный барин». Эти слова взяты из «Литературных и театральных воспоминаний» С. Т. Аксакова, в которых он рассказал, как воспринял Пушкин его небольшую статью под названием «Письмо редактору «Московского вестника» о значении поэзии Пушкина (1830 г.). С. Т. Аксаков вспоминал: «Пушкин был им (письмом) очень доволен. Не зная лично меня и не зная, кто написал эту статейку, он сказал один раз в моем присутствии».

В своем письме Аксаков выступил защитником Пушкина. Он сделал это тогда, когда против Пушкина ополчились не только его старинные враги, но и литераторы, еще недавно восторженно приветствовавшие его творчество. Аксаков всегда презирал исконных врагов Пушкина — таких, как редактор «Северной пчелы» Булгарин, которого поэт заклеил именем парижского сыщика Видока, или редактор «Библиотеки для чтения» Сенковский, именовавший себя главою всех современных русских писателей, или третий член этого триумвирата — редактор «Сына отечества» Греч. В своем письме Аксаков сказал, что «брань их — есть право на уважение просвещенного общества».

Так же презрительно относился Аксаков к критике редактора «Московского телеграфа» Полевого

и его сотрудников, еще недавно воспевавших романтические поэмы Пушкина: «Если неумеренные похвалы возбуждали неудовольствие в лицах умеренных, какое же негодование должны произвести в них явные притязания оскорбить, унижить всякими, даже литературными средствами, того же самого поэта, перед которым те же раболепные журналы весьма недавно пресмыкались во прахе?»

Но особенно огорчило Аксакова то, что даже критики, которых он уважал, выступили против Пушкина. Среди них был и Н. И. Надеждин, редактор журнала «Телеграф».

Пушкин создавал лучшие свои творения — закончил «Бориса Годунова», завершил роман в стихах «Евгений Онегин», работал над повестями и выступил с целым рядом лирических шедевров, в которых звучала поэзия жизни и правда действительности, — критики же заговорили о том, что талант Пушкина иссяк и что Пушкин «исписался».

Характеризуя позицию журнала «Телеграф», Аксаков писал: «...теперь он напал, или приличнее сказать, кинулся на все отличные таланты и на всех, совершивших уже свое литературное поприще, не в шутку знаменитых и заслуженных корифеев нашей словесности». Аксакова возмущали пародии, инсказания и недвусмысленные намеки, которые каскадом посыпались в эту пору на Пушкина: Аксаков считал, что их совсем не следует замалчивать или не замечать. «Многие скажут: «Зачем узнавать Пушкина в пародиях? Зачем относить к нему разные намеки? Он выше их...» Милостивые государи, узнавать — не значит признавать обвинения и клеветы справедливыми! Но не узнать нельзя... Мудрено ли подделаться к наружной

форме, употребляя карикатурно и слова и выражения поэта?..»

«Всегда уважая необыкновенный талант А. С. Пушкина и восхищаясь его прелестными стихами», Аксаков глубоко негодовал на хулителей Пушкина.

Эти чувства он и выразил в письме к Погодину. «Разве Пушкина, — писал он, — можно ставить в ряд с его последователями, хотя бы и хорошими стихотворцами?»

В этом письме Аксаков поднял Пушкина над всеми другими поэтами. Он утверждал, что Пушкин «имеет такого рода достоинство, какого не имел еще ни один русский поэт-стихотворец». Такое высокое мнение, выраженное публично, должно было привлечь к Аксакову сочувствие и симпатию верных друзей поэта.

Так же определенно и безусловно, как Аксаков в 1830 году, высказался о Пушкине Гоголь в статье под названием «Несколько слов о Пушкине». Эта статья была написана в 1832 году, а напечатана в «Арабесках» в 1835 году.

Можно не сомневаться, что Гоголь, только что приехавший в Петербург, страстно увлеченный личностью и творчеством Пушкина, сблизившийся с поэтом в эту пору, читал письмо Аксакова, напечатанное в «Московском вестнике».

Его статья была написана в духе этого письма, но ему удалось выразить в ней свои мысли значительно сильнее.

Гоголь отлично видел достоинства южных поэм Пушкина, влюбленного в Кавказ. «Он, — писал Гоголь о Пушкине, — проникнут и напитан его чудными

Н. В. Гоголь. Рисунок А. С. Пушкина. 1833.

окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии...» «Рисует ли он боевую схватку чеченца с козаком — слог его молния; он так же блещет, как сверкание сабли, и летит быстрее самой битвы».

Гоголю понятно обращение Пушкина к «поэзии жизни действительной», ибо сам он переживает в это время начало нового этапа своего творчества — переход от веселых, романтически приподнятых «Вечеров

на хуторе близ Диканьки» к трезвому «прозаическому» «Миргороду» и фантастическим «Петербургским повестям». По собственному опыту Гоголь знал, что творчество поэта, критически относящегося к современной ему действительности, не может быть единодушно одобрено.

Мысль Аксакова о том, что Пушкин стоит выше всех других поэтов, являлась и центральной мыслью статьи Гоголя. Совпадение их позиций в этом отношении безусловно. Статья Гоголя прозвучала как гимн Пушкину, как высокое и торжественное слово о нем. «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал все это пространство».

В чем же видел Аксаков достоинства Пушкина, «каких не имел еще ни один русский поэт-стихотворец»? Он находил их не только «в силе и точности воплощения внешнего и внутреннего мира», но и в возможности выражения в поэзии «видимых предметов» и «мгновенных движений души человеческой».

Эти же мысли Гоголь выразил иными словами. Он писал: «Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означать весь предмет. Его эпитет отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его

небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина».

Письмо Аксакова дышало искренней симпатией к Пушкину и восхищением его поэзией. В нем было много нужных мыслей. Так С. Т. Аксаков, «неизвестный барин», до Гоголя и Белинского выступил в защиту Пушкина. Мы знаем теперь, что выступление Аксакова порадовало Пушкина. Оно было очень нужно ему в то время.

«Я вспомнил страшные зимние метели...»

Быстро поднималось и росло белое облако с востока... Вдруг настала ночь... наступил буран...

С. Т. Аксаков

В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!...»

А. С. Пушкин

«Неизвестный барин», который порадовал Пушкина своим выступлением в «Московском вестнике», несколько позже, сам того не зная, оказал ему поддержку в процессе создания «Капитанской дочки».

Принявшись за работу над повестью, Пушкин в конце лета 1834 года отправился в Казанскую и Оренбургскую губернии, в места крестьянского восстания 1773—1774 годов, чтобы ознакомиться на месте с обстановкой и событиями.

Осада Оренбурга, представлявшая один из важнейших этапов «пугачевщины», происходила в зимнюю пору. Пушкин не видел оренбургской степи зимой, не наблюдал страшных тамошних буранов. И тут на помощь поэту явился очерк С. Т. Аксакова «Буран», напечатанный в сборнике «Денница» под редакцией М. А. Максимовича в 1834 году. Экземпляр этого сборника обнаружен в библиотеке Пушкина¹.

Впоследствии, в 1856 году, когда очерк «Буран» был вторично опубликован вместе с «Семейной хроникой» и «Воспоминаниями» С. Т. Аксакова, рецензент книги высказал недоверие к событиям, описанным в «Буране»². Они показались ему неправдоподобными. С. Т. Аксаков выступил с возражениями и подтвердил, что все рассказанное им в очерке чистейшая правда.

И действительно, из многолетних наблюдений жизни края, из своих охотничьих странствий Аксаков вынес точное, граничащее с научным знанием природы и мастерски воссоздал картину оренбургской зимы с ее страшными буранами и выюгами.

¹ Библиотека А. С. Пушкина хранится теперь в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

² В «Детских годах Багрова-внука» Аксаков приводит рассказ дядьки Евсеича о буранах в Оренбургской губернии, о том, как Арефий Никитин во время бурана заблудился, выбился из сил и был засыпан снегом. Нашел его на третий день случайно схавший крестьянин, откопал и привез домой.

Иллюстрации М. Горшмана к произведениям С. Т. Аксакова.

Правдивость, точность, верность деталей почувствовал Пушкин. Можно с уверенностью сказать, что очерк Аксакова помог Пушкину создать картину метели, которая явилась как бы прелюдией к изображению стихийного крестьянского восстания.

Пейзаж в очерке Аксакова дается в непрерывном движении: в зимней степи постепенно появляются приметы метели, они нарастают, множатся, и раздражается буря, пугающий все живое, и прежде всего крестьян-обозников, застигнутых метелью в степи. «Небольшой обоз тянулся по узенькой, на ход крестьянских саней, проселочной неторной дорожке, или, лучше сказать, — следу, будто недавно проложенному по необозримым снежным пустыням». До наступления бурана «ни облака на туманном беловатом небе, ни малейшего ветра на снежных равнинах».

У Пушкина тоже сначала степь предстает в покое: «Вокруг меня простирались печальные пустыни,

пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями».

В очерке Аксакова приближение бурана первыми почувствовали тетерева и лошади, а вслед за ними

и люди. Опытный старик-обозник раньше других заметил что-то недоброе в природе; его настораживает появление на небе белого облака — первой приметы приближающегося бурана: «...беловатое облако, как голова огромного зверя, выплывало на восточном горизонте неба... едва заметный, хотя и резкий ветерок потянул с востока к западу — и, наклоняясь к земле, можно было заметить, как все необозримое пространство снеговых полей бежало легкими струйками, текло, шипело каким-то змеиным шипением, тихим, но страшным!». Старик «с некоторого времени внимательно озиравшийся на все стороны, с прищуренным глазом, припадавший к дороге, сурово крикнул: «Полно калякать, ребята. До умета далеко, ночь близка, дело негоже. Бери вожжи, садись, погоняй лошадей!..». Тревогу старика тотчас же почувствовали обозники. «Все трусили, хотя ничего страшного не видели».

Опуская ряд отмеченных Аксаковым подробностей, Пушкин в своем описании приводит только важнейшие из них. Зловещим предвестником бурана явилось и у Пушкина беловатое облако. Гринев «увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое приняло было за отдаленный холмик».

Тревогой охвачен ямщик Гринева. «Вдруг ямщик стал посматривать в сторону, и наконец, сняв шапку, обратился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?

— Время ненадежное, ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу.

...Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещает буран.

Я слышал о тамошних метелях, и знал, что целые обозы бывали ими занесены».

Как видно из этих параллелей, Пушкин с полным доверием отнесся к наблюдениям Аксакова. Дальнейшее сопоставление текстов очерка и повести еще больше убеждает в этом.

Аксаков описывает разбушевавшуюся степь: «Вдруг настала ночь... наступил буран со всей яростью, со всеми своими ужасами. Разыгрался пустынный ветер, на приволье, взрыл снеговые степи, как пух лебяжий, вскинул их до небес... Все одел белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной осенней ночи! Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха...».

Характерные особенности бурана, переданные Аксаковым, Пушкин сохраняет: «Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!..».

При очевидном сходстве описаний бурана у Аксакова и Пушкина, можно заметить, что смысловая нагрузка пушкинского описания иная, нежели у Аксакова. Опуская многие детали, Пушкин подчеркивает неукротимость движения, нарастание мощи разбушевавшейся стихии.

И дальнейшие наблюдения показывают, каким благодатным материалом послужил очерк Аксакова для автора «Капитанской дочки».

Аксаков, например, рассказывает о том, как попавшие в буран люди отыскивают дорогу в снежной мгле. Обозники, повествует писатель, «по обыкновению принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадет ли в мягком снегу жесткая полоса».

Поиски дороги мы встречаем и в «Капитанской дочке». Пугачев, впервые появляющийся в повести Пушкина в образе дорожного, которому сторона эта «знакомая... слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек», говорит Гриневу: «Дорога-то здесь, я стою на твердой полосе».

И далее обращает внимание в очерке Аксакова сравнение снежной бури с волнением моря: «Буран свирепел час от часу... Глубокие овраги делались высокими буграми... Наконец, стало понемногу затихать волнение снежного океана... Степи представляли вид бурного моря, внезапно оледеневшего...»¹. В «Капитанской дочке» Гриневу, ободренному хладнокровием вожатого и засыпающему в кибитке, убаюканному «пением бури и качкою тихой езды», кажется, что медленное продвижение по степи похоже на «плавание судна по бурному морю».

Можно предположить, что эти ассоциации возникли у Пушкина под влиянием очерка Аксакова.

¹ Образ «океана» или «бурного моря» и в дальнейшем ассоциировался у Аксакова с представлением о буране в Оренбургской степи. Так, например, в своей книге «Записки об уженье рыбы» он писал: «В наши долгие, жестокие зимы очень приятно после снежной вьюги, свирепствовавшей иногда несколько дней, особенно после оренбургского бурана, когда утихнет метель и взрытые ею снежные равнины представят вид моря, внезапно оледеневшего посреди волнения, — очень весело при блеске яркого солнца пробраться по занесенной тропинке».

Так или иначе, но безымянный автор, не известный не только Пушкину, но и почти никому, помог великому поэту в создании главы «Вожатый».

Снежный буран в описании Пушкина, который предшествует пророческому сну Гринева, является символом грозных событий, охвативших Россию и оказавших решающее воздействие на судьбу самого Гринева. «В неясных видениях первосония» Гриневу видится картина, в которой находил он потом «нечто пророческое» — пред ним является Пугачев в качестве посаженного отца: «...мужик с черной бородой... весело на меня поглядывая... ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...».

Не зная ни имени, ни личности автора очерка, Пушкин, несомненно, угадал в Аксакове замечательного знатока природы и художника, великолепно владеющего словом.

Н. В. Гоголь. Автолитография А. Венецианова. 1834.

*АКСАКОВ
и
ГОГОЛЬ*

«Нашелся человек, близкий моему
сердцу...»

В истории русской литературы немного примеров отношений между двумя писателями, которые были бы столь искренни, исповедальны и в то же время драматичны, как отношения С. Т. Аксакова и Н. В. Гоголя. Писатели были очень разными: открытый, прямой и горячий в своих увлечениях Аксаков, замкнутый, не очень общительный Гоголь. В одном из писем к Аксакову Гоголь даже слегка упрекал друга в излишней пылкости: «Один упрек вам следует сделать — в излишестве страстного увлечения во всем, как в самой дружеской привязанности и сношениях ваших, так и во всем благородном и прекрасном, что ни исходит от вас».

Об их первых встречах С. Т. Аксаков вспоминал: «Я обратился к нему с искренними похвалами его «Диканьке», но, видно, слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и он принял их очень сухо. Вообще в нем было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искреннего увлечения и излияния, к которым я способен до излишества».

Различие характеров — «лед и пламень» — не мешали дружеским отношениям. Аксаков и Гоголь как бы дополняли друг друга. Любви Аксакова к Гоголю, пронизательности, дару психологического анализа мы обязаны точностью и правдивостью созданного им литературного портрета Гоголя.

«Гоголя как человека знали весьма немногие, — писал С. Т. Аксаков. — Даже с друзьями своими он

не был вполне, или лучше сказать, всегда откровенен... Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния, творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии... Одни называли его забавным весельчаком, обходительным и ласковым; другие — молчаливым, угрюмым и даже гордым; третьи — занятым исключительно духовными предметами... Одним словом, Гоголя никто не знал вполне...»

Переписка Гоголя с друзьями только и могла открыть его характер, его размышления, его чувства. С. Т. Аксаков так подобрал письма свои и Гоголя, письма своих сыновей и близких знакомых, что получилась своеобразная хроника душевной жизни Гоголя, в которой прослеживается весь драматизм его изменений в отношении к миру и людям.

Особенность переписки Аксакова и Гоголя состояла в том, что главное внимание в них сосредоточено на боли души каждого из них, то уязвленной и оскорбленной, то изнемогающей в трагически неразрешимом противоречии с действительностью.

В этих письмах-исповедях приоткрывается не только драма Гоголя, приведшая его к смерти, но и совсем не ровная и не безмятежная внутренняя жизнь Аксакова. Видно, как много пришлось ему передумать и пережить. Гармоническое отношение к миру выстрадано им. В одном из писем к Гоголю он писал: «Я много перемыслил, перечувствовал, принимал, отвергал, сомневался и, по прошествии немалого времени, переболел душою и духом, наконец, дал себе ответы на многие вопросы; ответы, может быть неполные, неудовлетворительные, но такие по крайней мере,

Н. В. Гоголь. Портрет работы К. Мазера. 1840.

которые восстановили тишину и спокойствие в возмущенной душе моей...».

Однако гармония примирения не всегда устраивала С. Т. Аксакова. Он осуждал в себе слабость характера, которая мешала ему активно противостоять тому, что его возмущало. Об этом он взволнованно сообщал Гоголю: «...живость и непостоянство характера... заставляли меня зажмуривать глаза и бежать прочь от ослепительного и страшного блеска, всегда лежащего в глубине духа мыслящего человека... Я добровольно кидался в толпу непризванных, я наклёпывал на себя их пошлость и таким образом отделялся от трудных подвигов разумной жизни».

Выясняется, как много значил Гоголь в душевной жизни С. Т. Аксакова. Гоголь поддерживал в нем дух непримиренности, неуспокоенности. «Я бывал даже увлечен, ослеплен вами, — писал Аксаков Гоголю, — и помню, что один раз написал к вам горячее письмо, истинно скорбя о том, что я сам как христианин неизмеримо далек от того, чем бы я мог быть».

Для Аксакова Гоголь был близкий его душе человек, который требовал заботы и участия, но и сам мог придать ему твердости. «Он, — писал Аксаков, — стал передо мной, лицом к лицу, поднял со дна души давно заброшенные мысли и говорит: *«Пойдем вместе! Я вот что делаю с собой. Помоги мне, а я потом помогу тебе»*.

Однако душевная жизнь Гоголя была подчас так мучительна, что ему не всегда удавалось быть для Аксакова поддержкой и опорой. И чаще Аксаков старался уберечь Гоголя от развивающегося в нем вместе

с болезнью душевного холода, равнодушия, мистицизма. «Вы ходите по лезвию ножа! — предостерегал Аксаков, видя новые настроения Гоголя. — Дрожу, чтоб не пострадал художник!.. Чтобы творческая сила чувства не охладела от умственного напряжения отшельника».

С трепетом и горечью Аксаков замечал, что беда (перемена гоголевского отношения к действительности) надвигалась. Видя, как Гоголь все более осуждает то, что сам создал, Аксаков писал сыну Ивану: «Я сделаю все, что может сделать друг для друга, брат для брата и человек с поэтическим чувством — теряющий великого поэта. До тех пор я не успокоюсь совершенно». Искреннее участие и стремление Аксакова спасти друга от душевного разлада и разрушения заставили Гоголя признаться: «Друг мой! Я изнемог. Вот все, что могу сказать теперь. Что же касается до неизменности моих сердечных отношений, то скажу вам, что любовь, более чем когда-либо прежде, теперь доступнее душе».

Самые тяжелые минуты были пережиты Аксаковым в связи с появлением из печати книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Это была, по словам Аксакова, «горечь огорченной дружбы к человеку и оскорбленного чувства уважения к великому таланту». Все свое огорчение и неодобрение Аксаков высказал в письмах к Гоголю. Гоголь уже находился в состоянии тяжелой болезни, но все же вынужден был признать: «Да, книга моя нанесла мне поражение, но на это была воля божия».

Мучительный период напряженности в отношениях Аксакова и Гоголя закончился печальным примирением с обеих сторон.

Гоголь писал одному из друзей: «Храни бог от размолвки даже с людьми менее мне близкими, чем Аксаков! Что я меньше любил Аксаковых, чем они меня, это совершенная правда, и зачем мне это скрывать? Но дело в том, что я теперь больше люблю все то, что достойно любви, чем когда-либо прежде; стало быть, неминуемо должно быть, что и любовь моя к друзьям моим стала большею, чем когда-либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергею Тимофеевичу, если только он действительно на меня в неудовольствии».

Гоголь в этот период жил в Риме, и Аксаков очень надеялся, что его вылечит возвращение в Россию: «Полное выздоровление вы получите только на родной почве, подышав родным воздухом своей земли. Если вам почему-нибудь будет тяжело жить в Москве постоянно, то у меня есть премилый уголок в пятидесяти верстах от Москвы, в котором я надеюсь жить даже по зимам... Дом у нас большой и хорошо расположенный. Вы будете иметь спокойное и удобное помещение; при нас или без нас — это все равно. Не нужно говорить, рады ли будут вам ваши искренние друзья».

Из всего мемуарного наследия Аксакова его воспоминания о Гоголе, объединенные в книгу «История моего знакомства с Гоголем», являются наиболее значительными. Это и документально подтвержденные материалы о Гоголе, необходимые исследователям творчества и биографии писателя; это и портрет Гоголя-человека, мастерски написанный художником. Такое сочетание, характерное для литературных воспоминаний Аксакова, придает особое обаяние книге писателя о Гоголе.

Аксаков рассказал о великом писателе предельно правдиво и искренне, воздав дань восхищения силе его таланта и не утаив моментов глубокого расхождения с ним.

Пережив вместе с Гоголем весь сложный путь его исканий, Аксаков после смерти писателя поставил своей целью рассказать потомству все, что он знал о Гоголе-человеке. В 1853 году, в первую годовщину после смерти Гоголя, Аксаков обратился «ко всем друзьям и людям, коротко знавшим Гоголя», с призывом подробно и искренне рассказать о своем знакомстве с ним, для того чтобы дать будущим биографам Гоголя достоверные материалы для составления полной и правдивой биографии великого писателя.

Аксаков вплотную принялся за книгу в 1854 году. Толчком к работе послужила рукопись, полученная им от П. А. Кулиша, «Опыт биографии Гоголя», которая хотя и произвела на Аксакова благоприятное впечатление, но в то же время потребовала от него обстоятельного разбора и исправлений. «Я сидел несколько дней, — писал Аксаков сыну, — и написал целую тетрадку замечаний и дополнительных сведений. Это занятие подняло со дна моей души воспоминания о Гоголе, и мне стало совестно, что до сих пор не исполнил священного долга его памяти потомству: не написал историю моего знакомства с Гоголем со включением всей нашей переписки».

«История моего знакомства с Гоголем» Аксакова состоит из двух частей: первая — воспоминания, охватывающие период с 1832 по 1843 год, написанные самим автором; вторая — тщательно, с большой хронологической точностью подобранный материал писем,

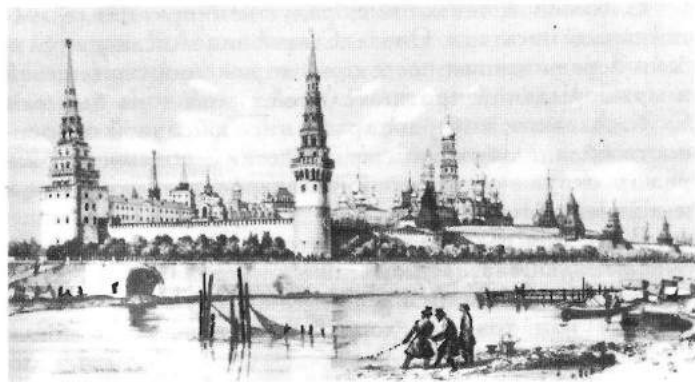
дневников и прочих документов, хранящихся в семейном архиве Аксаковых¹.

Само заглавие книги «История моего знакомства с Гоголем» говорит о том, что автор хотел рассказать не только о Гоголе, но и о своем отношении к нему в разные периоды знакомства, потому можно с полным основанием сказать, что в книге два главных героя: Гоголь и Аксаков.

*«Можно себе представить нашу
радость...»*

В большом семействе Аксаковых друзья и знакомые собирались обычно по субботам. Народу бывало множество. Литературные и театральные интересы С. Т. Аксакова, его участие в журналах привлекало сюда и редактора прогрессивного журнала «Телескоп» и газеты «Молва» Н. И. Надеждина, и основоположника нового театрального искусства, стремившегося

¹ Впервые эти документальные материалы были приведены во второй части издания «История моего знакомства с Гоголем» П. М. Павловым в «Русском архиве» 1890 года. Павлов, однако, допустил ряд изъятов: он исключил все одобрительные отзывы С. Т. Аксакова о Белинском, критические высказывания Аксаковых об отношении Гоголя к царю и ряд мест из переписки В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской. Все перечисленные документы включены в издание «История моего знакомства с Гоголем» АН СССР, 1960, подготовленное сотрудниками Музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирновой.

Москва. Литография с рисунка А. Дюрана.

к правде на сцене, М. С. Щепкина, и профессора российской словесности Московского университета С. П. Шевырева, и историка и драматурга М. П. Погодина. Два последних лица были уважаемы и в правительственной сфере за поддержку официальной теории — «православие, самодержавие и народность». Основную группу гостей и друзей этого дома составляли широко известные в литературных кругах своим увлечением фольклором будущие славянофилы — братья Павел Васильевич и Иван Васильевич Киреевские, поэт А. С. Хомяков, литературный критик славянофильского направления Ю. Ф. Самарин. Собирались у Аксаковых университетские товарищи старшего сына Константина Аксакова, среди которых иногда бывали Н. В. Станкевич и В. Г. Белинский; друзья и приятели Григория и Ивана Аксаковых.

С большой теплотой и радушием принимала гостей жена писателя Ольга Семеновна Аксакова, глубоко переживавшая все духовные искания своих детей и мужа. Главной притягательной силой дома был сам С. Т. Аксаков, который кроме многообразной одаренности обладал большим человеческим обаянием и заражал окружающих своей увлеченностью искусством и жизнелюбием.

В ту пору грань между бытом и литературой была очень подвижна. Рукописные эпиграммы, пародии, экспромты, стихи, написанные на случай в альбом хозяйке или хозяину дома, устные анекдоты могли из бытовой обстановки в любой момент перейти в литературу. Однако при всей оживленности литературного общения, разнообразия его сюжетов и жанров в центре внимания всегда были насущные проблемы современности. Участники аксаковских суббот горячо отстаивали свои мнения, спорили. На этих вечерах обсуждалось многое из того, о чем нельзя было писать в подцензурной печати. Темой бесед служили новые книги, театральные постановки, лекции, прочитанные в Московском университете, литературно-критические статьи, в которых открыто, а порой исподволь и завуалированно ставились большие и острые проблемы времени.

На одну из таких аксаковских суббот в 1832 году М. П. Погодин неожиданно привел Н. В. Гоголя. Незадолго до этого, во время болезни жены, Сергей Тимофеевич прочитал ей вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Можно себе представить нашу радость при таком сюрпризе», — писал Аксаков.

В своих воспоминаниях о писателе Аксаков создал не один портрет Гоголя разных периодов его жизни.

Тонко подмеченные изменения внешнего облика, лица и фигуры Гоголя Аксаков соотносит с изменениями его внутреннего мира. Первое впечатление от Гоголя было у Аксакова и его близких неблагоприятным: «...хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу; нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой...».

Аксаков добавляет, что Гоголь был похож тогда на портрет, написанный Венециановым.

«Заставлял всех хохотать до слез...»

Вскоре после знакомства Гоголь и Аксаков побывали в гостях у М. Н. Загоскина, автора нашумевшего в то время исторического романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Аксаков высоко оценил это произведение Загоскина. В рецензии, опубликованной в 1830 году в «Московском вестнике», он назвал роман Загоскина «небывалым явлением на горизонте нашей словесности» и даже сопоставил его с романами Вальтера Скотта. Аксакову было по душе патриотическое настроение автора. Кроме того, ему понравилась «комическая добродушная веселость Загоскина». И тем не менее в своей рецензии

Аксаков приводит «несколько частных замечаний», свидетельствующих о несоответствии многих эпизодов реальной жизни.

Гоголь был тоже заинтересован этим романом и, по словам Аксакова, хвалил автора «за веселость, но сказал, что он не то пишет, что следует, особенно для театра».

Значительной представляется нам беседа Аксакова с Гоголем о характере «веселости», то есть комического в литературе. Воссоздавая эту беседу, Аксаков рассказывает: «Я легкомысленно возразил, что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично и пусто, что...

...даже глупости смешной

В тебе не встретишь, свет пустой...».

Гоголь не согласился с Аксаковым и сказал, «что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его». Это свидетельствует о том, что задолго до создания «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Носа», «Ревизора» Гоголь жил мыслью о сатирическом изображении действительности, о смехе, который должен показать людям недостойное в их жизни, раскрыть им глаза на самих себя.

Загоскин, по рассказу Аксакова, был знаком с произведениями Гоголя, читал «Вечера на хуторе близ Диканьки», но не оценил их вполне, «а в описаниях украинской природы находил неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя...».

Поэзия романтических повестей Гоголя, которые для Аксакова были «свежи, прелестны, благоуханны», оказалась совершенно чужда Загоскину. Тем не менее, как пишет Аксаков, «по добродушию своему и по самолюбию человеческого ему приятно было, что превозносимый всеми Гоголь поспешил к нему приехать».

С веселостью и юмором подлинного художника Аксаков так передал картину встречи Загоскина с Гоголем: «Он принял его с отверстыми объятиями, с криком и похвалами; несколько раз принимался целовать Гоголя, потом кинулся обнимать меня, бил кулаком в спину, называл хомяком, сусликом и пр. и пр.; одним словом, был вполне любезен по-своему».

Трудно, почти невозможно раскрыть и угадать жизненный материал, который ложится в основу того или иного художественного образа. Писатель собирает его постоянно на протяжении всей жизни. Можно предположить, что встреча Гоголя с Загоскиным не прошла бесследно для автора «Мертвых душ», что, гиперболически заострив свои наблюдения, он передал их в образе Ноздрева, который невольно вспоминается, когда читаешь Аксакова: «Загоскин говорил без умолку о себе: о множестве своих занятий, о бесчисленном количестве прочитанных им книг, о своих археологических трудах, о пребывании в чужих краях (он не был далее Данцига), о том, что он изъездил вдоль и поперек всю Русь и пр. и пр. Все знают, что это совершенный вздор и что ему искренне верил один Загоскин. Гоголь понял это сразу и говорил с хозяином, как будто век с ним жил, совершенно в пору и в меру». И когда Загоскин начал показывать и хвастаться своими книгами, потом

табакерками и шкатулками, он совершенно наскучил Гоголю, который вынул часы и сказал, что ему пора уходить, обещав, впрочем, заглянуть еще. Аксаков и сам в этом рассказе посмеивается над Загоскиным. В присутствии Гоголя он как бы в ином свете увидел Загоскина — хорошо известного ему человека и писателя.

В юмористических тонах рисует Аксаков и второе посещение Загоскина. Памятным моментом этого посещения было только то, что, показывая гостям свои раскидные кресла, Загоскин, увлекшись, прищепил Аксакову обе руки пружинами, Гоголь «впоследствии часто вспоминал этот случай и, не смеясь сам, так мастерски его рассказывал, что заставлял всех хохотать до слез». Как бы вскользь, Аксаков передает очень характерную особенность устных рассказов Гоголя: он умел рассмешить своих слушателей, сам никогда при этом не улыбаясь.

В следующий приезд в Москву Гоголь привез свою комедию «Женихи» (будущую «Женитьбу»). Он сам вызвался прочитать ее у М. П. Погодина. Чтение состоялось 4 мая 1832 года.

Из литераторов присутствовали сотрудники журнала «Московский наблюдатель», в котором задавал тон сам Погодин и его друг С. П. Шевырев.

Все собравшиеся были захвачены чтением Гоголя, непревзойденного чтеца. Аксаков, который был в то время болен, со слов своего сына Константина рассказывал об этом чтении в своей книге: «Гоголь, — писал Аксаков, — до того мастерски читал, или, лучше сказать, играл свою пьесу, что многие понимаю-

щие это дело люди до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно господина Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора. Я совершенно разделяю это мнение, потому что впоследствии хорошо узнал неподражаемое искусство Гоголя в чтении всего комического. Слушатели до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно».

В своих воспоминаниях писатель рассказал о неудачной попытке организовать чтение «Женихов» в 1832 году. На слушание комедии Гоголя к Аксакову были приглашены горячие поклонники таланта писателя, «почитатели его творчества». Здесь была молодежь и литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «Телескоп» и его приложения «Молва». Пришел к Аксакову и молодой Белинский, который спустя два года — в 1834 году — возвестил о своем появлении в литературе статьей «Литературные мечтания», обратившей на себя внимание всей читающей и мыслящей России.

Гоголь, однако, очень запоздал на чтение, а придя, заявил, что прочесть комедию он не сможет. Это, конечно, обидело и раздосадовало Аксакова. Он отмечает в своей книге, что такие неожиданные перемены настроения у Гоголя случались нередко.

Дальнейшие встречи с Аксаковым произошли у Гоголя в 1835 году, во время его короткого посещения Москвы. Гоголь уже выпустил в свет свои новые произведения «Миргород», «Арабески». «Великий талант его оказался в полной силе», — писал Аксаков.

Более всего прочего были дороги С. Т. Аксакову из новых произведений Гоголя «Тарас Бульба» и

«Старосветские помещики». Последняя повесть привлекла Аксакова правдивым изображением в ней быта и нравов помещиков, своеобразного мира их чувств. Зная дальнейшие произведения С. Т. Аксакова, его «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука», мы понимаем, какое большое воздействие на его творчество оказала повесть «Старосветские помещики» и другие произведения Гоголя — «поэта жизни действительной», как называл его в эту пору Белинский.

Очевидно, от Погодина Гоголь узнал о том, в какое восхищение привели Аксаковых его новые произведения. Этим объясняет Аксаков совершенно неожиданное появление Гоголя в ложе Большого театра, которую занимали Аксаковы. Писатель рассказывает, какое большое впечатление на публику, среди которой было много студенческой молодежи, произвело появление Гоголя в театре. Сразу же все бинокли были направлены на ложу Аксаковых, и слова «Гоголь, Гоголь» распространились по креслам. «Не знаю, — писал Аксаков, — заметил ли он это движение, но, сказав несколько слов, что он опять в Москве на короткое время, Гоголь уехал».

Нет сомнения, что московская молодежь середины 30-х годов уже хорошо чувствовала значение разящего гоголевского смеха в таких произведениях, как «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и в напечатанной в пушкинском «Современнике» повести «Нос».

Забегая вперед, следует сказать, что впоследствии, в 1842—1843 годах, Аксаков принял живейшее участие в постановке на московской сцене комедий Гоголя «Женитьба» и «Игроки».

В письмах к Гоголю этого периода Аксаков подробно сообщал обо всем, что происходило во время подготовки спектаклей. Он писал, что, как только пьесы вышли из цензуры, сам он неоднократно читал их в московских гостиных, что чтением комедии «Женитьба» он «производил восторг и шум необыкновенный, какого не производила она даже на сцене». Последнее обстоятельство Аксаков объяснял неудачным, на его взгляд, распределением ролей, которое сделал Гоголь, и полагал, что некоторые перемены могли бы улучшить исполнение: «Если б Кочкарёва играл Щепкин, а Подколесина Живокини, пьеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкин не может играть вялого и нерешительного творенья, а Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица. Впрочем, надо было отдать ему справедливость: он работал изо всех сил, с любовью истинного артиста, и во многих местах был прекрасен».

Аксаков информировал Гоголя и о том, что слышал о петербургской постановке «Женитьбы»: «В Петербурге Мартынов в роли Подколесина бесподобен, но все прочие лица несравненно ниже московских. Послезавтра бенефис должен повториться на Большом театре, а потом пьесы ваши навсегда сойдут на Малый театр. Актеры и любители театра нетерпеливо этого ожидают: там они (пьесы) получают настоящую цену и оценку».

Аксаков просит Гоголя извинить его за сумбурность письма: «...постановка пьес и все вообще так высоко настроили мои нервы, что они дрожат и предметы путаются и пляшут в голове моей».

Аксаков считал необходимым сообщить Гоголю и о настроении публики. «Странное дело, — писал он, — «Женитьбу» слушали с большим участием; удерживаемый смех, одобрительный гул, как в улье пчел, ходил по театру; а теперь эту пьесу почти все осуждают. «Игроков» слушали гораздо холоднее, а пьесу все почти хвалят; все это я говорю о публике рядовой».

Следует сказать, что «Женитьба» осталась на долгие годы недостаточно глубоко понятой не только рядовой публикой. В сопоставлении с «Ревизором» она, действительно, проигрывала, казалась только комедией нравов, лишенной большого общественного звучания. Однако, как мы видели, это произведение великого сатирика выдержало испытание временем. Каждое новое поколение читателей и зрителей открывает в нем содержание, созвучное своим настроениям. Комедия «Женитьба» продолжает свою жизнь на театральной сцене и сегодня.

Вокруг «РЕВИЗОРА»

К его таланту никто не был равнодушен: его или любили восторженно, или ненавидели.

В. Г. Белинский

Недоброжелательные, резкие выступления критики против комедии Гоголя начали появляться в прессе сразу же после постановки «Ревизора» на сцене импе-

Александринский театр в Петербурге. 1830-е годы.

раторского Александринского театра и появления этой комедии в печати, что произошло одновременно — 19 апреля 1836 года.

То, что «было не в бровь, а в глаз», что прозвучало, как беспощадный приговор социальным устоям несправедливой и жестокой жизни, было воспринято многими как фарс и карикатура — и в первую очередь теми, кто в жизни творил несправедливость и зло. У Гоголя появилось множество злейших врагов и недоброжелателей. «Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня», — писал Гоголь 29 апреля 1836 года.

Особенно злобствовала реакционная пресса. В газете «Северная пчела» против Гоголя выступил Ф. Булгарин, которого поддержал в журнале «Библиотека для чтения» О. Сенковский.

«В каком-то городке... — иронически излагает содержание комедии Булгарин, — городничий, земский судья, почтмейстер, смотритель училищ, попечитель богоугодных заведений представлены величайшими плутами и дураками. Помещики и отставные чиновники — ниже человеческой глупости. Жена и дочь городничего кокетки, каких... нельзя найти в малом городишке... Купцы и подрядчики сущие разбойники; полицейские чиновники — ужас! В этом-то городишке все крадут, берут взятки, делают величайшие глупости, сознаются чистосердечно друг перед другом в своих плутнях и даже преступлениях (например, почтмейстер говорит, что он всегда распечатывает чужие письма из одного любопытства). И живут да поживают дружно и мирно, приводя только в недоумение зрителя, не понимающего, каким чудом этот городишко, в котором нет честной души, может держаться на земном шаре...»

Статья Сенковского в «Библиотеке для чтения» почти дословно повторила мнение «Северной пчелы». Автор сопоставляет «Ревизора» Гоголя со слабой и тенденциозной комедией Загоскина «Невольные». Он делает такой вывод: «У Загоскина была идея, и хорошая комическая идея, у г. Гоголя идеи нет никакой».

Цель обоих критиков была одна: свести на нет общественное значение «Ревизора». Карикатура, фарс, грязная клевета — таков был приговор «Библиотеки для чтения», которая, как справедливо отметил тогда же критик П. В. Анненков, «получила внуше-

ние извне преследовать комедию эту как политическую, не свойственную русскому миру».

Однако у «Ревизора» сразу же появились не только враги, но и горячие защитники. Одним из них был редактор журнала «Телескоп» и газеты «Молва» Н. И. Надеждин, который под псевдонимом А. Б. В. поместил в «Молве» разбор «Ревизора» и дал ему высокую оценку как правдивейшему произведению: «Посмотрите: они, эти господа, гуляют по Тверскому бульвару, в парке, по городу и везде, везде, где есть десяток народу, между ними наверное один из комедии Гоголя... этой русской, всероссийской пьесы, возникнувшей не из подражания, но из собственно-го, быть может, горького чувства автора... Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна только...»

Сотрудником критического отдела этих изданий был В. Г. Белинский, который так страстно увлекся «Ревизором», что знал весь текст наизусть. Еще в статье 1835 года «О русской повести и повестях Гоголя», напечатанной в той же «Молве», Белинский назвал Гоголя «поэтом жизни действительной» и был горячим пропагандистом творчества писателя. Как писал П. В. Анненков, «Ревизор», потерпевший фиаско при первом представлении в Петербурге, едва не согнанный со сцены стараниями «Библиотеки для чтения», возвратился благодаря Белинскому на сцену уже с эпитетом «гениального произведения».

Можно уверенно сказать, что лучшие люди того времени восторженно встретили комедию. Так, на литературном вечере у Жуковского, где было устроено прослушивание комедии, которую читал сам автор, все собравшиеся приветствовали появление пьесы Гоголя. Единственным слушателем, хранившим

неодобрительное молчание, был барон Розен, который с удивлением рассказывал потом, что Пушкин «во время чтения катался от смеха».

Вскоре после появления «Ревизора» на сцене Александринского театра Пушкин писал жене из Москвы: «Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть «Ревизора»... С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб «Ревизор» упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.[етер]Б.[урге]».

Среди москвичей, высоко ценивших Гоголя, одним из самых горячих его поклонников был С. Т. Аксаков и члены его семейства. Аксаков вспоминал, каким образом он и его семейство познакомились с «Ревизором». Однажды, будучи в английском клубе, он получил записку из дома о том, что для него оставлен до утра печатный экземпляр «Ревизора» и собравшиеся гости ждут его. Аксаков тут же поспешил домой, где с большим увлечением прочел «Ревизора» семье и всем собравшимся друзьям.

Все были в восторге от «Ревизора». Сын С. Т. Аксакова К. С. Аксаков дал высокую оценку комедии: «Я уже читал «Ревизора»; читал раза четыре и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли ее. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия».

Как и другие будущие славянофилы, К. С. Аксаков относился настороженно к обличительным произведениям Гоголя и впоследствии в споре с Белинским стремился приглушить социальное, «острое» содержание «Мертвых душ». Но «Ревизора» в то время он принял с горячим одобрением.

Вся читающая Москва стремилась ознакомиться с комедией Гоголя. Н. И. Надеждин пишет, каким событием было появление в Москве 25 экземпляров «Ревизора»: «Они расхватаны, перекуплены, перепечатаны, зачитаны, выучены, превратились в пословицы и пошли гулять по людям, обернулись эпиграммами и начали клеймить тех, к кому придутся».

Страстный театрал, С. Т. Аксаков принял живейшее участие в постановке «Ревизора» в Москве.

Аксаков и Щепкин придавали огромное значение тому, как будет сыграна комедия «Ревизор» на сцене. Они боролись за развитие и победу русского национального искусства. Во многом благодаря их стараниям спектакли «Ревизора» в Москве проходили с неизменным успехом.

Шло время, Гоголь был за границей, а в доме Аксаковых не утихали разговоры о «Ревизоре». Содержание комедии сопоставляли со всем, что приходилось наблюдать и слышать в жизни. Так, например, ознакомившись по письмам сына И. С. Аксакова с порядками уездного города Рыбинска, Ольга Семеновна Аксакова писала в 1849 году: «Как же назад тому тринадцать лет обвиняли Гоголя за «Ревизора», что нет и не может быть такого города и таких людей, а теперь это у тебя воочию совершается».

В 1841 году Гоголь, работая за границей над «Мертвыми душами», подготовил второе издание своей комедии и еще раз опубликовал ее в первом Собрании сочинений 1842 года, где впервые преддверил ее «ловко прибранной пословицей», помещенной в эпиграф: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Это был блестящий ответ всем хулителям «Ревизора».

А в России в отсутствие Гоголя верные друзья писателя — Щепкин и Аксаков, помня гоголевские слова о том, что «драма живет только на сцене», всеми силами стремились воплотить великий замысел его в театре, старались, прежде всего, выполнить то, что казалось Гоголю самым трудным, — найти исполнителя роли Хлестакова. В своей книге Аксаков рассказывает, что Гоголя и в период первых постановок «Ревизора» и потом, много позже, не удовлетворяло сценическое решение образа Хлестакова. По мнению Гоголя, пьеса «оттого теряет смысл и скорее должна называться «Городничий», чем «Ревизор». Он предлагал «разыграть» «Ревизора» на домашнем театре и хотел взять роль Хлестакова. Впоследствии ее с успехом исполнил ученик Щепкина артист Малого театра С. В. Шумский. Аксаков рассказывает, что Гоголь видел Шумского «в продолжение двух действий и остался им доволен».

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Львиные силы чувствую я в душе своей.

Н. В. Гоголь

За границей Гоголь с головою ушел в создание своего важнейшего произведения — поэмы «Мертвые души». 12 ноября 1836 года он писал Жуковскому: «Обдумал более спокойно весь план и веду его спокойно, как летопись...».

«Если совершу это творенье, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя. Каждое утро, в прибавление к завтраку, вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день...»

«Мертвые» текут живо... и мне совершенно кажется, будто я в России: передо мною все наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь. Мне даже смешно, когда подумаю, что я пишу «Мертвые души» в Париже... Огромно, велико мое творение и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что же мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами, влажными от слез, произнесут примирение моей жизни.»

Во время работы над первым томом «Мертвых душ» Гоголь только два раза приезжал в Россию. Огромный творческий подъем, в котором он жил в это время, изменил и внешность, и внутренний мир писателя. С. Т. Аксаков, почти ежедневно встречавшийся с Гоголем во время его первого приезда в Россию в 1839 году, подробно рассказал об этом времени и о своих впечатлениях о писателе: «Наружность Гоголя так переменялась, что его можно было не узнать: следов не было прежнего гладко выбритого и обстриженного (кроме хохла) франтика в модном фраке!

Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы, эспаньолка довершали перемену; все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражались доброта, веселость и любовь ко всем; когда же он молчал или задумывался, то сейчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому. Сюртук вроде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сюртуке сделалась благообразнее. Шутки Гоголя, которых передать нет никакой возможности, были так оригинальны и забавны, что неудержимый смех одолевал всех, кто его слушал, сам же он всегда шутил не улыбаясь».

Именно в это время Аксаков особенно сблизился с Гоголем, хорошо узнал его. Как писал Аксаков, их соединила «тесная дружба, вдруг развившаяся» между ними. «Гоголь бывал у нас почти каждый день», — вспоминал Аксаков, стремясь в своих мемуарах воспроизвести всю полноту своего тогдашнего общения с ним.

Очень интересен рассказ о совместном путешествии Гоголя с Аксаковым и его детьми (Верой и Мишей) в Петербург. Гоголь ехал, чтобы забрать своих сестер из столичного Патриотического института; Аксаков же хотел отвезти в петербургский Пажеский корпус сына Мишу. Они ехали в четырехместном дилижансе. Миша, сидевший с Гоголем на передних сиденьях, показывал знаками отцу и сестре, чем занят был Гоголь в тот или иной момент, — читал ли он томик Шекспира на французском языке, или дремал... В этот период жизни Гоголь был весел, изобретателен в шутках, добр и отзывчив.

В Петербурге Аксаковы познакомились с сестрами Гоголя — «совершенными дикарками» — и его матерью, которая произвела на всех прекрасное впечатление: «Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с легким оттенком самого кроткого юмора. Она была так моложава, так хороша собой, что ее решительно можно было назвать только старшею сестрою Гоголя».

В книге Аксакова есть поистине драгоценные страницы, и в числе их те, которые рисуют Гоголя в момент творчества.

Жуковский, у которого жил Гоголь, повел Аксакова к нему, открыл дверь в комнату писателя, и глазам Аксакова открылась такая картина: «Передо мной стоял Гоголь в следующем фантастическом костюме: вместо сапог длинные шерстяные русские чулки выше колен; вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер; шея обмотана большим разноцветным шарфом, а на голове бархатный малиновый, шитый золотом кокошник, весьма похожий на головной убор мордочек. Гоголь писал и был углублен в свое дело, и мы, очевидно, ему помешали. Он долго, не зря смотрел на нас, по выражению Жуковского, но костюмом своим нисколько не стеснялся...».

Вскоре Аксаков начал постепенно знакомиться с отдельными главами первого тома «Мертвых душ». «Я не говорил о том, — писал Аксаков, — какое впечатление произвело на меня, на все мое семейство, а равно и на весь почти наш круг знакомых, когда мы услышали первое чтение первой главы «Мертвых душ». Это был восторг упоения, полное счастье, которому завидовали все, кому не удалось быть у нас

во время чтения; потому что Гоголь не вдруг стал читать у других своих знакомых».

Чтение отдельных глав началось у Аксакова в декабре 1839 года. Аксаков пишет: «Легко может быть, что он читал один или два раза по возвращении нашем из Петербурга... потому что в письмах Веры к Машеньке Карташевской есть известие от 14 февраля, что мы слушали уже итальянскую его повесть («Анунциату») и что 6 марта Гоголь прочел нам уже четвертую главу «Мертвых душ»...».

«Восьмого марта, при многих гостях, совершенно неожиданно для нас, объявил Гоголь, что хочет читать. Разумеется, все пришли в восхищение от такого известия, и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул и, опустив бумагу, сказал, как он об'елся грибков. Это было начало комической сцены, которую он нам и прочел. Он начал чтение до такой степени натурально, что ни один из присутствующих не догадался, что слышит сочинение. Впрочем, не только начало, но и вся сцена была точно так же читана естественно и превосходно. После этого, в одну из суббот, он прочел пятую главу, а 17 апреля, тоже в субботу, он прочел нам... шестую главу¹, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великий восторг».

Так, в этот первый приезд Гоголя из-за границы Аксаков и его семья познакомились с семью главами «Мертвых душ» и снова были захвачены силой творческого гения Гоголя.

¹ С. Т. Аксаков ошибочно называет седьмую главу шестой.

В кругу своего семейства Аксаков не просто читал и перечитывал «Мертвые души», — он изучал поэму Гоголя, вдумываясь в каждое слово.

Что же так восхищало Аксакова в «Мертвых душах» Гоголя? Аксаков сумел оценить и увидеть гениальную завершенность типических характеров Гоголя. Чутьем художника он постигал особенности таланта Гоголя и отмечал в «Мертвых душах» столь характерное для Гоголя «совершенство творчества в малейших подробностях».

Говоря о художественной правде величайшего создания Гоголя, Аксаков с негодованием говорит о тех, кто, «привыкнув тешить сочинениями Гоголя, не могли вдруг понять глубокого и серьезного значения его поэмы», находили в ней много карикатуры и... «считали многое неверным и неправдоподобным».

Гоголь очень высоко ценил все критические замечания Аксакова по поводу отдельных глав первого тома «Мертвых душ». У Ю. Ф. Самарина мы находим любопытное свидетельство об этом: «Читая, Гоголь беспрестанно взглядывал на Сергея Тимофеевича и следил за каждым выражением сочувствия или несочувствия на его лице».

9 мая 1840 года, в день своих именин, Гоголь устроил для друзей обед в саду у Погодина. Среди гостей было много литераторов — А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, М. Ю. Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, М. Н. Загоскин и другие. «Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно», — рассказывал Аксаков.

Вскоре появилась и проза Лермонтова, которая очень понравилась Аксакову. В письме к Гоголю

в июле 1840 года он писал: «Я прочел Лермонтова «Герой нашего времени»... и нахожу в нем большое достоинство. Живю помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца». Впоследствии в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846), в статье «В чем же, наконец, сущность русской поэзии» Гоголь писал о Лермонтове: «Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни; готовился будущий великий живописец русского быта...».

18 мая Аксаков и другие друзья проводили Гоголя за границу. Гоголь был весел, разговорчив и обещал через год вернуться в Москву уже с законченным первым томом «Мертвых душ».

Примерно через полгода после своего отъезда он писал Аксакову из Рима: «Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем, дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете».

И наконец 18 октября 1841 года Гоголь привез в Россию первый том «Мертвых душ», «совершенно законченный и отчасти отделанный».

Последние пять глав романа Гоголь прочел Погодину, С. Т. Аксакову и К. С. Аксакову, причем потре-

А. И. Герцен. Литография Л. Нозля. 1847.

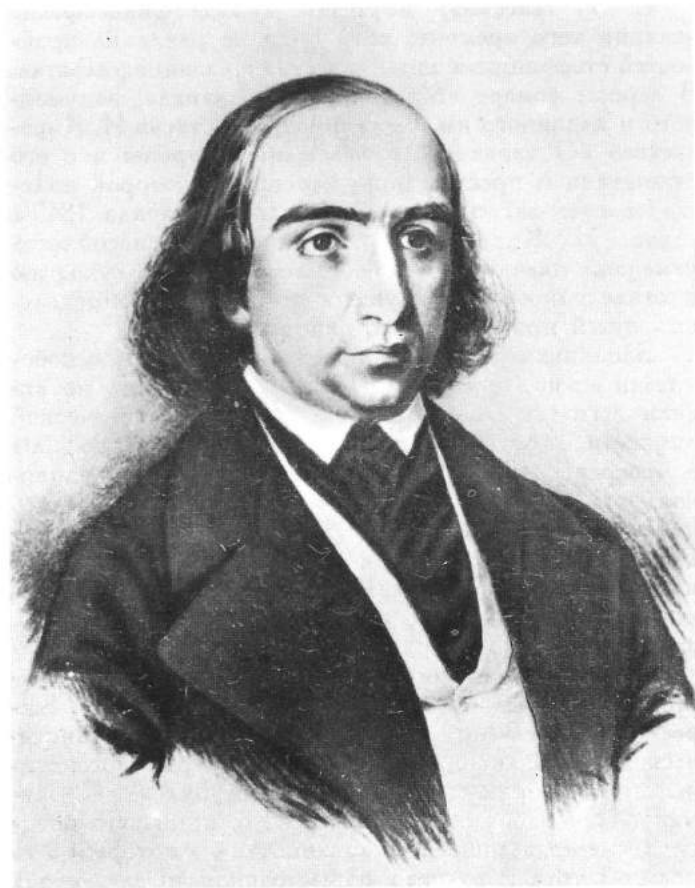
бовал, чтобы никто, кроме этих трех лиц, не знал о чтении.

Рукопись поспешно переписывалась и была отослана в цензуру, в Петербург. Сначала Гоголь хотел послать ее через Жуковского или Виельгорского, но вдруг «переменил свое намерение и послал рукопись в Петербург прямо к цензору Никитенко и, кажется, — как пишет Аксаков, — послал с Белинским».

«Мертвые души» (первый том) стали с этого времени любимейшим произведением С. Т. Аксакова. Так же как и все творчество Гоголя, они оказали огромное влияние на Аксакова-писателя.

«Мертвые души» были опубликованы в 1842 году. В это время передовое русское общество переживало напряженную идейно-теоретическую борьбу двух станов русской интеллигенции. Белинский, Грановский, Герцен с единомышленниками принадлежали к лагерю так называемых «западников»; их противники: К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, братья Киреевские и другие, называли себя славянофилами.

Западничество и славянофильство явилось в этот период результатом осознания прогрессивно мыслящими людьми 1840-х годов неблагополучия окружающей действительности, неудовлетворенности общественным строем России. Несмотря на расхождение в представлении о путях выхода из философского и общественно-политического кризиса, конечный идеал этих течений общественной мысли имел в 1840-е годы сходные очертания — это гармонизация отношений человека с миром и людьми, восстановление единства и цельности человеческой личности.

Т. Н. Грановский. Портрет работы художника Привольнева.

С. Т. Аксакову не были чужды философские искания того времени, хотя он и не разделял крайностей сторонников западничества и славянофильства. В первом номере «Московского сборника», задуманного и изданного им, была помещена статья И. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», в которой излагалась суть взглядов славянофильства начала 1840-х годов. И. Киреевский подчеркивал неспособность немецкой идеалистической философии с ее сухостью и отвлеченностью послужить основой для определения путей прогрессивного развития России.

Западники в этот период тоже пытались освободиться из-под влияния немецкой философии, но видели выход в саморазвитии отдельной человеческой личности, противостоящей обществу. Славянофилы же сосредоточили свое внимание на изучении национального характера, истории народа и страны, пытались найти для личности выход к «общим началам», наметить возможности ее присоединения к народу. Это привело их в дальнейшем к примирению с действительностью, к идеализации крепостнической старины, феодального уклада русской жизни.

Внутри славянофилов не было абсолютного единства. С осуждением содержащегося в статье И. Киреевского резкого противопоставления гуманистического содержания русской культуры «эгоистическому» направлению Запада выступил А. С. Хомяков. Он одобрил И. Киреевского, отдавшего предпочтение «разумности» и «цельности», к которым в то время тяготела русская общественная мысль, перед «рассудочностью» и «раздвоенностью», порожденными немецкой идеалистической философией. В то же

А. С. Хомяков. Литография.

время А. С. Хомяков не принял идеализации Древней Руси, в которой И. Киреевский увидел цельное и совершенное начало. А. С. Хомяков призывал не отказываться от интеллектуальных достижений западной цивилизации, не переоценивать положительные черты русской истории; по его мнению, «не разумно было бы не ценить того множества полезных знаний, которые мы уже почерпали и еще почерпаем из неутомимых трудов западного мира; а пользоваться этими знаниями и говорить об них с неблагодарным пренебрежением было бы не только неразумно, но и не честно». Статья А. С. Хомякова должна была появиться во втором номере «Московского сборника», который был запрещен цензурой. Таким образом, на первых порах между западничеством и славянофильством было много точек соприкосновения, была общая боль за судьбу России, ее народа, ее культуры, поиск прогрессивных путей ее развития. Именно поэтому «западник» Герцен назвал славянофилов этих лет «наши друзья-враги или верные враги-друзья». Но уже в этот период вырисовывался разный подход западников и славянофилов к настоящему, прошлому и будущему России, который в дальнейшем все более углублялся и привел к жарким спорам. Об этом размежевании интеллигенции рассказал в своих мемуарах «Былое и думы» один из участников этой борьбы А. И. Герцен. Безоговорочно принадлежа в то время к лагерю «западников», Герцен с глубокой объективностью и проникновением, с большой симпатией говорит о стоящих на разных позициях, но абсолютно честных, искренних и горячо убежденных людях: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинакая...

И. С. Аксаков. Фотография.

И мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны в то время, как сердце билось одно».

Герцен дает свое понимание основ славянофильства. По его мнению, для славянофилов спасение заключалось «в возврате к народу», которое для них означало отречение от петербургского периода развития России, возврат государственной жизни к допетровскому, отжившему времени. Это выражалось даже внешне, в их желании носить старомодную одежду. Герцен иронизирует над тем, что ярый славянофил К. Аксаков носил мурмолку и одевался так национально, «что народ принимал его за персианина».

Споры, теоретические сражения происходили то в той, то в другой из московских гостиных.

Среди славянофилов самым искусным и страстным борцом был А. С. Хомяков, который, по выражению Герцена, «проспорил всю свою жизнь».

Говорит Герцен и о другом воине этого лагеря, о К. С. Аксакове, который во имя свободной жизни русского народа отстаивал старые устои и порядки русского быта и ратовал за Москву — против Петербурга.

В 1844 году споры в гостиных прекратились, ибо разногласия дошли до разрыва.

Как и Герцен, не разделяя теоретических позиций славянофилов и славянофильских взглядов на историю, но с искренним уважением к их человеческим достоинствам, говорит о славянофилах и Чернышевский: «Гг. Аксаковы, Кошелев, Киреевские, Хомяков... принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе».

К. С. Аксаков. С гравюры (на дереве) К. Арта.

Однако следует подчеркнуть, что Герцен писал свои воспоминания много позже своего непосредственного участия в борьбе западников и славянофилов, писал их в дали от родины, за границей. Непосредственность восприятия, острота развернувшейся полемики были уже позади, в воспоминаниях все было добрее, мягче. Этим объясняется миролюбивый тон его рассказа.

Гоголь в оценке Белинского и Аксакова

Перед отъездом за границу Гоголь обратился с просьбой к С. Т. Аксакову сообщать ему в Италию все отзывы о «Мертвых душах».

С. Т. Аксаков искренне и добросовестно исполнял просьбу Гоголя и посылал ему сведения о том, как воспринималась читателями его поэма. Из этих писем Аксакова видно, какое огромное значение имели «Мертвые души» для современников Гоголя, — их читали, перечитывали, о них постоянно спорили.

Своей работе по сбору отзывов С. Т. Аксаков придавал большое значение и в этом был близок к Белинскому, который считал, что «беспрерывные толки и споры в обществе о «Мертвых душах»... вопрос столько же литературный, сколько и общественный...».

На основе собранных сведений Аксаков разделил читателей «Мертвых душ» на три группы.

Первая группа, к которой принадлежали поклонники Гоголя (прежде всего образованная прогрессивная молодежь), встретила «Мертвые души» с восторгом. В числе пламенных почитателей был, например, ссыльный поэт-революционер Т. Г. Шевченко. Он благоговел перед Гоголем и считал «Мертвые души» «бессмертным творением».

Вторую группу Аксаков назвал «людьми озадаченными». Они привыкли видеть в Гоголе веселого сатирического писателя и не могли сразу распознать глубины и значения его поэмы. Третья группа читателей состояла, по мнению Аксакова, из недоброжелателей Гоголя, которых раздражала убийственная гоголевская сатира.

На различные оценки современников поэмы Гоголя оказала свое воздействие та идейная борьба, которая происходила в московском обществе в начале 40-х годов.

Борьбу за «Мертвые души», за гоголевское обличительное направление в русской литературе возглавил В. Г. Белинский. «...Как всякое глубокое создание «Мертвые души» не раскрываются вполне с первого чтения даже для людей мыслящих; читая их во второй раз, точно читаешь новое, никогда не виданное произведение. «Мертвые души» требуют изучения», — писал Белинский.

В 1830-е годы Белинский был близок к семье Аксаковых. Его ввел в семью старший сын С. Т. Аксакова Константин Сергеевич. В. Г. Белинский начал в то время печататься в журнале «Телескоп» и газете «Молва», которые редактировал приятель С. Т. Аксакова Н. И. Надеждин. Аксаков тоже публиковался в них. Таким образом, он познакомился с Белинским

не только как с приятелем сына, но и как с молодым талантливым критиком.

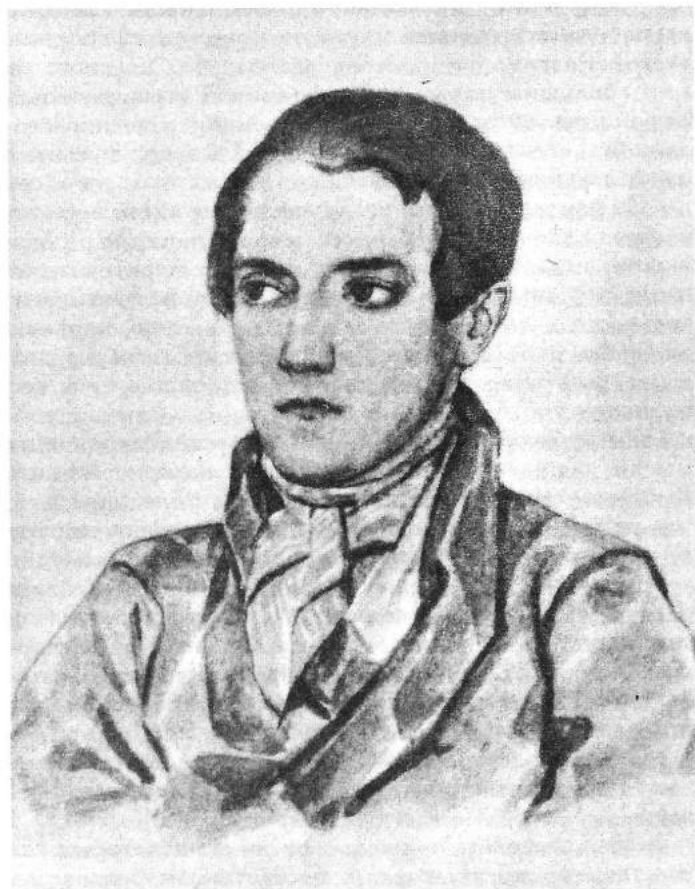
Мы уже знаем, как восторженно был встречен Аксаковым и всем его семейством «Ревизор» Гоголя. Оценка Аксакова приближалась к оценке Белинского. Великий критик первый выступил в защиту Гоголя и сказал во всеуслышание о том, что «Гоголь великий талант, гениальный поэт и первый писатель современной России».

Белинский уже в первой рецензии, опубликованной в «Молве» в 1836 году, характеризовал появление «Ревизора» как начало «подлинно русского национального театра». Он считал комедию «гениальным созданием», «великим произведением драматического гения».

В 1836 году были закрыты «Телескоп» и «Молва». Белинский потерял работу и находился в крайне затруднительном положении. Помог ему С. Т. Аксаков. Благодаря его хлопотам Белинский был взят преподавателем в Межевой институт.

С переездом Белинского в Петербург в конце 30-х годов дружеские отношения между С. Т. Аксаковым и Белинским сохранились. Об этом свидетельствует хотя бы письмо С. Т. Аксакова к жене из Петербурга: «Вчера заходил ко мне Белинский, но не застал дома. Очень хочется с ним отвести душу и поговорить, языком понятным для нас! Я не могу выучиться здешнему пошлomu разговору, особенно относительно искусства».

В первой же статье о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или «Мертвые души» Белинский сказал о неслыханном успехе «Мертвых душ». Он объяснил это тем, что Гоголь «первый взглянул смело и прямо

В. Г. Белинский. Акварель К. А. Горбунова. 1838.

на русскую действительность», или, иными словами, не побоялся высказать суровую правду о крепостнической России.

С большим подъемом и подлинной страстью говорит критик об огромном общественном значении созданной Гоголем поэмы, появившейся «вдруг словно освежительный блеск молнии...».

Он увидел в поэме Гоголя «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдерживающее покров с действительности и дышащее страстью, нервистою, кровною любовью к плодovитому зерну русской жизни; творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта — и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...». Вместе с тем Белинский нашел нужным предупредить, что не все читатели и не сразу смогут оценить поэму Гоголя, потому что она в определенном смысле не традиционна, то есть непохожа на произведения, где «действующие лица, полюбили, разлучились, а потом женились и стали богаты и счастливы». Новаторство Гоголя Белинский видел в реалистическом методе постижения жизни, в раскрытии «действительности как она есть», в сатирическом начале.

И вместе с тем критик уже в первом томе «Мертвых душ» почувствовал то, что вызвало у него тревогу.

«Мы говорим, — писал он, — о некоторых, к счастью, немногих, хотя, к несчастью, и резких местах, где автор слишком легко судит о национальности чуждых племен и не слишком скромно преда-

ется мечтам о превосходстве славянского племени над ними... Мы думаем, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, уметь уважать достоинство и в других...»

Критик говорит здесь и по поводу высказываний Гоголя о будущих положительных героях своей книги. Так, в одиннадцатой главе первого тома «Мертвых душ» Гоголь писал: «...может быть, в сей же самой повести почувются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения. И мертвыми покажутся перед ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга перед живым словом!».

Белинского, естественно, тревожили подобные заявления Гоголя относительно дальнейшего развития своей поэмы. Тем более что он видел в них нечто общее со славянофильством и, в частности, с тем толкованием «Мертвых душ», которого придерживался тогда Константин Сергеевич Аксаков.

Если в 1830-е годы Константин Сергеевич Аксаков ставил Гоголя выше всех современных писателей и в этом был солидарен и с Белинским, и с С. Т. Аксаковым, то в начале 1840-х годов отношение К. С. Аксакова к творчеству Гоголя меняется.

Обусловлено это тем, что Белинский и Аксаковы находились уже в это время в разных борющихся друг с другом станах. У К. С. Аксакова с Белинским возникла по поводу «Мертвых душ» полемика, которая вскоре приняла весьма острую форму.

К. С. Аксаков выступил с брошюрой «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или «Мертвые души». Как и другие славянофилы, он не мог признать и принять сатирическое отношение Гоголя к русской действительности. Более того, вопреки разоблачительному пафосу Гоголя К. С. Аксаков находил в поэме примиряющее, успокаивающее содержание, гармонию, которая заставляет вспомнить бессмертную «Илиаду» Гомера. По представлению К. С. Аксакова, даже Манилов должен был вызывать у читателей участие и симпатию. Не опровергая, как это делали реакционные критики, достоверности образов и картин, созданных Гоголем, К. С. Аксаков прилагает все усилия к тому, чтобы найти в них примиряющее, положительное «начало».

Брошюра Константина Сергеевича была встречена неодобрительно даже такими близкими знакомыми Аксаковых, как М. П. Погодин и С. П. Шевырев. Погодин отказался ее публиковать в своем журнале «Москвитянин», а С. П. Шевырев впоследствии писал: «Всеобщий хохот читавших брошюру Константина Аксакова, даже его стороны, был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в «Отечественных записках» сказал ему дело».

В письме Гоголя к К. С. Аксакову от 29 ноября 1842 года слышна ирония по адресу автора брошюры, мысли которого, как язвительно замечает Гоголь, еще не созрели, «еще ребенки».

По мнению Белинского, К. С. Аксаков не понял главного в «Мертвых душах», а именно, что Гоголь писал свою книгу, «озирая всю громадно несущуюся жизнь... сквозь видимый миру смех и незримые, не-

ведомые ему слезы». В связи с этим Белинский резко высмеивал идеализацию Манилова: «Напрасно также автор брошюры вздумал смотреть с участием на глупую и сентиментальную размазю Манилова... Признаемся, мы читали его со смехом, без всякого участия к личности Манилова».

Белинский считал, что ошибкой К. С. Аксакова было игнорирование сатирической основы поэмы Гоголя. Он не оценил разящей, разоблачающей силы гоголевского смеха, с помощью которого Гоголь сказал людям страшную и горькую правду об их жизни. Этим он сводил на нет огромное общественное значение поэмы. Критик не принимал антиисторического сближения К. Аксаковым «Мертвых душ» с гомеровской «Илиадой», в которой, по его мнению, жизнь подымается и возвеличивается, тогда как у Гоголя она критикуется и разоблачается.

По мнению Белинского, «Мертвые души» «и без всяких сопоставлений с «Илиадой» имеют великое достоинство».

Эта полемика развернулась и углубилась. В статье «Объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души», напечатанной в «Москвитянине», К. С. Аксаков ответил на критику Белинского; последний снова возразил ему в журнале «Отечественные записки». Разъясняя огромное общественное значение поэмы Гоголя, Белинский писал: «Древний эллинский эпос мог существовать только для древних эллинов, как выражение их жизни, их содержания в их форме. Для мира же нового его нечего было и воскрешать. Ибо у мира нового есть своя жизнь, свое содержание и своя форма, следовательно, и свой эпос». Белинский видит «черту гениальности Гоголя в том, что

художническая деятельность Гоголя верна действительности».

На первых порах глубокое уважение и глубокая любовь к сыну помешали С. Т. Аксакову правильно оценить его брошюру о «Мертвых душах».

В «Истории моего знакомства с Гоголем» Аксаков рассказывает, что в момент выхода брошюры он был ее сторонником.

Но хотя даже Гоголю С. Т. Аксаков писал после выхода в свет брошюры своего сына: «...он понял вас более меня» и торжественно признавал «превосходство эстетического чувства в моем Константине», — тем не менее сам он понимал книгу Гоголя иначе, нежели его сын. В противоположность сыну С. Т. Аксаков не усматривал в искусстве Гоголя примиряющего с жизнью начала.

Несмотря на то что С. Т. Аксаков во многом сочувствовал настроениям славянофилов, говорить о славянофильстве С. Т. Аксакова можно лишь с очень большой оговоркой. Он был далек от их догматических позиций и не случайно называл себя человеком «веротерпимым», «совершенно чуждым всех исключительных направлений».

Как и все «истинные ценители таланта Гоголя», С. Т. Аксаков горел желанием увидеть результаты дальнейших трудов писателя. «Прочту ли я остальные части «Чичикова»? — спрашивает он в письме Гоголя. — Доживу ли я до этого счастья? Кроме моего семейства у меня нет другого столь высокого интереса в остальном течении моей жизни, как желание и надежда прочесть два тома «Мертвых душ».

Но вскоре Аксаков перестал надеяться на это. «Второму тому я не верю, — писал он сыну Ивану

3 апреля 1847 года, — или его не будет, или будет дрянь. Добродетельные люди — не предмет для искусства. Это задача неисполнимая».

Мысли С. Т. Аксакова очень близки к высказываниям по этому же поводу Белинского, который, возражая К. Аксакову, писал: «Кто знает, впрочем, как раскроется содержание «Мертвых душ»? Именно, кто знает? Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете».

Аксаков, который, по словам Н. Г. Чернышевского, лучше всех других людей знал Гоголя, внимательно вглядывался в его душевную жизнь, глубоко понимал ее. На страницах аксаковских воспоминаний мы встречаемся с Гоголем и в период наивысшего взлета его творчества, когда писатель чувствовал в себе «львиные силы», и в то кризисное время, когда Гоголь начал глубоко сомневаться в правильности избранного им пути.

Раньше многих других Аксаков почувствовал приближение душевной драмы Гоголя.

Еще во время чтения последних пяти глав первого тома «Мертвых душ» в 1841 году в доме Погодина, когда Гоголь просил присутствующих Погодина, К. Аксакова, С. Т. Аксакова держать все в тайне, обратила на себя внимание болезненная реакция Гоголя на слова Погодина о том, что в романе «Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым, и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате уроды». По словам С. Т. Аксакова, Гоголь был потрясен созданной им картиной того «колоссального здания, наполнявшегося болезненными явлениями...

общественной жизни», которое «мало-помалу» составилось из «незначущего сюжета», и уже тогда стал мечтать об «исходе», о примирении с действительностью.

С. Т. Аксаков напряженно искал причины, приведшие Гоголя к кризису. Одну из них он видел в гибели Пушкина, который был для Гоголя и учителем и единственным непререкаемым авторитетом.

В своей книге С. Т. Аксаков писал: «В 1837 году погиб Пушкин. Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была эта потеря. Гоголь сделался болен и духом, и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была единственная причина всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов».

Ощущая очень остро горечь утраты, С. Т. Аксаков несколько преувеличил значение гибели Пушкина в трагедии Гоголя-писателя. Вряд ли кто-нибудь мог бы помочь Гоголю преодолеть конфликт с обществом «уродов», разрушительное для него сознание невозможности изменить несправедливый порядок вещей.

Уже в 1841 году Аксаков разглядел начало глубоких перемен в Гоголе: «Он стал худ, бледен, и тихая покорность воле божией была в каждом его слове: гастрономического направления и прежней проказливости как будто не бывало, лишь иногда, очевидно без намерения, слышался юмор и природный его комизм».

Петербург. Невский проспект. Литография Дюрана и Раффе. 40-е годы XIX в.

«Прежняя проказливость» Гоголя, о которой с таким увлечением и радостью рассказывал Аксаков раньше, приняла в этот период какие-то болезненные формы. Так, например, рассказывает Аксаков, Гоголь однажды по дороге из Петербурга в Москву трое суток дурачил рассказами о своем сиротстве и неудачливости некоего Петра Ивановича Пейкера, знакомого Аксакова, и почему-то называл себя при этом не Гоголем, а Гогелем...

Вспоминает Аксаков и о неожиданном для всех инциденте между Гоголем и их общим приятелем Л. М. Княжевичем. Когда Княжевич приехал к Аксаковым при Гоголе, последний неслучайно юркнул в кабинет и убежал из дома. На следующий день повторилась та же история. На третий день Гоголь выбежал к гостю, протянув ему обе руки, обнял Княжевича, и началась дружеская беседа приятелей.

Но больше, чем такие странности, волновал Аксакова растущий религиозный фанатизм Гоголя, его постоянные ссылки на священное писание, проповеднический тон, который появился у Гоголя в общении с друзьями. Не раз Аксаков в своих воспоминаниях рисовал портрет Гоголя. И вот еще один: «Вдруг входит Гоголь с образом спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал...». Гоголь объявил, что едет «ко гробу господню».

Поиск идеальных героев повел Гоголя по пути отказа от того, что было сильным в его творчестве. Стремление к примирению с действительностью охватило его с такой силой, что он явился в печати со статьями, в которых пытался придать иное толкование своим разоблачительным произведениям. Статьи

его — «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», «Развязка «Ревизора» — обозначили начало того страшного кризиса мировоззрения, который привел писателя к созданию «Выбранных мест из переписки с друзьями».

26 августа 1846 года Аксаков писал сыну Ивану Сергеевичу: «Мы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: «Отрывки из писем, или Переписка с друзьями» (название хорошенько не помню)... Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение «Мертвых душ»; объявляет, что едет в Иерусалим и делает какое-то завещание России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говорит об этом никому ни слова... Увы! исполняется мое давнишнее опасение! религиозная восторженность убила великого художника и даже делает его сумасшедшим. Это истинное несчастье, истинное горе...».

Уже 28 ноября С. Т. Аксаков сообщил сыну, что написал и отправил П. А. Плетневу «сильный протест», в котором требовал не выпускать в свет новой книги Гоголя, «ибо все это с начала и до конца чужь, дичь и нелепость, и если будет обнародовано, сделает Гоголя посмешищем всей России... я предлагаю Плетневу, — писал он в этом же письме, — отказаться от исполнения его (Гоголя. — Э. В.) поручения. Пусть он находит себе других палачей».

Однако Плетнев не послушал его. Книга вышла. Началась горячая и взволнованная борьба Аксакова за Гоголя, которая нашла свое отражение в его

откровенных и негодующих письмах к самому Гоголю. Искренне и прямо, не боясь потерять его дружбу, он высказывает писателю свое глубокое возмущение по поводу его статей и книги «Выбранные места из переписки с друзьями». «Уже давно начало не нравиться мне ваше религиозное направление... Пятый год душа моя наполняется этими чувствами и убеждениями, и, наконец, переполнилась мера... ваше новое направление развивалось и росло. Опасения мои возобновились с большей силой: каждое ваше письмо подтверждало их. Вместо прежних дружеских, теплых излияний начали появляться наставления проповедника, таинственные, иногда пророческие, всегда холодные и, что всего хуже, полные гордыни в рубище смирения...»

Аксаков с горечью пишет Гоголю, что многие истинные его друзья «пришли в неописанный ужас», что теперь торжествуют враги Гоголя, а такие, как барон Брамбеус (Сенковский), поторопились громогласно объявить, что «новый Гомер впал в мистицизм».

Тревогой и заботой о Гоголе проникнуты строки письма Аксакова к сыну Ивану Сергеевичу 16 января 1846 года; больной, почти потерявший зрение, он писал: «Обстоятельства переменятся. Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его... Книга его может быть вредна многим... Вся его книга проникнута лестью и страшной гордостью под личиной смирения. Он льстит женщине, ее красоте, ее прелестям; он льстит Жуковскому, он льстит власти. Он не устыдился напечатать, что нигде нельзя говорить так свободно правду, как у нас. Может ли быть безумнее гордость, как требование, чтобы, по смерти его, его завещание было немедленно напеча-

но во всех журналах, газетах и ведомостях, дабы никто не мог отговориться неведением оного? Чтобы не ставили ему памятника, а чтоб каждый вместо того сделался лучшим...».

Семья С. Т. Аксакова разделяла негодование главы дома по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Так, Константин Аксаков очень определенно высказал свою оценку в письме Н. В. Гоголю. Он писал в мае 1848 года: «...укажу еще на великий проступок ваш: на презрение к народу, к русскому простому народу, к крестьянину». «В вашей книге, — утверждал К. С. Аксаков, — помещик поставлен выше как помещик и в нравственном отношении. Странная нравственная аристократия; странное основание духовного достоинства; недостает, чтобы вы сказали, что вот, у кого больше душ, выше в нравственном отношении. Вот великая вина: ... презрение к народу...».

Подобные мысли высказывала и Вера Сергеевна, дочь С. Т. Аксакова, в письме к двоюродной сестре Машеньке Карташевской: «...ты... вероятно была поражена словами о царе, но я убеждена, что это вытекает из его религиозных взглядов...».

В своем гневном протесте против новых воззрений Гоголя С. Т. Аксаков сближается с Белинским, который в своем известном письме Гоголю из Зальцбруна писал: «...нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель».

С болью и горечью критик восклицал: «Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, — продолжал он, — который издали, при появлении ее

все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п.), и литературные... от Вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом...».

Совершенно справедливо Белинский упрекал Гоголя в том, что он из своего «прекрасного далека» не заметил, что «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме... а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности...».

Он выносит свой приговор Гоголю, исходя из широких задач прогрессивных преобразований России. «И в это-то время, — говорит критик, — великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давший ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, — является с книгою, в которой, во имя Христа и церкви, учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их «неумытыми рылами!» С негодованием называет Белинский Гоголя «проповедником кнута», «апостолом невежества», «поборником мракобесия» и «панегиристом татарских нравов».

Сила революционных разоблачений Гоголя Белинским была высоко оценена В. И. Лениным. В своей работе «Из прошлого рабочей печати в России» он писал: «Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

Таким образом, как мы видим, в период выхода книги Гоголя «Выбранные места из переписки

Н. В. Гоголь. Рисунок Э. Дмитриева-Мамонова. Март, 1852.

с друзьями» С. Т. Аксаков проявил себя как истинный друг и ценитель Гоголя-обличителя, создателя «Ревизора» и «Мертвых душ». Его взволнованные слова звучали в унисон с разоблачениями «неистового Виссариона».

21 февраля 1852 года умер Гоголь. Один из современников вспоминал: «Кого это хоронят? — спросил прохожий, встретивший погребальное шествие. — Неужели это все родные покойника?» — «Хоронят Гоголя, — ответил один из молодых студентов, шедший за гробом, — и все мы его кровные родные, да еще с нами вся Россия».

С. Т. Аксаков узнал о смерти писателя в Абрамцеве. Он отозвался на нее письмами сыновьям, своей любимой племяннице Машеньке Карташевской и предназначенным для издания в «Московских ведомостях» «Письмом к друзьям Гоголя». Машеньке Карташевской Аксаков писал: «Вот, милая Машенька, что случилось с нами: Гоголь умер... страшные слова! Умереть-то ему нельзя, потому что он вошел в жизнь нашу...».

26 февраля под влиянием всего пережитого И. С. Аксаков писал в Петербург И. С. Тургеневу:

«Вчера мы похоронили Гоголя. Точно будто хоронил самого себя; знаю, что Вы испытываете то же самое чувство, и потому мне захотелось писать к Вам. Какое тяжкое чувство сиротства овладело всеми, для которых в Гоголе заключалась вся надежда, все утешение, единственная светлая точка в России. Теперь все лопнуло. Надо начать жить без Гоголя! Он изнемог под тяжестью неразрешимой задачи, от тщетных усилий найти примирение и светлую сторону там, где ни то, ни другое невозможно, — в обществе.

Двенадцать лет трудился он над этой задачей, двенадцать лет писал он второй том «М[ертвых] д[уш]», писал, переписывал, переделывал и все не считал оконченным, ни разу не мог удовлетвориться. И вот он сам сжигает их, и сжегши, умирает. Все это полно страшного, огромного смысла. Вся мученическая, художественная деятельность Гоголя, все его существование, писание «Мертвых душ», сожжение их и смерть — все это составляет такое огромное историческое событие, с таким необъятным значением, от которого дух захватывает».

В переписке Аксаковых с Тургеневым хорошо выразилось тяжкое чувство сиротства, овладевшее всеми лучшими людьми России со смертью Гоголя.

И. С. Тургенев. Фотография Тиссье.

АКСАКОВ
и
ТУРГЕНЕВ

*«Увидеть вас в Абрамцеве будет
для меня утешением»*

Знакомство с С. Т. Аксаковым и его сыновьями оставило заметный след в творчестве Тургенева. О своем общении с семейством Аксаковых, литературных и идейных спорах с ними Тургенев собирался рассказать в очерке «Семейство Аксаковых и славянофилы». Этот очерк был начат в 1869 году. О том, какое большое значение придавал ему Тургенев, свидетельствуют неоднократные упоминания о нем в письмах как о лучшем отрывке из задуманных им «Литературных и житейских воспоминаний». Но Тургеневу так и не удалось закончить его.

«С Константином Сергеевичем Аксаковым я познакомился в Москве, зимою 1841 года. Я только что вернулся из Берлина и был весь, так сказать, пропитан философией Гегеля... В Москве существовало тогда несколько домов, в которых чуть не каждый вечер происходили словесные препирания... о предметах отвлеченных и философских, и политических», — рассказывал Тургенев.

Очерк остался незавершенным по многим причинам. Одна из них заключалась в сложности отношения Тургенева к славянофильским настроениям семьи Аксаковых. Тургенев очень заботился, чтобы факт размежевания со славянофилами был отмечен в его биографии. Когда П. Н. Полевой решил во втором издании своей «Истории русской литературы...» дать биографию Тургенева, то писатель посоветовал вставить в нее следующие строки: «Тургенев в 1841 г.

вернулся не прямо в Петербург, а сперва в Москву, где жила его мать, — и где он познакомился со славянофилами: Аксаковым, Хомяковым, Киреевским. Тогда славянофильство только что зарождалось, но Тургенев уже тогда отнесся к нему отрицательно».

Однако отношение к славянофильству и славянофилам у Тургенева было не столь однолинейным. На разных этапах его жизни, в зависимости от исторической обстановки и поисков собственной творческой манеры, можно проследить различную степень «схождения» и «расхождения» с ними.

Сближение между Тургеневым и семейством Аксаковых произошло в 1850 году, когда Тургенев стал бывать в доме Сергея Тимофеевича Аксакова. Старший из сыновей, Константин Сергеевич, жил тогда с отцом. Зиму они проводили в Москве, лето — в усадьбе Абрамцево. Младший сын С. Т. Аксакова, Иван Сергеевич, служил в Ярославле и временами приезжал в Москву. Тургенев был к этому времени хорошо известен как поэт, автор многих лирических стихотворений, поэм «Параша», «Андрей», «Разговор», «Помещик». Поэмы Тургенева отметил Белинский как значительное общественное явление. В авторе «Параша» он находил, «...кроме дара творчества, сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его».

Творчество Тургенева к моменту знакомства с семейством Аксаковых уже успело оказать свое воздействие на современников, хотя замечено это было гораздо позже. Не только в поэзии, но и в драматических и написанных к этому времени прозаических произведениях Тургенев отразил различные ситуации, возникающие из столкновения с действитель-

Вечерний луг. Спасское-Лутовиново.

ностью мечтателя-«скитальца» и «лишнего человека». Близкий знакомый Тургенева, человек наблюдательный и правдивый, П. В. Анненков, не случайно писал, что наибольшую популярность принесли Тургеневу «Записки охотника», вышедшие в 1852 году, а связь их с предшествовавшим творчеством писателя была уловлена далеко не сразу.

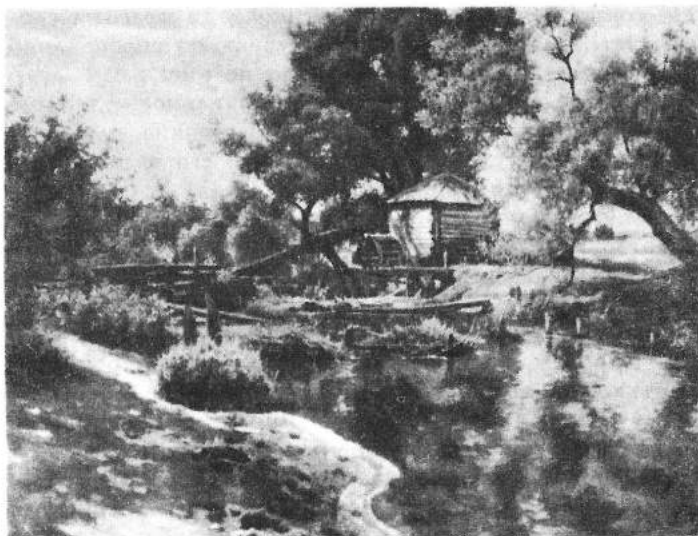
«На виду стояли «Записки охотника», — писал Анненков, — а за ними теплились малыми, мелькающими огоньками повести, где уже сказывались первые проблески воззрений Тургенева».

И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова сближали любовь к природе, литературе, театру. Они делились своими впечатлениями от прочитанного, литературны-

ми замыслами, поддерживали друг друга в творческих начинаниях. Их волновало будущее России, народа, литературы. Трудная судьба талантливого писателя в России вызывала в них участие. Аксаков был старше Тургенева, он уже завершал свой жизненный путь (это было последнее десятилетие его жизни). Тургенев же в период знакомства с Аксаковым был занят поисками «новой манеры», приступал к созданию произведений большой эпической формы. Тургенев по убеждениям был западником, Аксаков тяготел к славянофильским воззрениям. И все же это не мешало Аксакову любить Тургенева и как писателя, и как человека, а Тургеневу — ценить мнение Аксакова о своих произведениях, прислушиваться к его советам. «Я не нахожу слов благодарить вас за обещание доставлять мне все, что вы вновь напишете; я буду теперь постоянно в приятном ожидании», — писал Аксаков вскоре после их знакомства. Аксаков со вниманием следил за развитием таланта Тургенева, за его работой над созданием большой повести или романа: «...благодарю вас за обещание доставить мне вашу новую повесть. Вы, без сомнения, идете вперед, и всякий ваш шаг возбуждает во мне полный интерес, к какому я только способен».

Переписка Аксакова и Тургенева отмечена ярко выраженным чувством дружеского взаимопонимания. Она в своем роде образец эпистолярного жанра. Каждое письмо одного писателя к другому — своеобразная миниатюра в прозе, написанная великолепным слогом, часто имеющая свой сюжет, с характерными для каждого писателя образами, картинками, эмоциями.

С. Т. Аксаков рассказывает Тургеневу о своем времяпрепровождении как человеку, который его хо-

Заброшенная мельница в окрестностях Спасского-Лутовинова.

рошо понимает и разделяет его радость общения с природой:

«Совестно и приятно мне получить письмо ваше, любезнейший Иван Сергеевич, от 29-го июня и 6-го июля! Совестно — потому что я не отвечал еще вам на письмо ваше 5-го июля... Я, кажется, писал вам, что летом голова моя бывает в отпуску, и сам я бываю похож на школьника, который уехал в деревню на вакацию, все забыл, что твердил целый год, боится взглянуть на книгу и на чернильницу с пером, и целый день бегает с удочкой, за ягодами, за грибами.

Не сочтите, что все это написано ради красоты слова. Нет! Слава богу, все это буквально справедливо и объясняет, почему я так давно не писал вам...»

«...Лето у нас стоит очаровательное — теплое, дождливое и не очень ветреное, а тишина для меня всего дороже. Отчего вы называете его неестественным и погоду неприятною?»

«...И у нас зелень свежа и великолепна. Черемуха, в которую я почти влюблен, уже отцвела, но синель, воздушный жасмин и все цветущие кусты еще не распускались. Северный ветер мешает мне удить, а дождь и прохладная атмосфера меня бы не удержали. Впрочем, одевшись по-зимнему и прикрывшись зонтиком от ветра, я всякий день сажу где-нибудь на берегу Вори¹; рыбы ловлю много, но некрупной. Картина вечера написана вами прекрасно, и, по крайней мере, мне вы передали ее словами вполне... Пишите роман: я многого от вас ожидаю. Крепко вас обнимаю, ваш душой С. Аксаков».

С. Т. Аксаков делился с Тургеневым не только радостями, но и огорчениями, связанными с печатанием своих произведений, и прежде всего «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии». Тургеневу очень нравилась эта книга, и он сообщил С. Т. Аксакову, что напишет на нее рецензию. С. Т. Аксаков живо откликнулся: «Очень благодарю вас за рецензию на мою книгу и стану с нетерпением ждать ее в ноябрьской книжке Современника. Никогда не думал я, чтобы мой смиренный труд, доставивший мне много удовольствия в кабинете, во время самой работы, доставил мне столько утешительных

¹ Название реки.

отзывов, в числе которых я ценю выше всех, без сомнения, ваши. Цензура не пропустила ко второму изданию эпиграфа из моего послания к Дмитриеву: говоря о невзгодах старости, я заключаю послание следующими стихами:

Есть однако утешитель
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой...
Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои молодые годы!»

Особенно сблизился Тургенев с Аксаковым в период своей ссылки в село Спасское в 1852 году, когда вышли в свет проникнутые горячим сочувствием к закрепощенному народу «Записки охотника». В это время Тургенев с удовольствием читает произведения С. Т. Аксакова и пишет его сыну Ивану Сергеевичу: «Книга вашего отца («Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». — Э. В.) привела меня в совершенный восторг». С. Т. Аксаков отзывается теплыми, полными сочувствия письмами: «Ваше участие в моих «Охотничьих записках» и одобрительные слова для меня дороже всех других, и не мудрено: вы соединяете в себе ценителя по литературной и охотничьей части».

Тургенев пишет рецензию на книгу С. Т. Аксакова, которая появляется на страницах «Современника» в 1853 году. «И что за прелесть эта книга! сколько в ней свежести, грации, наблюдательности, понимания

и любви природы!...» — писал он. «Он (Аксаков) смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием; он не мудрит, не хитрит, не подкладывает ей посторонних намерений и целей: он наблюдает умно, добросовестно и тонко; он только хочет узнать, увидеть. А перед таким взором природа раскрывается и дает ему «заглянуть» в себя». Книга С. Т. Аксакова помогла Тургеневу сформулировать очень важную для «натуральной школы» эстетическую концепцию об изображении природы в литературе. Принципиальный противник так называемой «ложно-величавой» (ложноромантической) школы, Тургенев отстаивал отношение к природе как к самостоятельному, объективно существующему миру. Тургеневу были чужды такие описания природы, в которых «попадают» сравнения с человеческими душевными движениями («и весь невредимый хохочет утес» и тому подобное), либо простая и ясная передача внешних явлений заменяется рассуждениями по их поводу». Он ценил точное видение и реалистическое описание.

Однако одно место статьи о свободной творческой силе природы, которая вольна и создавать, и разрушать, цензура исключила. Между тем эти ненапечатанные строки были важны для эстетических воззрений Тургенева. В них заключался зародыш его будущей философии природы, которую он развил позднее в повестях «Поездка в Полесье», «Довольно», в романах и в стихотворениях в прозе. Исключенные цензурой строки Тургенев воспроизвел С. Т. Аксакову в письме.

С. Т. Аксаков в Абрамцево. Рисунок Э. Дмитриева-Мамонова. 1854.

С. Т. Аксаков был искренен в своем отношении к Тургеневу и не боялся сказать ему о том, что вызывало его сомнение или казалось ему не совсем верным:

«Наконец я дождался первого номера Современника и с жадностью прочел статью вашу, любезнейший Иван Сергеевич! Благодарю вас от искреннего сердца! Не нужно говорить, как было мне приятно

и утешительно читать ваши лестные отзывы. Похвал слишком много, и слова ваши, что *ничего критиковать*, слишком снисходительны. Это я знаю сам. Но я прочел всю статью вашу с истинным наслаждением, независимо от тех мест, где вы обращаетесь прямо к моим «Запискам». Как я хорошо сделал, что уклонился от описания технической части охоты! В настоящее время я совершенный невежда в ней. Вы сказали мне много нового и любопытного, о чем я даже и не слыхивал. В вашем воззрении на природу и на отношения к ней писателя, подтвержденном образцами великих художников, столько истины, что она, я уверен, осветит, уяснит этот высокий предмет, темло понимаемый иными, даже талантливыми описателями природы! Особенно благодарю я вас за то, что вы обратили внимание на мою книгу г. г. естествоиспытателей, которым могли бы быть полезны мои добросовестные наблюдения, хотя они не всегда полны и часто одно-сторонни...

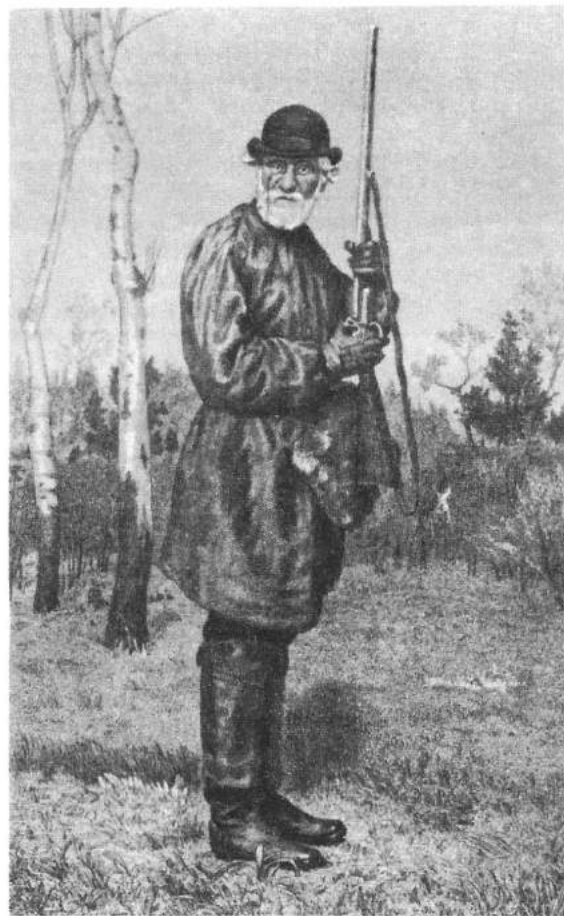
Если вы меня спросите: удовлетворила ли вполне статья ваша всем моим ожиданиям (заметьте: собственно лично моим), то я скажу вам, что я ожидал и желал чего-то другого. А именно: ваше письмо к издателю Современника — не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. ...Потом я ожидал менее похвал, но зато ожидал беспристрастного суда и справедливых суждений; я надеялся более серьезного тона, особенно в отношении к языку и слогу. Наконец, говоря о Пушкине и Шекспире, приведя из них даже образцы, вы (разумеется, без всякого намерения) задавили, так сказать, огромными их личностями мою мелкую персону!.. в нашей дружбе искренность необходима...»

Теплые отношения сохранились у И. С. Тургенева с С. Т. Аксаковым в течение всего периода их знакомства. Тургенев, как и Аксаков, был страстным охотником и, как он, любил наблюдать и изучать естественную жизнь природы во всех ее проявлениях. Чувствуется глубокое взаимопонимание писателей, сообщающих друг другу о своих наблюдениях над природой: «Я только третьего дня вернулся с поездки за 150 верст отсюда, любезный Сергей Тимофеевич, — пишет Тургенев, — и нашел здесь Ваше письмо. Я ездил стрелять дупелей в выводных болотах, лежащих между лесами вдоль берегов Десны. Я немного опоздал — самки уже сели на яйца — а самцы уже начали разлетаться и точки прекратились. Однако мы на три ружья убили в три поля 150 штук красной дичи — на мою долю пришлось 41. Молодая моя собака меня очень радовала — и места великолепные. К сожалению, погода нам не благоприятствовала — холода стояли пренеприятные, а в последние дни дождик лил почти постоянно. На будущую весну, если бог даст, я заберусь туда гораздо раньше». Эта внутренняя близость писателей придавала творческий характер их литературному общению. Они ценили друг в друге талант, любовь к литературе, и в их неторопливых беседах и размышлениях рождались образы и картины, которые позднее появлялись на страницах их сочинений. «Я горжусь тем, что я отчасти был причиною скорейшего напечатания Ваших «Записок»¹, — писал Тургенев.

¹ Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

Стоило Тургеневу «прожить» в своем общении со старшим другом что-то особенное в природе, как возникали описания, настолько искренние, яркие и точные, что писатель, не переделывая их (редкий случай!), включал в роман. Так появилось начало одиннадцатой главы романа «Отцы и дети», которое родилось в письме к С. Т. Аксакову, задолго до написания всего романа. «Я не помню такой свежей и юной зелени. Все ликует — другого слова употребить нельзя, — писал Тургенев Аксакову. — Вчера мы ходили вдоль осинового леса со стороны тени, вечером; солнечные лучи забирались с своей стороны в глубь леса и обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела — и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Эта картина была удивительна — ее словами передать невозможно...» Описание со слов «солнечные лучи», кончая словами «обрумяненное зарей», Тургенев перенес в роман «Отцы и дети».

Тургенева и Аксакова роднило отношение к природе как к живому существу. Это делало их общение особенно плодотворным. «Я еще не успел отвечать на Ваше письмо, любезный Сергей Тимофеевич, — писал Тургенев, — как уже получил от Вас другое — и потому тотчас берусь за перо, чтобы не остаться в долгу перед Вами и Вашими сыновьями. Впрочем, я на этот раз хочу Вам сказать только несколько слов. Я очень рад, что мой отзыв о Вашей статье в «Москвитянине» доставил Вам удовольствие — и мне приятно думать, что я был отчасти причиной возбуждения у Вас литературной деятельности». Аксаков не замедлил ответом: «Все, что Вы пишете о способах

И. С. Тургенев на охоте. Гравюра И. П. Пожалостина.

Окрестности Спасского-Лутовинова.

описывания природы в Вашей статье, помещенной в первом номере «Современника», вполне справедливо, выражено чрезвычайно метко и удачно и мне совершенно по сердцу».

Однако Аксаков находил, что Тургеневу еще «следовало бы распространиться о том современном мастерстве описания природы, которое... похоже на дагерротипный снимок и производит неприятное впечатление». Тургенев живо откликнулся: «Я очень понимаю, почему Вы не совсем довольны моей статьей — я увлекся несколько в сторону от Вашей книги — но я не предвидел, что цензура так немилосердно поступит со мной».

Тургенев высоко ценил не только «Записки ружейного охотника», но и театральные воспоминания С. Т. Аксакова. «Это просто прелесть, — писал он, — а что касается до слога, мы все у вас должны учиться».

С. Т. Аксаков с нетерпением ожидал появления каждого нового произведения Тургенева: «Вы сами можете себе представить, как я ожидаю этого праздника себе! Кроме наслаждения художественного, которое я непременно в нем найду, меня в высшей степени интересует движение вашей собственной мысли».

«...А весной как мы будем спорить!»

Поклонитесь от меня всему вашему семейству, супруге Вашей и Константину Сергеевичу и Ивану Сергеевичу в особенности. Пусть мне Константин Сергеевич напишет письмо — я ему отвечу немедленно... Я очень люблю спорить с ним, потому что, несмотря на наш крик и жар, дружелюбная улыбка не сходит у нас с души и чувствуется в каждом слове. А с иным во всем соглашаешься и спорить не о чем — а между им и тобой целый враг.

И. С. Тургенев

В 1840—1850-е годы славянофилы многое сделали для изучения русской национальной культуры: они собирали песни, легенды, предания, сказки, изучали их, создавали свои произведения в народном духе. Тургенева увлекало это приобщение к народной стихии. Он старался найти приметы народного сознания в песнях и сказаниях, проникнуть в особенности русского национального характера. Но в истолковании

истории Тургенев решительно расходился со славянофилами. Тургенев, сообщая в письмах о том, что он занимается русской историей, русскими древностями, особенно часто спорит с Константином Сергеевичем Аксаковым. Прочитав одну из его статей, Тургенев писал: «Собранные вами факты были для меня интересные и новы, взгляд ваш верен и ясен, но признаюсь вам откровенно — в выводах ваших я согласиться не могу: вы рисуете картину верную и, окончив ее, восклицаете: как это все прекрасно!.. Я никак не могу повторить этого восклицания вслед за вами. Я, кажется, уже сказывал вам, что по моему мнению трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от вас, между тем как самые наши песни громко говорят о ней!».

Славянофилы положительно относились к таким произведениям Тургенева, как «Хорь и Калиныч», и не принимали его рассказов и повестей о «лишних людях», его грустных размышлений о несостоявшемся счастье, о печальной закономерности несчастья, преследующего людей высокой души (повесть «Три встречи» и другие).

Славянофильская точка зрения на творчество Тургенева в отзывах С. Т. Аксакова смягчается широтой и, говоря его словами, «веротерпимостью». Он постоянно поддерживает искания Тургенева на пути создания новой художественной формы.

Его сыновья ценили эпическое начало в прозе Тургенева, но сатирическая и грустно-лирическая тональность художественных произведений Тургенева не соответствовала их идеализации прошлого и надеждам на будущую гармонию, возникающую, по мысли славянофилов, без особых усилий со стороны

Кабинет С. Т. Аксакова в Абрамцеве.

образованного класса, в результате саморазвития нравственного чувства в народе.

Старший сын С. Т. Аксакова Константин выступил в печати с осуждением многих взглядов Тургенева и даже всего направления раннего творчества писателя. В своей рецензии на стихотворный рассказ Тургенева «Помещик» он противопоставлял этому произведению рассказ «Хорь и Калиныч». «Вот, что значит прикоснуться к земле и к народу: вмиг дается сила! Пока г. Тургенев толковал о своих скучных любовях да разных апатиях, о своем эгоизме, — все выходило

вяло и бесталанно; но он прикоснулся к народу, прикоснулся к нему с участием и сочувствием и посмотрите, как хорош его рассказ! Талант, таившийся в сочинителе, скрывавшийся все время, пока он сиделся уверить других и себя в отвлеченных и потому небывалых состояниях души, этот талант вмиг обнаружился, и как сильно и прекрасно, когда заговорил о другом».

Однако если Константин Аксаков относился полемически к основному направлению творчества Тургенева, то младший сын С. Т. Аксакова Иван разделял и неудовлетворенность Тургенева действительностью и боль за страдания закрепощенного народа.

Еще до поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» Иван Аксаков создал в свей поэме «Бродяга» образ «скитальца» из народа, «странника», крестьянина, ушедшего из своих родных мест искать лучшей жизни. Нечего и говорить, что он ее нигде не нашел. В отличие от других славянофилов и своего брата Константина, ценивших в народном характере черты «смирномудрия», Иван Аксаков улавливал «дух вольности» народа. Именно в нем, а не в патриархальном смирении чувствовал он возможность будущих изменений в жизни народа, в истории России. Тургенев одобрил поэму И. Аксакова. «Ваш «Бродяга», любезный Иван Сергеевич, — писал он, — благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы вредит иногда впечатлению. Ваши стихи имеют все качества поэзии, кроме того тонкого, неуловимого — того запаха, которым дышит, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья в наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо вам и за то, что вы нам дали».

Река Воря в Абрамцеве.

К сыновьям С. Т. Аксакова Константину и Ивану Тургенев относится по-разному. «Поклонитесь от меня, — писал он Сергею Тимофеевичу, — вашим детям, которых я люблю, хотя различною любовью. С моим полным соименником я, кажется, мог бы легко весьма тесно сблизиться». Мнение Тургенева об Иване Аксакове как о внутренне близком ему человеке совпало с впечатлением Белинского, который еще в 1846 году писал: «В Калуге столкнулся с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом».

«...Недавно перечел Ваши строки
о смерти Гоголя»

Я один из писателей междуцарствия — эпохи между Гоголем и будущим главою. Мы все разрабатываем в ширину и вразбивку то, что великий талант сжал бы в одно крепкое целое, добытое им из глубины, что же делать! Так нас и судите.

И. С. Тургенев

Как уже говорилось, в 1852 году Тургенев был арестован и выслан на жительство в свое имение Спасское. Поводом к аресту послужила его статья о смерти Гоголя.

В письмах к своим друзьям и Полине Виардо Тургенев писал: «...на меня уже давно смотрят косо...».

Антикрепостнический смысл «Записок охотника» отметил и приветствовал Иван Аксаков. «Отец мой от всей души благодарит вас за вашу книгу, читает ее и, кажется, собирается писать к вам большое письмо. Я сам перечитываю теперь «Записки охотника» и не понимаю, каким образом Львов решился пропустить их. Это стройный ряд нападений, целый батальный огонь против помещичьего быта».

Константин Аксаков не одобрил критической направленности книги Тургенева. В соответствии со своими воззрениями он отмечал в ней «мелочную придирчивость к жизни и ее явлениям».

Арест и ссылка совпали с переходным периодом в творчестве Тургенева. Тургенев мучительно искал

пути к созданию эпического произведения. С. Т. Аксаков, в отличие от своих сыновей одобрительно относившийся к ранним рассказам и повестям Тургенева, постоянно поддерживал его стремление найти возможность соединения лирико-драматического повествования с эпической манерой.

В Спасском Тургенев много читал, делился в письмах к Аксаковым и трудностями и радостями своего опального положения, своими впечатлениями о прочитанных книгах и своими творческими замыслами. «Здесь я пока еще ничего не делаю — вдыхаю целой грудью деревенский воздух — читаю Гоголя — и только. А, сказать между нами, я рад, что высидел месяц в части; мне удалось там взглянуть на русского человека со стороны, которая мне была мало знакома до тех пор», — писал Тургенев Аксаковым из Спасского. «Простота, спокойство, ясность линий, добросовестность работы, та добросовестность, которая дается уверенностью — все это еще пока идеалы, которые только мелькают передо мной. Я оттого между прочим не приступаю до сих пор к исполнению моего романа, все стихи которого давно бродят во мне, что не чувствую в себе ни той светлости, ни той силы, без которых не скажешь ни одного прочного слова».

«...Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойным — ни извне, ни изнутри ему не веет покоем...» — писал Тургенев Константину Аксакову.

Тургенев читал главы из второго тома «Мертвых душ» в 1853 году в Спасском, делился впечатлениями от них с С. Т. Аксаковым: «Доставили мне 3-ю и 5-ю главы «Мертвых душ» (2-й части). 3-я глава,

где Петух и Костанжогло — удивительна, но 5-я с небывалым и невозможным откупщиком Муразовым... Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя — покров на обнажившегося нашего литературного отца».

Оценки второго тома «Мертвых душ» С. Т. Аксакова и Тургенева во многом совпадают. Считая себя учениками и последователями Гоголя, оба писателя в то же время ощущали, что после своего примирения с действительностью Гоголь уже не мог подняться до прежней высоты в своем творчестве. Оба они скорбели об этом, но не хотели, даже не могли скрывать друг от друга своих чувств и мыслей.

Оба они высоко ценили великие творческие заслуги гениального Гоголя и не прощали тем, кто не видел и не понимал их. Живя в это время в холодном официальном Петербурге, где попечитель университета Мусин-Пушкин позволил себе публично назвать Гоголя лакейским писателем, Тургенев чувствовал себя близким к Аксакову уже по одному тому, что последний искренне чтит Гоголя и для него, как и для самого Тургенева, фраза Мусина-Пушкина казалась омерзительной.

«Северная пчела», — писал С. Т. Аксаков Тургеневу, — не подзревает, до какой степени она утешает меня своей бранью. Я боялся ее похвал, как огня. Слава богу, меня ругают в такой газете, где не признают великого таланта Гоголя».

Смерть Гоголя потрясла русских писателей. «Ну, кажется, теперь больше хоронить некого», — сказал нам вчера Грановский. И, действительно, мы похоронили не только последнюю свою славу, — писал И. С. Аксаков И. С. Тургеневу, — но, кажется, и пос-

Гостиная Аксаковых в Абрамцеве.

леднего художника не только для России, но и для целого мира... Гоголь постоянно смотрел на свой труд, как на подвиг; в нем не было двух жизней, и двух лиц отдельных — писателя и человека, члена общества. Когда я присутствовал при чтении 2-й главы из 2-го тома «Мертвых душ», то мне сделалось страшно: там каждая строка казалась написанною кровью и плотью, всей его жизнью. Казалось, он принял в свою душу всю скорбь России. Как поразительны теперь слова, заканчивающие первый том «Мертвых душ»: «Русь, Русь, куда несешься ты, дай ответ... Не дает ответа!» И не нашел ответа! Все сожжено им, ничего не осталось!..».

Цензура не случайно бдительно следила за тем, что писал Тургенев. Только что умер Гоголь, в муках

нравственных и эстетических исканий сжегший вторую часть своего последнего произведения — «Мертвые души». И Тургенев, которому были бесконечно дороги судьбы русской литературы, с великой горечью писал в некрологе о том, как много потеряла Россия со смертью Гоголя. «Гоголь умер. Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить». Тургенев назвал Гоголя великим писателем, который «означил эпоху в истории нашей литературы». В письме к П. Виардо, написанном сразу же по получении известия о смерти Гоголя, Тургенев с горечью заметил: «Вам трудно будет оценить всю огромность этой столь жестокой, столь полной утраты. Нет русского, сердце которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был более чем только писатель: он раскрыл нам нас самих. Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого».

Зная, как тяжело пережили смерть Гоголя С. Т. Аксаков и его сыновья, Тургенев делился с ними своими сокровенными переживаниями: «Скажу вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя. Эта страшная смерть — историческое событие, — понятна не сразу; это — тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духом не выдержать в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб».

Статья Тургенева о Гоголе появилась в «Московских ведомостях» в 1852 году под заглавием «Н. В. Гоголь. Письмо из Петербурга». Рядом с нею была напечатана статья С. Т. Аксакова «Письмо к друзьям Гоголя». Прогрессивная Россия увидела в гибели писателя реакцию на гнет самодержавия, на невыносимое для честного писателя сознание своего бессилия перед несправедливостью и злом.

«Ваша живая, прекрасная статья о Гоголе, — писал Тургеневу в следующем письме И. С. Аксаков, — помещена в одном номере со статьей моего отца. Это вышло очень кстати: этот дружный, согласный хор голосов двух разных поколений произвел на здешнюю публику особенное действие».

Тургенев откликнулся на письмо И. С. Аксакова: «Что Вы мне говорите о моей статейке в «Московских ведомостях» — мне было очень приятно, — на меня самого сильно подействовало соседство благородной и трогательной статьи Сергея Тимофеевича».

В этой статье С. Т. Аксаков писал: «Гоголя нет на свете. Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления. Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет. Но Гоголь сжег «Мертвые души»... вот страшные слова! Безотрадная грусть обнимает сердце при мысли, что Гоголь не досказал своего слова, что погиб плод десятилетних вдохновенных трудов, что навсегда исчезли созданные им образы, выступавшие во втором томе «Мертвых душ», первые главы которого он читал многим».

«Что собираетесь писать...»

После освобождения из ссылки Тургенев посетил Абрамцево. С. Т. Аксаков написал сыну Ивану:

«О Тургеневе писать — неуместно. Как добрый человек, он понравился нам, то есть некоторым. Но как его убеждения совершенно противоположны и как он совершенно равнодушен к тому, что всего дороже для нас, то ты сам можешь судить, какое он оставил впечатление. Впрочем, по моей веротерпимости это не мешает мне любить его по-прежнему».

Когда С. Т. Аксаков задумал книгу «Детские годы Багрова-внука», то его особенно затрудняло, как сделать, чтобы эта книга была не только о детстве, но и для детей. «Я занят теперь таким делом, — писал он Тургеневу, — о котором хотел бы знать ваше мнение. Я боюсь, попал ли я на настоящий тон и не нужно ли изменить самые приемы: я пишу книгу для детей, разумеется, не маленьких, а таких, которым около 12 лет. Я ничего не придумал лучшего, как написать историю ребенка, начал ее со времени баснословного, доисторического, и проведя его сквозь все впечатления жизни и природы, жизни преимущественно деревенской... Разумеется, здесь нет никакой подделки под детский возраст и никаких нравочувений». Тургенев поддержал С. Т. Аксакова: «Ваша мысль написать историю ребенка для детей — прекрасна, и я уверен, что вы исполните ее как нельзя лучше, с тою эпической ясностью и простотой, которая составляет вашу особенность между пишущей братьей».

Не случайно С. Т. Аксаков обращался к Тургеневу. В «Записках охотника», которые так нравились С. Т. Аксакову, Тургеневым были созданы замечательные образы детей — прежде всего в рассказе «Бежин луг», и именно в взаимообщении их с природой.

Тургенев так же страстно, как и С. Т. Аксаков, любил природу. В Спасском, где Тургенев написал рассказ «Бежин луг», было необыкновенно хорошо — «...зелено, золотисто, просторно».

Богатством, гордостью Спасского был парк, который раскинулся по скату огромного оврага и омывался с двух сторон большим прудом. Аллеи, состоящие из столетних лип, душистый сад, заросший травой и кустарником, производили поэтическое впечатление. Один из современников Тургенева говорил, «что многими прекрасными описаниями природы русская литература обязана впечатлениям, произведенным этим садом на Тургенева...».

Сад Тургенев очень любил и вспоминал о нем в своих письмах: «В деревне я провел целых три дня безвыходно в саду... нигде на свете нет такого запаха и такой зелено-золотистой серости (вот вам новое слово) под чуть-чуть лепечущими липами в этих узких и длинных аллеях, заросших травкой и земляничкой». А в повести «Фауст» писал о том же саде: «Люблю я эти аллеи, люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами, люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле».

Точность, любовь к конкретным деталям в наблюдении над природой, свойственные Аксакову, характерны и для Тургенева. В одном из писем Тургенев

рассказывал, как он вслушивался в тишину, улавливал то шорох и шелест листьев, то треск кузнечиков, то звонкий всплеск рыб в пруду, то серебристый звук падающей капли, то шепот и неясный звук человеческого голоса.

Где бы ни был Тургенев, он тосковал о России, и воспоминание о Спасском оживляло в его сознании образ Родины. Тургенев чувствовал, что эта внутренняя поэтическая связь с Родиной — основа его жизни и творчества. «Что ни говорите, — размышлял Тургенев, — человек гораздо больше растение, растение с корнем, чем он сам предполагает. ...Вы не можете себе представить, — как мне хочется вернуться в Россию, не теперь, а с первыми днями весны, когда запоют соловьи». Тургенев говорил о своем пребывании в Спасском: «...я провел здесь лучшие годы своей жизни».

Впечатления Тургенева от природы Спасского отразились почти во всех рассказах из «Записок охотника»: «Хорь и Калиныч», «Касьян с Красивой Мечи», «Льгов», «Певцы», «Бирюк», «Свидание», «Лес и степь». Не случайно писатель заканчивает книгу рассказом о природе, так как, по его мысли, добрые начала в характере крестьян вызваны общением с природой.

С. Т. Аксаков, как и Тургенев, бесконечно любил места своего детства, «девственную красоту» природы Оренбургского края.

В стихах Аксакова и Тургенева, посвященных деревне, при всем различии наполняющих их чувств, есть сходство отношения к природе и даже манеры стихотворного обращения к ней, имеющего общий литературный прообраз — «Евгения Онегина» и лирики

Пушкина. Аксаков писал в своих стихотворениях о душевной привязанности к родному краю:

В наш дикий край лечу душою:
В простор степей, во мрак лесов,
Где опоясаны дугою
Башкирских шумных кочевьев,
Озера светлые стоят,
Где в их кристалл с холмов глядят
Собравшись кони табунами...
Или где катится Урал
Под тению Рифейских скал!

У Тургенева читаем:

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов,
Люблю прислушиваться к лаю
Собак недремлющих, мычанью тяжких стад,
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип неизбежные тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...

Тургенев любит природу, но для него мир природы содержит в себе тайну, загадку о жизни и смерти, которую пока не удается разгадать человеку. Поэтому природа вызывает не только радость, но глубокую грусть и печаль. Таким светлым и грустным является рассказ «Бежин луг», в котором пейзаж играет большую композиционную роль. Рассказ заканчивается картиной яркого летнего утра, вызывающего настроение бодрости и надежды. Начавшийся день принес облегчение, наполнил радостью сердца ребят, прогнал

кошмары ночи с ее тайнами, сомнениями и неразрешенными вопросами. Но последняя фраза о Павлуше, в жизни которого сбылось одно из непонятных предсказаний, опять напоминает, что все не так ясно, как кажется на первый взгляд, и еще остается много непознанного.

И все же оптимистически звучащая картина природы обнаруживает надежду писателя на разум человека, на возможность победы его над стихийными силами природы и непонятными законами жизни.

С. Т. Аксакову, несомненно, было близко это сложное взаимодействие человека и особенно ребенка с природой. В композиции его книги «Детские годы Багрова-внука» тургеневский принцип параллельного изображения жизни природы и человека отразился в главах: «Багрово зимой», «Первая весна в деревне», «Летняя поездка в Чурасово», «Осенняя дорога в Багрово». Однако ребенок С. Т. Аксакова доверительнее относится к природе, непосредственнее радуется и, главное, в отличие от тургеневских крестьянских детей (у Аксакова изображен ребенок из дворянской среды) умеет разгадывать хотя бы некоторые ее тайны.

Если в «Семейной хронике» С. Т. Аксаков рассказывает о таинственных явлениях в природе наподобие тургеневских, то он спешит их объяснить: «По преданию известно, что Моховые озера были некогда глубокими лесными круглыми провалами с прозрачною, холодною, как лед, водою и топкими берегами, что никто не смел близко подходить к ним ни в какое время, кроме зимы, что будто бы берега опускались и поглощали дерзкого нарушителя неприкосновенного царства водяных чертей. Но человек —

заклятый и торжествующий изменитель лица природы!» Оказывается, что старинному преданию перестали верить, все обмелело, и от таинственного Белого ключа не осталось и следа.

«МУМУ» и «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР» в восприятии Аксаковых

На взаимоотношениях Тургенева с членами семьи Аксаковых лежит отпечаток противоречивого подхода его к славянофильству как к общественному течению: примиренческие стороны этого учения были ему чужды. Культурно-просветительские тенденции раннего славянофильства оказались близкими Тургеневу в его творческих исканиях, помогли писателю укрепить народную широкую эпическую основу, на которой позднее возникло здание большого романа. Лишь тогда, когда соединился анализ характера «лишнего человека» с анализом самих основ народной жизни, смогли появиться романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и другие. Но путь к этому лежал не только через повести о «лишних людях», через очерки «Записки охотника», но и через рассказы о народе, которые создает Тургенев в период своего сближения с Аксаковым. Это прежде всего рассказ «Муму» и повесть «Постоялый двор». Рассказ «Муму» Аксаковы одобрили, но сам Тургенев воспринимал его как написанный в «старой манере», когда анализировался

характер, но не вся жизнь в целом. Иван Аксаков отозвался о «Муму» в духе славянофильских идей. Он придал образу Герасима символический смысл: «Мне нет нужды знать: вымысел ли это, или факт, действительно ли существовал дворник Герасим, или нет. Под дворником Герасимом разумеется иное. Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений... Он, разумеется, со временем заговорит, но теперь, конечно, может казаться и немым, и глухим: теперь покуда он удалился к себе на родину». На это Тургенев ответил: «Мысль «Муму» вами так верно схвачена, что мне очень хочется знать, что вы скажете о «Постоялом дворе»... Я не знаю — ошибаюсь ли я или нет — здесь нет никого, кто бы мог мне это сказать — но я полагаю, что в «Постоялом дворе» — иду прямее и проще к цели — не кокетничаю и не умничаю, — а стараюсь дельно высказать то, что почитаю делом. Дай бог любому автору понять и выразить жизнь — где ему мудрить над ней или поправлять ее».

В повести «Постоялый двор» Тургенев рассказал о том, как стал «бродягой» и «странником» умный хозяйственный крестьянин после того, как помещица отобрала купленный им на его же деньги и построенный собственными руками постоялый двор. Герой этой повести — Аким — делает попытку взбунтоваться, пытается поджечь двор, но затем смиряется. «Постоялый двор» — наивысшая точка сближения Тургенева со славянофилами.

«Написать такую повесть, создать Акима, — писал Иван Аксаков, — или — все равно — уметь отыс-

кать его между другими, понять, оценить и возлюбить его — не только великая литературная и общественная заслуга, но и личный нравственный подвиг, дело души». С восхищением отзывался о повести С. Т. Аксаков: «...глубокая мысль этого рассказа обняла меня совершенно, — писал он, — и когда я проснулся по утру, то фигура Акима первая прошла передо мною. Повесть превосходная!.. Это — русские люди, русская драма жизни, некрасивая по внешности, но потрясающая душу, изображенная русским талантом».

Однако славянофилов испугала сила протеста, которая была заключена в повести. «Этот оскорбленный, ограбленный и разоренный Аким, — писал И. С. Аксаков, — умевший из-под развалин своего земного благосостояния возрасти до такой недостижимой для нас нравственной высоты, заставляет читателя даже стыдиться тех буйных выходов, которые возбуждаются в самом читателе в пользу Акима».

В целом сочувственно отозвался о повести и К. С. Аксаков. Однако Тургенев не мог безоговорочно согласиться с его мнением, в частности, с тем, что крестьянин «великий наставник и проповедник истины и добра христианского учения».

Гораздо ближе был Тургеневу отзыв С. Т. Аксакова, который подчеркивал жизненность, реальность образов Акима, его жены Авдотьи, Наума. Тургенев писал С. Т. Аксакову: «Ваша оценка каждого отдельного лица в «Постоялом дворе»... меня просто возгордила — стало быть, подумал я, я не напутал, коли Сергей Тимофеевич так верно понял все, что я хотел сказать».

*«Что роман? Велик будет мой
праздник, когда получу его»*

Тургенев сознавал, что серьезное трагическое содержание русской жизни требует широких обобщений, глубокого и детального анализа действительности. Поэтому он стремился, по его словам, отделаться от «старой манеры» исследования отдельных лиц, характеров, ситуаций и перейти к изображению общественных явлений во всей широте их связей и отношений. Это необходимо было для отражения сложных процессов, происходивших в общественной жизни России тех лет. Русская действительность требовала решений вопросов об освобождении крестьянства, о передовом общественном деятеле и о тех силах, которые выведут Россию из политического тупика.

Общение с семьей Аксаковых помогло Тургеневу в выяснении собственной позиции по важнейшим вопросам общественной и литературной жизни. В литературных спорах, дружеских беседах формировалась постепенно «новая манера», к которой так страстно стремился в этот период Тургенев.

Тургенев отдает на суд С. Т. Аксакова свой первый опыт большого эпического произведения, свой первый роман. От этого романа до нас дошел небольшой отрывок под названием: «Собственная господская контора». Только по письмам С. Т. Аксакова мы можем судить о первом крупном замысле Тургенева. С. Т. Аксаков с увлечением анализирует роман Тургенева и подробно пишет о своих впечатлениях.

Обсуждение этого произведения, так и не увидевшего свет, друзьями и прежде всего С. Т. Аксаковым было хорошей школой для Тургенева, вскоре ставшего автором известнейших романов «Рудин», «Накануне» и «Дворянское гнездо». С. Т. Аксаков старался своими советами помочь Тургеневу:

«Наконец получил я первую часть вашего безыменного романа, любезнейший Иван Сергеевич, и выслушал ее с величайшим вниманием, интересом и удовольствием. Говоря вообще, новое сочинение ваше имеет большие достоинства; но это только вступление в роман, и окончательного приговора произнести невозможно... Начну с того, что первая часть, как мне кажется, разделяется на две половины, на списанную с действительности, имеющую характер подлинных записок или воспоминаний, и на созданную фантазией автора. Первая, как факт, имеет высокий интерес истины, а вторая иногда не совсем удовлетворяет моим требованиям: как-то слышен переход от правды к вымыслу». В другом письме С. Т. Аксаков писал об этом же романе: «Объяснение в любви как-то слишком обыкновенно, чтоб не сказать — плохо. Оба молодые люди, то есть Елизавета Михайловна и Дмитрий Петрович, особенно последний, не возбуждают участия, и это верный знак, что они очерчены неудачно. Наконец, в романе много подробностей: некоторые написаны мастерски, например, уборка комнаты — это прелесть; но многие обличают претензию на живопись подробностей, на полноту представлений. Вообще можно сказать, что только те подробности в описании интересны, которые бросают какой-нибудь свет на действующие лица; в противном случае, они, как ненужные, утомительны. Это излишество есть у вас».

И. С. Тургенев. Рисунок П. Виардо.

Замечания и впечатления С. Т. Аксакова помогли Тургеневу отшлифовать «новую манеру», безукоризненный вкус С. Т. Аксакова, художественная завершенность его описаний служили образцом.

На глазах С. Т. Аксакова Тургенев формировался как мастер большой формы, создатель «европейского романа», и С. Т. Аксаков все чаще обращался к нему за одобрением своих произведений:

«Когда вы приедете ко мне, то я зачитаю вас до обморока. Я теперь с увлечением пишу историю моего болезненного детства, которая называется «Казанская гимназия». Стану ожидать вашего суда, на искренность и справедливость которого могу положиться». И еще: «Отзыв ваш о моей статье «Шушерин» был мне очень приятен: я верю вашему вкусу и вашей искренности, хотя в то же время признаю выражение, что вы должны учиться у меня слогу, преувеличенным выражением вашей дружбы».

С. Т. Аксаков продолжает делиться с Тургеневым своими наблюдениями над природой:

«О себе скажу вам, что я во все время теплой погоды удил, гулял, подсматривал за разными явлениями в природе и узнал две новости, во-первых, что щука в мае меняет зубы, и во-вторых, что кошки ловят рыбу, когда она бьет икру на мели около самых берегов и даже выбрасывается на них и на береговую травку. Может быть, вы это знаете, но я не знал до сих пор».

По просьбе Аксакова Тургенев прислал ему статью «О соловьях» для «Охотничьего сборника». С. Т. Аксаков живо откликнулся:

«Статья о соловьях — прелесть по живости рассказа, по специальности языка и по горячему чувству охотника, которым проникнуто каждое слово. Душевно благодарю за нее...».

Уехав за границу в 1859 году, Тургенев из Парижа присылает весточку С. Т. Аксакову, а затем отправляет ему отдельное издание своих «Повестей и рассказов». С. Т. Аксаков отвечает, что с удовольствием перечитывает произведения Тургенева в новом издании. Вскоре Тургенев переезжает в Рим, который

своей строгой и вечной красотой успокаивает его и настраивает на создание замечательных произведений — повести «Ася» и романа «Дворянское гнездо».

Приближалась крестьянская реформа, С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «...вы должны немедленно воротиться в Россию... Важность события требует, чтобы каждый русский, образованный и благонамеренный человек, был на своем месте, не в качестве помещика (что также весьма недурно), а в качестве члена общества... Нельзя жить на чужой стороне, когда решается судьба Родины». Эти мысли и настроения были близки Тургеневу.

Создавая образ Лаврецкого в романе «Дворянское гнездо», Тургенев имел в сознании и С. Т. Аксакова с его озабоченностью будущим России.

В романе «Дворянское гнездо» Тургенев выразил свою симпатию к славянофилам и в то же время продолжал с ними спор.

В истории четырех поколений рода Лаврецкого воплотились близкие славянофилам представления о необходимости возвратиться к народу, воссоединиться с ним. Если отец Лаврецкого, начитавшийся французских просветителей, только из протеста против деспотизма своего отца женился на крестьянке, то сам Лаврецкий уже осознает необходимость сближения с народом.

Тургенев придал Лаврецкому славянофильские черты и отнесся к ним сочувственно. Легкомысленный и легковесный представитель западных убеждений Паншин, либеральничавший чиновник, пытается доказать, что «все народы в сущности одинаковы, вводите только хорошие учреждения — и дело с концом». Лаврецкий при молчаливом сочувствии Лизы

вступает с ним в спор и разбивает его «на всех пунктах». «Он доказал ему невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания — переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный, привел в пример свое собственное воспитание, требовал прежде всего признания народной правды и смирения перед нею — того смирения, без которого и смелость противу лжи невозможна...» На вопрос Паншина, что же он намерен делать, Лаврецкий отвечает: «Пахать землю».

Позднее, в статье «По поводу «Отцов и детей» Тургенев писал: «Я — коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в «Дворянском гнезде») все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого «разбивать его на всех пунктах». Почему я это сделал — я, считающий славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в данном случае — таким именно образом, по моим понятиям, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым».

Работая над рукописью «Дворянское гнездо», Тургенев усиливал крестьянские, «мужицкие» черты во внешности своего героя, подчеркивал изначальную народную, крестьянскую цельность его характера, позже разрушенную воспитанием. Добротная крепкая натура оказалась изломанной. По мысли Тургенева, не удовлетворенная с юности потребность в тепле, нравственном общении способствовала пробуждению в Лаврецком эгоистического стремления к счастью, привела к потере сознания общественного долга, в

котором и должен быть заключен основной смысл и главная цель существования.

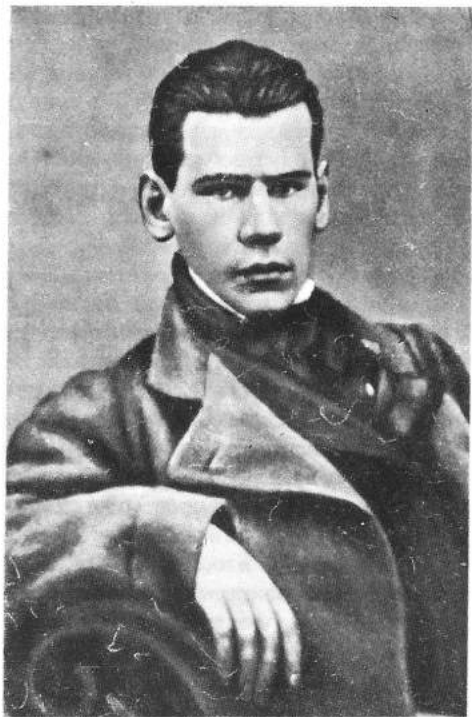
В крестьянской, деревенской жизни Лаврецкий чувствует возможность воплощения своих идеалов. «И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь, — думает он, — кто входит в ее круг — покойся, здесь незачем волноваться, нечего шутить; здесь только тому и удача, кто прокладывает свою тропинку не торопясь, как пахарь борозду плугом. И какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной тиши!.. И он снова принимается прислушиваться к тишине, ничего не ожидая — и в то же время как будто беспрестанно ожидая чего-то...»

Но ощущение тишины, прочности, покоя, надежд, связанных с крестьянской жизнью, оказывается обманчивым. В эти ожидания Лаврецкого врывается страстное чувство любви к Лизе, девушке, исполненной строгих и высоких нравственных правил, воспитанной в духе народных верований. Под влиянием няни Лиза привыкла с детства обращать к богу все чувства. У Лизы не было «своих слов», но были свои мысли, и шла она своей дорогой. «Вся проникнутая чувством долга, боязнию оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного бога восторженно, робко, нежно». Лиза отошла от людей дворянского круга. Ей были чужды изнеженность и пустота жизни матери. Жажда осмысленного и серьезного существования приводит ее к Лаврецкому, пробуждает в ней чувство любви к нему. Но узнав, что сообщение о смерти жены Лаврецкого ошибочно, она уходит в монастырь, что соответствует ее представлениям об идеальном, высоком, нравственном.

Здесь и жажда подвига, желание замолить грехи своих предков, и неприятие дворянского, праздного образа жизни и в то же время неверие в силу своей любви и любви Лаврецкого, и признание того, что «мирской» путь праведной жизни неизвестен и невозможен. При всей поэзии образа Лизы, сочувствии автора к высоте духа героини, развитие действия в романе, система образов свидетельствует о бесплезности ее жертвы. Путь Лизы не дает выхода из несчастья, несправедливости и всеобщего страдания. Унаследованная от народа любовь к богу оказалась для Лизы разрушительной.

Решение ее уйти в монастырь разбивает все надежды и ожидания Лаврецкого. Внешне цельный народный мир взрывается изнутри. Он не дает ни покоя, ни удовлетворения ищущей душе. Весь внутренний смысл романа направлен против учения славянофилов. В «Дворянском гнезде» Тургенев как бы подвел итог своим отношениям с ними. Он отдавал им дань уважения и в то же время понимал, что и они не нашли разрешения вопросов о судьбах России и пути к народу, сблизиться с которым искренне стремились. Несмотря на это, общение с семьей Аксаковых сыграло большую роль в формировании художественной манеры Тургенева-романиста.

А. Н. Толстой. С дагерротипа. 1849.

*АКСАКОВ
и
А. Н. ТОЛСТОЙ*

«Статью Толстого я прочел
с восхищением...»

Вот, наконец, преемник Гоголя!

И. С. Тургенев

Для С. Т. Аксакова, как и для Тургенева, главой литературной эпохи — той, в которую они жили и работали, — бесспорно, являлся Гоголь. Оба писателя утверждали, что именно Гоголь «сжал в одно крепкое целое» все, что было значительного в русской литературе до него, а им, его продолжателям, приходилось только разрабатывать «в ширину и вразбивку» его художественные завоевания.

Для Аксакова Гоголь являлся именно тем ярким талантом, который, оставив блестящий след за собою, долго не забывается потомками. Тургенев рассматривал свою литературную эпоху как эпоху междуцарствия «между Гоголем и будущим главою» и определял себя самого как писателя «переходного времени».

В 1854 году И. С. Тургенев прочитал «Отрочество» Л. Н. Толстого. Он сразу же заявил своим друзьям: «Прочтите «Отрочество» в 10-й книге «Современника». Вот, наконец, преемник Гоголя!».

На Аксакова «Отрочество» Толстого также произвело огромное впечатление.

Эта повесть, как и повесть «Детство», как вся трилогия Толстого, безусловно, оказала большое влияние на создание С. Т. Аксаковым его книги «Детские годы Багрова-внука» и на все его дальнейшее творчество.

«Севастопольские рассказы» Толстого, проникнутые чувством подлинного патриотизма и глубокого уважения к мужеству русского солдата, преклонением перед героизмом русского народа, встретили горячий отклик в сердцах обоих писателей.

«Читали ли вы статью Толстого «Севастополь» в «Современнике»? — спрашивал в письме И. С. Тургенев. — Я читал ее за столом, крича «ура!» и выпил бокал шампанского за его здоровье».

С. Т. Аксаков с живостью откликнулся на это письмо: «Статью Толстого я прочел с восхищением и так же мысленно кричал ура и сочинителю, и тому, что она напечатана».

С. Т. Аксаков получил от сына Ивана Сергеевича письмо, написанное под влиянием чтения этого же произведения: «Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь — и кажется, что не струсить и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время теплый анализ в сочинениях этого Толстого».

С этого времени в письмах С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева, так же как и в переписке отца и сыновей Аксаковых, постоянно встречаются упоминания о Л. Н. Толстом.

В конце января 1856 г. произошло личное знакомство Л. Н. Толстого и Аксакова. Об этом С. Т. Аксаков писал М. П. Погодину: «Всякий день пребывает у меня человек десять, а сегодня вдруг сошла целая дюжина. Между прочим пришел познакомиться со мной граф Л. Н. Толстой и завтра читает у меня свою новую пьесу из крестьянского быта и просит, кажется искренне, самых строгих замечаний».

О состоявшемся знакомстве сообщалось и в письме к И. С. Тургеневу. «Мы оба с Константином

очень рады знакомству с графом Толстым, — писал С. Т. Аксаков. — Он умен и серьезен; он способен понимать строгие мысли, в какие бы пустяки не вовлекала его пошлая сторона жизни. Я ставлю его очень высоко по задаткам, которые он дал нам...»

20 мая 1856 г. у Аксаковых читался четвертый отрывок «Семейной хроники» С. Т. Аксакова — «Молодые Багровы», о чем у Толстого есть дневниковая запись: «...ездил к Аксаковым, слушал 4-й отрывок. Хорошо, но старика захвалили».

С этого времени начались их встречи, обмен мнениями по вопросам, волновавшим обоих писателей.

Как и Аксаков, Толстой записывает впечатления от встреч в своем дневнике. Некоторые из этих записей открывают принципиальные позиции Толстого и, в частности, говорят о его отношении к славянофильству: «Вечером сидел у Оболенского с Аксаковым, И. Киреевским и др. славянофилами. Заметно, что они ищут врага, которого нет. Их взгляд слишком тесен и не задевающий за живое, чтобы найти отпор. Он не нужен».

Отношение Л. Н. Толстого к славянофильству довольно сложно и противоречиво. Оно менялось в разные периоды жизни. Несмотря на споры со славянофилами и понимание того, что в славянофильстве «имеются враждебные ему элементы — монархизм, национализм, православие, гегельянское оправдание существующего», как свидетельствует друг семьи Толстых и домашний врач Д. П. Маковицкий, Л. Толстой отдавал должное их уважению к народу и его истории.

После встречи в мае 1856 года с одним из образованнейших славянофилов И. В. Киреевским

Л. Н. Толстой записал в своем дневнике, что в учении славянофилов содержатся «серьезные истины». Л. Толстой, как и славянофилы, отвергал для России европейский путь развития. Впадая в крайности, он не принимал европейскую культуру, считая ее не соответствующей народным представлениям об искусстве.

Подытоживая в конце жизни «притягивание — отталкивание» со славянофилами, Толстой, по словам Д. Маковицкого, говорил: «Никто из русских не имел для меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния, как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков».

Семейство С. Т. Аксакова имело особенное значение для Толстого. Ему представлялось, что в патриархальном укладе жизни Аксаковых была найдена гармония «образованного класса» с народом, преодолен разрыв дворянства с тем, что составляет основу жизни, — родной народной стихией. Впечатления от семьи Аксаковых нашли отражение в первоначальном варианте романа «Декабристы» — в описании семейства Аксатовых. И многочисленная семья Ростовых в «Войне и мире» несомненно «наследует» многие аксаковские черты, и прежде всего — близость к народу, понимание его жизни, его значения в истории.

Одним из первых С. Т. Аксаков почувствовал в молодом Толстом самую большую, едва ли не единственную надежду русской литературы. Выход в свет каждой новой вещи Толстого он рассматривал как крупное литературное событие и делился своими впечатлениями с Тургеневым.

Окрестности Ясной Поляны.

В одном из писем Тургеневу С. Т. Аксаков рассказывает, что виделся с Толстым, который «поехал эмансипировать свою Ясную Поляну». «Все это прекрасно», — пишет Аксаков и соглашается с ранее высказанным мнением Тургенева о личности Толстого: «Ваш отзыв о нем очень справедлив». Оба писателя находят Толстого «странным» и объясняют это тем, что характер его еще не установился. Следует напомнить, что Аксаков был старше Толстого на 37 лет, а Тургенев — на 10 лет.

«Толстому, — писал Тургенев Аксакову 27 февраля 1856 года, — я передал ваш поклон и ваше поручение. Он написал превосходный рассказ под названием «Метель». Вы увидите его в мартовской книжке «Совр[еменник]а».

«Скажите, пожалуйста, графу Толстому, — отвечал С. Т. Аксаков, — что «Метель» превосходный рассказ. Я могу об этом судить лучше многих: не один раз испытал я ужас зимних буранов, и однажды потому только остался жив, что попал под стог сена и в нем ночевал. Скажите ему, что подробностей слишком много; однообразие их несколько утомительно. Хотя я мало с ним знаком, но не боюсь сказать ему голую правду».

Как видим, С. Т. Аксаков в своем общении с Л. Н. Толстым считал необходимым высказать все, что думал по поводу его произведений. Это было продиктовано глубоким уважением Аксакова к молодому, растущему таланту. Критерием оценки художественного произведения для него и здесь является соответствие написанного с живой, реальной действительностью.

23 ноября 1857 года Толстой читал свою новую повесть «Альберт» Аксакову, который остался ею очень доволен. Можно предположить, что «Альберт» Толстого понравился Аксакову своей мыслью о преобладающей силе вдохновенного искусства.

В то же время в Аксаковых происходили чтения воспоминаний С. Т. Аксакова о детстве.

25 января 1857 года Толстой впервые слушал повесть на чтениях у Аксаковых и записал в своем дневнике: «Детство, прелестно!». Через несколько дней в письме к критику В. П. Боткину Толстой возвращается к этому произведению. Он пишет: «Слышал я две замечательные литературные вещи: Воспоминания Детства С. Т. Аксакова и Доходное место Островского. Первая вся мне показалась лучше лучших мест Семейной Хроники, нету в ней сосредото-

тачивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения».

Можно предположить, что Толстой поделился своим мнением о новой книге и с ее автором, что было для Аксакова большой радостью и поддержкой в работе над повестью о детстве.

Во время работы над этой повестью С. Т. Аксаков писал сыновьям о том, что он как бы открывает новую страницу в своем творчестве. В связи с этим «Детство» и «Отрочество» Толстого, как и другие его ранние сочинения, были для Аксакова по-особому значительны.

Самым важным для Аксакова было раскрытие всей полноты внутренней жизни ребенка в ее противоречивой сложности. Кто же, как не Толстой, мог быть для него лучшим примером?

Н. Г. Чернышевский писал, что Толстого более всего занимает «сам психический процесс, его законы, диалектика души», что «глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства... останутся существенными чертами его таланта».

В период работы над созданием «Войны и мира» мы находим следующую запись Толстого: «Сколько я ни пытался сначала придумать завязку и развязку (речь идет о первоначальном плане романа «Война и мир». — Э. В.), я убедился, что это не в моих средствах, и решился в описании этих лиц отдать своим привычкам и силам... Я старался только, чтобы каждая часть сочинения имела независимый

интерес». На полях: «Вспомнить Тургенева, Гоголя, Аксакова».

Как видим, Аксаков упоминается среди писателей, с которыми особенно считался Толстой.

Толстой продолжал бывать в гостеприимном доме до самой кончины С. Т. Аксакова. Иной раз между ними возникали споры. Интересна дневниковая запись Толстого от 6 января 1858 года: «К Аксаковым. Спор со стариком. Аристократическое чувство много значит. — Но главное. Я чувствую себя гражданином, а ежели у нас есть власть, то я хочу власть в уважаемых руках». Очевидно, что спор шел о дворянской аристократии и народе, о сложных вопросах предрформенной жизни России.

Наступило время тяжелой болезни Сергея Тимофеевича. Толстой неоднократно был свидетелем страданий писателя. В дневниковой записи от 16 сентября 1858 года сказано: «Тоска ужасная. Обедал у Аксаковых, старик мучается. Я болтал без умолку. Зачем?».

30 апреля 1859 года С. Т. Аксаков скончался.

В последующие десятилетия Толстой не раз возвращался к произведениям Аксакова.

В дневнике Толстого от 1-апреля 1891 года есть запись: «...читали по вечерам «Семейную хронику».

Работая в 1870 году над своей знаменитой «Азбукой» для крестьянских детей, Толстой включил в нее сказку «Ореховая ветка», в которой отразились сюжет, образы, мотивы, вся нравственная атмосфера сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек».

Л. Толстой немного упростил и облегчил сюжет этой сказки, так как «Азбука» предназначалась для самого раннего детского чтения, но смысл ее — тор-

жество верности, добра и бескорыстия — остался тем же. У Л. Толстого старшая и средняя дочь попросили отца привезти бусы и колечко, а «меньшая» — ореховую ветку. Когда отец сорвал ореховую ветку с золотыми орехами, то медведь потребовал у него дочь. Младшая дочь пошла с медведем, чтобы спасти отца, и стала женой молодого князя. По убеждению Л. Толстого, «ребенок не требует понятливого, но требует живого, сильно действующего на воображение». Такой сказкой и был аксаковский «Аленький цветочек». Яркая, живая, убедительно доносящая до маленьких читателей гуманистическое содержание, она близка всему творчеству Аксакова и связана с лучшими традициями русской литературы.

«ДЕТСТВО» Л. Н. Толстого и «ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА- ВНУКА» С. Т. Аксакова

*Счастливая, счастливая, невозвратимая
пора детства! Как не любить, не делять
воспоминания о ней? Воспоминания эти
освежают, возвышают мою душу и служат
для меня источником наслаждений.*

Л. Н. Толстой

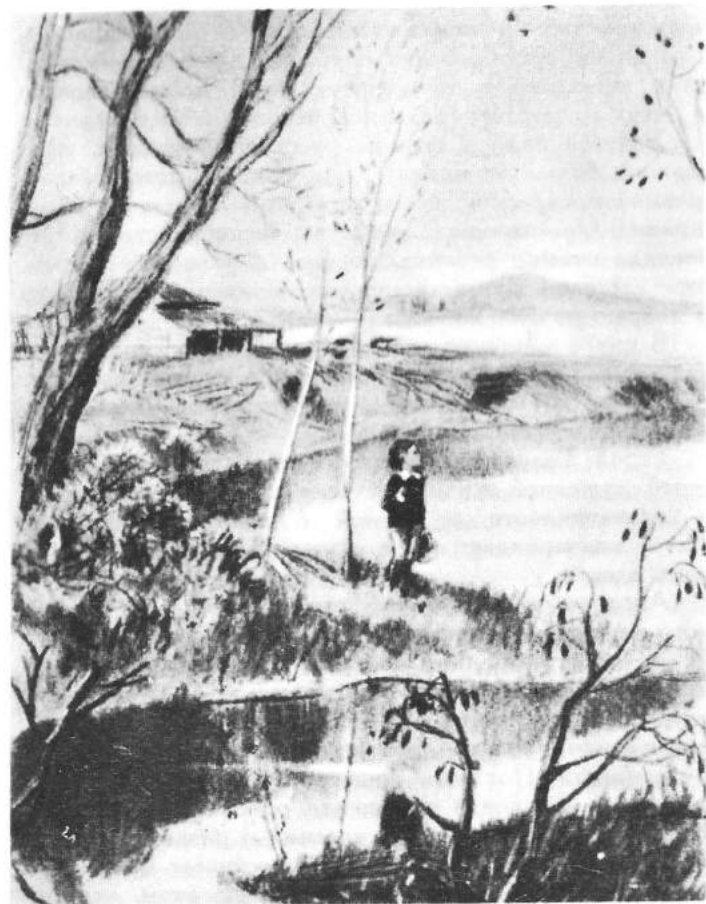
Литературное общение С. Т. Аксакова и Л. Толстого, споры о волнующих вопросах времени, общность бытового уклада жизни, интерес к проблемам

С. Т. АКСАКОВ

**ДЕТСКИЕ ГОДЫ
БАГРОВА - ВНУКА**

ДЕТГИЗ 1945

Из рисунков Д. Шаринова к «Детским годам Багрова-внука».

нравственным и психологическим, и прежде всего к развитию души ребенка, обусловили взаимодействие двух писателей в творчестве. В их произведениях о детях и детстве появились невольные переклички.

Толстой явился первым русским писателем, сказавшим большую правду о ребенке, о детстве, как о самой прекрасной, неповторимой поре человеческой жизни. Он раскрыл свежесть, непосредственность взгляда на мир ребенка, поведал о таящихся в глубине детской души сомнениях, колебаниях, о вере в добрые начала жизни.

В книге «Детские годы Багрова-внука», опубликованной в 1858 году, С. Т. Аксаков, следуя по пути Толстого, во многом по-своему отразил многогранный мир детства.

Герой Толстого больше сосредоточен на анализе своей душевной жизни во всей сложности, а порой и драматичности ее связей с действительностью. Автор подчеркивает в нем активный поиск нравственного идеала.

Аксаков при явном интересе к проблемам духовного развития человека останавливает основное внимание на естественном стремлении ребенка к гармонии с миром. Как и у Толстого, его герой наблюдает, изучает окружающее, но больше погружен в общий поток жизни, и сам — воплощение ее чистоты и незамутненности. Понятно, почему так пристально вглядывается Аксаков в отношения ребенка с природой. Именно в описании возникновения и развития чувства природы у ребенка Аксаков достигает особенной тонкости психологического анализа. В этом, кстати, Толстой видел самую сильную и поэтическую сторону произведения Аксакова.

Всепоглощающая любовь к матери маленького Сережи осмысливается писателем во многом через отношение мальчика к природе.

Однажды на реке захваченный любимым занятием — ужением рыбы — Сережа вдруг почувствовал непреодолимое желание увидеть мать. Может быть, отсутствие матери не давало ему ощущения полноты радости, праздника. «Дали мне держать удилище, но мне сделалось так грустно, что я положил его и стал просить отца, чтобы он отправил меня с Евсеичем к матери. Отец удивился, говорил, что еще рано, что солнышко еще целый час не сядет, но я продолжал проситься и начал уже плакать... Мое скорое возвращение удивило, даже испугало мать. «Что с тобой? — вскрикнула она, — здоров ли ты?» Я отвечал, что совершенно здоров, но что мне не захотелось уходить. По нетвердому моему голосу, по глазам, полным слез, она прочла все, что происходило в моем сердце». Они понимали друг друга без слов.

Одаренная сложным миром чувств Софья Николаевна открыла сыну неиссякаемый источник материнской любви, которая во многом определила его отношение к жизни.

Под влиянием отца в Сереже пробудилось сердечное внимание к труду и заботам крестьян. С раннего детства мальчик ездил с отцом в поле и наблюдал полевые работы. С любопытством и наслаждением он вглядывался в согласованные движения косцов на «потаенном Колке» и вслушивался в ритмичный звук поднимаемых одновременно кос. «В этой работе было что-то доброе, веселое, — писал Аксаков, — так что я не вдруг поверил, когда мне сказали, что она тоже очень тяжела. Какой легкий воздух, какой чудесный

запах разносился от близкого леса и скошенной еще рано утром травы». Это описание вызывает в памяти картину косьбы Левина в романе Толстого «Анна Каренина», написанном много позже.

Книги о детстве Толстого и Аксакова во многом роднит характер мировосприятия их главных героев. И Николенька, и Сережа — натуры впечатлительные, эмоциональные, тонко чувствующие. Поэтому во многом сходны их реакции на события жизни.

К тяжелым и грустным страницам принадлежат главы, посвященные поездке семейства Сережи в Багрово зимой к умирающему дедушке.

Сама дорога, когда мальчик, сестренка, Параша и женщины, их сопровождавшие, ехали в маленьком тесном возке с запорошенными снегом окнами, была мучительна для Сережи. Трудно было и его больной матери, ехавшей с отцом в открытой коляске. Мальчика угнетало предчувствие несчастья. Сережа боялся, что они или «замерзнут, как воробьи и галки, которые на лету падали мертвыми, по рассказам Параша, или захворают».

На нервного, болезненного и впечатлительного мальчика действовали и стужа, и рассказы Параша, а главное — страх за здоровье матери.

Неожиданная остановка ночью, связанная с тем, что чуть было не замерз чуваш, ехавший форейтором на возке, сильно испугала Сережу. Перед самым Багровым опрокинулся возок, в котором мальчик чуть не задохнулся, что уже совсем омрачило настроение, связанное с зимней поездкой.

«Наконец, послышался лай собак, замелькали бледные, дрожащие огоньки из крестьянских изб; слабый свет их пробивался в наши окошечки, менее

прежнего запущенные снегом, — и мы догадались, что приехали в Багрово...»

Подобный же страх переживает однажды Николенька Иртеньев в «Отрочестве». Неминуемо надвигающаяся гроза все более пугала мальчика и наводила на него «невыносимо тяжелое чувство тоски и страха». «Явившаяся неизвестно откуда, большая лиловая туча быстро подвигалась к бричке». Изредка уже вспыхивала молния, и разносившийся гул постепенно переходил в «прерываемые раскаты, обнимающие весь небосклон». Исчезает солнце, меняется вся окрестность, принимая мрачный характер. Дрожит осиновая роща. Бело-мутного цвета становятся листья. Раскачиваются верхушки деревьев, пучки сухой травы летят через дорогу. Носятся птицы. Молнии вспыхивают, будто в самой бричке. «Бричка шибко катится под гору и стучит по дощатому мосту; я боюсь пошевелиться и с минуты на минуту ожидаю нашей общей гибели».

Еще больше сходства наблюдается в отношении детей к смерти близких им людей.

Сережа потрясен видом умирающего дедушки. Мать старается ободрить его: «Можно ли бояться дедушки, который едва дышит и уже умирает?» Я подумал, что того-то и боюсь, но не смел этого сказать».

Только в момент прощания с дедушкой, когда Сережа осознал, что вокруг него находится много людей, мальчик забыл о своем страхе. «Страх мой совершенно прошел, и в эту минуту я вполне почувствовал и любовь и жалость к умирающему дедушке».

Как и Николенька Иртеньев, Сережа Багров только в отдельные моменты происходивших в доме печальных событий остро чувствовал горе.

Очевидно, именно Толстой помог Аксакову так искренне и правдиво поведать о горе ребенка. Рассказывая о том, как весело болтал Сережа с двоюродными сестрицами, навестившими их в гостиной еще до смерти дедушки, Аксаков дает точное психологическое объяснение состояния ребенка: «Бессознательно я хотел подавить в себе пустыми разговорами постоянное присутствие мысли о дедушкиной смерти».

Как и Толстой, Аксаков показывает, что присутствие и близость смерти в доме не лишило ребенка присущей ему наблюдательности. Так, например, проходя из своей комнаты в комнату двоюродных сестриц, мимо девичьей, мальчик впервые увидел, как прядут, и внимательно наблюдал за работой. Но в то же время вся обстановка в доме постоянно возвращала его, как и Николеньку, когда умерла его мать, к большому семейному горю. В тот момент, когда Сережа стоял у девичьей, из комнаты дедушки раздался громкий плач. Не помня себя от страха, мальчик забился в угол. Вслушиваясь в рассказ Параши о дедушке, Сережа испытывал все больший и больший ужас. «Новый, еще страшнейший образ умирающего... нарисовало мое воображение. Этот образ неотступно стоял перед моими глазами. Я почувствовал всю бесконечность муки, о которой нельзя сказать окружающим, потому что человек уже не может говорить. Я схватил руку Параши, не выпускал ее и перестал говорить».

Однако в схожих ситуациях яснее проступают индивидуальные черты в психологических рисунках у Толстого и Аксакова.

В душе Николеньки постоянно присутствует пылкий нравственный судья. Мальчик стремится дать

А. Н. Толстой на косьбе. Рисунок Л. О. Пастернака. 1893.

себе отчет во всех переживаниях с точки зрения их глубины и искренности. Он всем сердцем любил мать и, познав впервые горе, дает строгую, без всякой снисходительности оценку своему чувству. Вместе с тем он вглядывается в то, как переживают горе его близкие. От степени искренности и непритворности чувств других людей зависит отношение Николеньки к ним. Он составляет свое мнение о людях, наблюдая за их мимикой, жестами, выражением глаз, которые говорят ему больше слов о внутренней душевной жизни человека. Нравственный критерий — главное в оценке Николенькой себя и окружающих.

Аксаков тоже раскрывает диалектику души ребенка. Но в отличие от Николеньки Сережа подавлен стихийным страхом и прежде всего анализирует свои собственные ощущения.

С большой силой правды Толстой показал, что горе ребенка перемежается с всепоглощающим чувством жизни. Так, уже во время возвращения в Москву после похорон матери грустное чувство покидает его.

Новые живописные места, дорога останавливают и развлекают его внимание, «а весенняя природа вселяет в душу отрадные чувства — довольства настоящим и светлой надеждой на будущее». Вышло солнце и озарило все радостным светом; мальчик это чувствует: «Все так прекрасно вокруг меня, а на душе так легко и спокойно...». Николенька замечает и угрюмую ракиту, и молодую березку, и мелкую зеленую травку дороги; слышит песни жаворонков, кружащихся и вьющихся около самой дороги. Он чувствует «в душе отрадное беспокойство, желание что-то сделать — признак истинного наслаждения».

Как и Толстой, Аксаков глубоко верил во всепобеждающую силу жизни, целительное влияние природы.

В минуты самых тяжелых переживаний Сережа инстинктивно тянулся к природе: «Комната мне чрезвычайно нравилась: кроме того, что она отдаляла меня от покойника, она была угольная и одною своей стороной выходила на реку Бугуруслан, который и зимой не замерзал от быстроты течения и множества родников... В первый раз почувствовал я, что и вид зимней природы может иметь свою красоту».

Мудрое понимание закономерности и естественности процессов жизни, вера в победу ее светлых начал, столь характерные для таланта Аксакова, высоко ценил Толстой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С. Т. Аксаков на протяжении своей жизни был свидетелем и участником многих литературных событий, борьбы различных течений и литературных школ. Его большой талант признавали Гоголь, Герцен, Тургенев, Толстой, Салтыков-Щедрин, Некрасов и другие писатели.

Достоверность и правду аксаковской прозы хорошо почувствовали и высоко оценили Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

«Художественные достоинства произведений Аксакова были так ярки, что обратили внимание многих на нравственные качества самого автора», — писал Добролюбов.

Н. Г. Чернышевский назвал «Семейную хронику» вещь «положительно эпической». Большую разоблачительную силу этого произведения подчеркивал М. Е. Салтыков-Щедрин, вспоминая образ Куролесова. Журнал революционных демократов «Современник» в 1859 году в некрологе охарактеризовал Аксакова как «честного и полезного гражданина», чье имя «займет почетную страницу в истории русской литературы».

Вернувшийся из ссылки великий украинский поэт Т. Г. Шевченко записал в дневнике: «Радостнейший из радостных дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков».

Горячая заинтересованность в судьбах русской культуры привлекала к Аксакову крупнейших писате-

лей, которые много выносили для себя из общения с ним. Но время расширило круг литераторов, связанных с С. Т. Аксаковым. Не только «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л. Н. Толстого, «Былое и думы» А. И. Герцена, но и «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина, и «История моего современника» В. Г. Короленко, «Детство» и «В людях» А. М. Горького, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Повесть о днях моей жизни» И. Е. Вольнова, трилогия Н. Г. Гарина-Михайловского и многие автобиографические книги советских писателей (Пришвина, Чапыгина, Паустовского, Гладкова и других) так или иначе связаны с автобиографической традицией, которая нашла талантливое воплощение в творчестве Аксакова.

Произведения Аксакова пережили свое время. Среди книг, которые «вымыли... душу, очистив ее от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности», М. Горький назвал «Семейную хронику» С. Аксакова. «От этих книг, — писал М. Горький, — в душе спокойно сложилась стойкая уверенность: я не один на земле и — не пропаду!» Советуя молодым писателям совершенствовать свои произведения, М. Горький говорил: «Заботьтесь об языке: всегда читайте Пушкина, Аксакова, Чехова».

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	5
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ	15
«ЗНАКОМСТВО С ДЕРЖАВИНЫМ»	57
«О ЗНАЧЕНИИ ПОЭЗИИ ПУШКИНА»	75
АКСАКОВ И ГОГОЛЬ	91
АКСАКОВ И ТУРГЕНЕВ	153
АКСАКОВ И Л. Н. ТОЛСТОЙ	197
ПОСЛЕСЛОВИЕ	218

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах
и пожелания об их содержании и оформлении.
Напишите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу:
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Войтоловская Элла Львовна
С. Т. АКСАКОВ В КРУГУ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

Ответственный редактор Н. Е. Прийма.
Художественный редактор А. В. Карпов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарева.

ИБ 5939

Сдано в набор 25.03.82. Подписано к печати 06.07.82.
Формат 70×100^{1/32}. Бумага офсетная № 1.
Шрифт академический. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 18,2. Уч.-изд. л. 7,79.
Тираж 100 000 экз. М-34 874. Заказ № 330. Цена 35 коп.
Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени
издательства «Детская литература»,
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Войтоловская Э. Л.

В-61 С. Т. Аксаков в кругу писателей-классиков:
Документ. очерки/Раздел «Аксаков и Тургенев»
написан Э. Румянцевой; Раздел «Знакомство
с Державиным» — Н. Роговой; Оформл. И. Сен-
ского; Фотоработы А. Короля. — Л.: Дет. лит.,
1982: — 220 с., ил. (Школьная б-ка.)

В пер.: 35 коп.

Книга о жизни и деятельности С. Т. Аксакова, о его взаимоотношениях
с писателями-классиками Державиным, Пушкиным, Гоголем, Тургеневым,
А. Толстым, о литературной борьбе 40-х гг. XIX в.

480200000—172
В—456—82
М101(03)—82

Р I

Читайте книги
издательства «Детская литература»,
вышедшие в 1981 г.

Акимов В.
НА ВЕТРАХ ВРЕМЕНИ

Черейский Л.
СОВРЕМЕННИКИ ПУШКИНА

Коровин В.
«ЛЕЛЕЮЩАЯ ДУШУ ГУМАННОСТЬ...»

Наровчатов С.
НЕОБЫЧНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Прокушев Ю.
КОЛЫБЕЛЬ ПОЭЗИИ